

*Российская академия наук
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е.М. Примакова*

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2021 Том 65 № 1 Январь

Основан в июле 1957 г.

Выходит 12 раз в год
ISSN 0131-2227

*Журнал издается под руководством
Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН*

Главный редактор

А.В. РЯБОВ

Редакционная коллегия:

В.С. Автономов (НИУ ВШЭ, ИМЭМО, Москва), В. Андрефф (Ун-т Парижа, Сорбонна-1, Франция), В.Г. Барановский (ИМЭМО, Москва), А.Г. Большаков (Казанский (Приволжский) федеральный ун-т, Казань), Ю.А. Борко (Институт Европы, Москва), Л. Бреннан (Тринити Колледж, Ирландия), Ф.Г. Войтоловский (ИМЭМО, Москва), А.А. Дынкин (ИМЭМО, Москва), В.С. Загашвили (ИМЭМО, Москва), Н.И. Иванова (ИМЭМО, Москва), С.М. Кадочников (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург), Р.И. Капелюшников (ИМЭМО, НИУ ВШЭ, Москва), Э.В. Кириченко (ИМЭМО, Москва), Н.А. Косолапов (ИМЭМО, Москва), Ю.А. Красин (Институт социологии, Москва), В.Л. Ларин (Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Владивосток), Ли Юнцюань (Университет Китайской академии общественных наук, Пекин), К. Лиухто (Ун-т Турку, Финляндия), Г. Манготт (Инсбрукский ун-т им. Леопольда и Франца, Австрия), В.С. Мартыанов (Институт философии и права УрО РАН, Екатеринбург), А. Мальхотра (Институт энергии и ресурсов, Индия), Е.В. Морозова (Кубанский государственный ун-т, Краснодар), В.П. Оболенский (Институт экономики, ИМЭМО, Москва), Г.М. Олевский (Латвийский государственный ун-т, Латвия), К. Росс (Университет Данди, Великобритания), А. Ротфельд (Варшавский ун-т, Польша), А.В. Рябов (“МЭ и МО”, Москва), Н. Симотомай (Ун-т Хосей, Япония), А. Стент (Джорджтаунский ун-т, США), А.В. Торкунов (МГИМО(У), Москва), Л.А. Фадеева (Пермский государственный ун-т, Пермь), П. Фердинанд (Уорикский ун-т, Великобритания), Фэн Шаолэй (Восточно-Китайский педагогический университет, Шанхай), К.К. Худoley (Санкт-Петербургский государственный ун-т, Санкт-Петербург), Ю.Г. Чернышов (Алтайский государственный ун-т, Барнаул), С.В. Чугров (МГИМО(У), Москва)

Заведующая редакцией Е.Е. РУБЦОВА

*Адрес редакции: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 23
Тел.: 8-499-128-08-83*

Электронная почта: metojournal@mail.ru, metojournal@imemo.ru

Москва

© Российская академия наук, 2021
© Национальный исследовательский институт
мировой экономики и международных отношений
имени Е.М. Примакова РАН, 2021
© Составление. Редколлегия журнала
“Мировая экономика и международные отношения”, 2021

*Russian Academy of Sciences
Primakov National Research Institute of World Economy
and International Relations*

**WORLD ECONOMY
AND INTERNATIONAL RELATIONS**
(Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya)

2021 Vol. 65 No. 1 January

Published since July 1957

Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 0131-2227

*The Journal is published under supervision of the Department of Global Problems
and International Relations of the RAS*

Editor-in-Chief

A. RYABOV

Editorial Board:

AVTONOMOV V. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), ANDREFF W. (University Paris I Pantheon Sorbonne, France), BARANOVSKY V. (IMEMO, Moscow), BOL'SHAKOV A. (Kazan' (Privolzhskii) Federal University, Kazan), BORKO Y. (Institute of Europe, Moscow), BRENNAN L. (Trinity College, Ireland), VOITOLOVSKY F. (IMEMO, Moscow), DYNKIN A. (IMEMO, Moscow), ZAGASHVILI V. (IMEMO, Moscow), IVANOVA N. (IMEMO, Moscow), KADOCHNIKOV S. (Higher School of Economics, Saint-Petersburg), KAPELYUSHNIKOV R. (IMEMO, Higher School of Economics, Moscow), KIRICHENKO E. (IMEMO, Moscow), KOSOLAPOV N. (IMEMO, Moscow), KRASIN Y. (Institute of Sociology, Moscow), LARIN V. (Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Vladivostok), LI YONGQUAN (University of Chinese Academy of Social Sciences, Beijing), LIUHTO K. (University of Turku, Finland), MANGOTT G. (University of Innsbruck, Austria), MART'ANOV V. (Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Ekaterinburg), MALHOTRA A. (The Energy and Resources Institute, India), MOROZOVA E. (Kuban' State University, Krasnodar), OBOLENSKIY V. (Institute of Economics, IMEMO, Moscow), OLEVSKY G. (Latvian State University, Latvia), ROSS C. (University of Dundee, UK), ROTFELD A. (University of Warsaw, Poland), RYABOV A. (MEMO Journal, Moscow), SHIMOTOMAI N. (Hosei University, Japan), STENT A. (Georgetown University, USA), TORKUNOV A. (MGIMO-U, Moscow), FADEEVA L. (Perm' State National Research University, Perm), FERDINAND P. (University of Warwick, UK), FENG SHAOLEI (East China Normal University, Shanghai), KHUDOLEY K. (Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg), CHERNYSHOV Y. (Altai State University, Barnaul), CHUGROV S. (MGIMO-U, Moscow)

Office Manager E. RUBTSOVA

Address: 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation
Tel.: +7-499-128-08-83

e-mail: memojournal@imemo.ru, memojournal@mail.ru

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

2021, Том 65, Номер 1

Мир в начале тысячелетия

- Глобализация и национальное государство: вчера, сегодня, завтра
В. Кувалдин 5
-

Экономика, экономическая теория

- Глобальные цепочки создания стоимости в период пандемии *COVID-19*
В. Варнавский 14
- Преодоление последствий *COVID-19* в ЕС: наднациональный финансовый аспект
Е. Сидорова 24
- Экономическая политика Японии в период пандемии
А. Белов 33
- Экономика Испании в условиях *COVID-19*: анамнез и перспективы восстановления
К. Никулин 42
-

Большой Ближний Восток

- Ближневосточные конфликты сегодня: между религией и геополитикой
А. Шумилин 50
- Саудовская Аравия и Израиль: палестинский контекст
Г. Косач 61
-

Китай: внутренняя и внешняя политика

- Болевые точки Пекина – 2 (Взгляд из середины 2020 г.)
В. Михеев, С. Луконин 70
-

Европа: новые реалии

- Формула безопасности Северной Европы
К. Воронов 82
-

Россия: экономика, политика

- Политика России на Балканах: современное состояние и перспективы
К. Худoley, Е. Колосков 90
-

Современные проблемы развития

- Социальные науки и глобальная турбулентность: перезагрузка мейнстрима
В. Мартьянов, Л. Фишман 100
-

Возвращаясь к напечатанному

- Институты культуры в общественной и духовной динамике нашего времени
К. Рашковская, Е. Рашковский 114
-

Вокруг книг

- Арктический лузер: быть или не быть?
Е. Лабецкая 123
- Личность и общество в эпоху постсовременности (По следам исследований А. Инкелеса)
М. Ядова 128
- Современность истории: истоки внешней политики Индии
А. Володин 132
-
-

CONTENTS

2021, Vol. 65, No. 1

The World at the Beginning of Millennium

- Globalization and Nation-State: Yesterday, Today, Tomorrow
V. Kuvaldin 5
-

Economy, Economic Theory

- Global Value Chains (GVCS) and COVID-19 Pandemic
V. Varnavskii 14
- Overcoming COVID-19 Impact in the EU: Supranational Financial Aspect
E. Sidorova 24
- Economic Policy of Japan in the Time of Pandemic
A. Belov 33
- Spanish Economy under COVID-19: Anamnesis and Prospects for Recovery
K. Nikulin 42
-

Greater Middle East

- Middle East Conflicts Today: Between Religion and Geopolitics
A. Shumilin 50
- Saudi Arabia and Israel: the Palestinian Context
G. Kosach 61
-

China: Domestic and Foreign Policies

- Beijing's Pain Points – 2 (Glance from mid-2020)
V. Mikheev, S. Lukonin 70
-

Europe: New Realities

- Security Modus Operandi of the Northern Europe
K. Voronov 82
-

Russia: Economics, Politics

- Russian Policy in the Balkans: Current Situation and Perspectives
K. Khudoley, E. Koloskov 90
-

Contemporary Problems of Development

- Social Sciences and Global Turbulence: Rebooting the Mainstream
V. Mart'yanov, L. Fishman 100
-

Back to published

- Institutions of Culture in Contemporary Social and Cultural Dynamics
K. Rashkovskaya, E. Rashkovskii 114
-

Around Books

- Arctic Loser: To Be or not To Be?
E. Labetskaya 123
- Personality and Society in the Post-Modern Age (Basing on A. Inkeles's Research)
M. Yadova 128
- Modernity of History: Origins of India's Foreign Policy
A. Volodin 132
-
-

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

© 2021 г. В. Кувалдин

КУВАЛДИН Виктор Борисович, доктор исторических наук, профессор,
МГУ им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские Горы, 1, стр. 61 (vkuvaldin@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 26.05.2020.

История сложных, противоречивых взаимоотношений глобализации и национальных государств насчитывает несколько веков. Это стержень мировой истории Нового и Новейшего времени. За последние два столетия были сформированы две сменявшие друг друга модели глобального мира, либерально-колониальная и неолиберальная. Крах либерально-колониальной модели породил мировые катаклизмы, стал причиной огромных материальных разрушений и потери многих миллионов человеческих жизней. В активе неолиберальной модели целый ряд исторических достижений, но со временем она стала все более ясно обнаруживать свои многочисленные изъяны. В 2010-е годы экономическая, социальная и политическая практика неолиберализма вступила в кризисную полосу, своеобразной кульминацией которой стала пандемия *COVID-19*. То, каким выйдет мир из нее, во многом зависит от позиций национальных и глобальных элит.

Ключевые слова: глобализация, национальное государство, протоглобализация, глобальный мир-1, глобальный мир-2, глобальная власть, глобальная элита, деглобализация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13

Глобализация и национальное государство – комплексные, многогранные понятия. Это идеологии, политические проекты, культурные идеалы, средоточия огромных материальных интересов. Их сложное взаимодействие, в котором переплетаются углубляющееся сотрудничество и обостряющееся противостояние, во многом определяет динамику современного мира [1, 2, 3, 4]. В данном случае нас прежде всего интересует идейно-политическая ипостась происходящего.

За каждым из этих понятий стоят фундаментальные преобразования в формах человеческого общежития, составлявшие суть исторического процесса последних пяти веков, Нового и Новейшего времени: формирование национальных государств и становление глобального мира. Долгое время они развивались параллельно, нередко способствуя оформлению друг друга. Но время от времени между ними вспыхивают острые коллизии.

ПРОТОГЛОБАЛИЗАЦИЯ

Пять столетий подряд, с XVI по XX в., естественной лабораторией этих процессов служила европейская цивилизация, совершившая настоящий исторический прорыв и превратившаяся в мирового гегемона. Относительно небольшой, компактный Западноевропейский регион стал средоточием пионерского поиска и вершителем судеб человеческой ойкумены.

Первоначально, в течение трех столетий (XVI–XVIII) на первом плане было формирование жиз-

неспособных наций-государств. Из феодальной вольницы выкристаллизовались прообразы современных государственных образований. Порядок должен был быть именно таким, для строительства глобального мира необходим более или менее прочный фундамент национальной государственности. Наиболее передовые нации-государства стали мотором, запустившим процесс глобализации.

В XVI–XVIII вв. параллельно со становлением национальных государств появляются элементы другой, гораздо более масштабной конструкции – глобального мира. Идет “нулевой цикл”, **протоглобализация**. Тордесильяский договор (1494 г.) поделил существовавшее тогда в представлениях европейцев мировое пространство между двумя первопроходцами глобальной экспансии европейской цивилизации – Испанией и Португалией. Последовавшая эпоха Великих географических открытий позволила детям старого континента нарисовать более или менее адекватную картину мира, заложить во всех пределах форпосты европейской цивилизации.

Возрождение восстанавливает в правах в европейском сознании земное бытие человека. Реформация подрывает монополию церковной иерархии на Истину в конечной инстанции. Век Просвещения дает мощную подпитку светскому рационализму. Пытливый разум обитателей Старого Света постоянно движет вперед научное познание и технический прогресс. Создаются новые технологии, готовится промышленный переворот, революционизируется производство.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-1

Появление железных дорог и паровых судов положило конец изолированному существованию мириад замкнутых и самодостаточных сельских общин, жизнь в которых мало менялась на протяжении веков. Уходит в прошлое иерархически выстроенный, освященный церковным авторитетом сельский мир с его жестко заданными социальными ролями. Рождается секуляризованная, высоко-мобильная, густо опутанная сетями коммуникаций городская цивилизация.

Моря и океаны из труднопреодолимых препятствий превращаются в хайвеи, связывающие народы и цивилизации. В новой системе международных коммуникаций особая роль принадлежит Атлантике, накрепко соединившей Старый и Новый Свет. Становление трансатлантических рынков придает мощное ускорение развитию мирохозяйственных связей.

В XIX в. глобализм и национализм идут рука об руку, во многом дополняя и подкрепляя друг друга. И тот и другой предстают в новом обличье. Глобализм от создания предпосылок переходит к активному созиданию глобального мира, **глобализации-1**. Национализм из орудия верховной власти, предназначенного для установления абсолютистских режимов, превращается в массовую идеологию с большим демократическим потенциалом, позамышленным из арсенала Великой французской революции конца XVIII в.

У каждого – своя зона ответственности, своя повестка дня. Стихия национализма – государственное строительство. Отстающих он вдохновляет на создание своих, независимых наций-государств (Италия, Германия, балканские страны). Передовикам помогает сохранить стабильность в эпоху перемен. Дело в том, что явный подрыв скреплявших общество традиционных социальных структур и систем ценностей под воздействием быстрой модернизации создавал опасный вакуум, порождая страхи, что на смену цивилизованным нормам человеческого общежития придет “закон джунглей”. Образующиеся пустоты споро заполнял национализм, призванный как-то скрепить расшатанные европейские социумы. В дальнейшем он зарекомендовал себя мощным орудием социально-политической мобилизации, универсальной опорой национального государства.

Глобализм XIX века – проекция либерального мировоззрения передовых сообществ на внешний мир, идеология промышленников, аграриев, финансистов, которым становится тесновато в национальных пределах. Он сфокусирован на хозяйственной деятельности, на его знаменах начертано “Свобода предпринимательству!”, подразумеваю-

щая прежде всего снятие преград и ограничений на пути развития международных торгово-экономических связей. И действительно, мировая торговля, вывоз капитала, трансграничные миграционные потоки растут по экспоненте.

Глобализм XIX в. освящает колониальную эпопею могучей кучки западноевропейских наций. В его идеализированной картине мира речь идет о том, чтобы модернизировать “туземные сообщества”, приобщить их к достижениям передового отряда человечества, цивилизовать неевропейский мир.

В своей основе империи были продуктом промышленной революции, обеспечившей Европе решающее преимущество в технологиях и вооружениях. Европа стала локомотивом мирового производства и торговли. Революция в медицине, новейшее снаряжение дали возможность исследователям проникнуть вглубь Африканского континента, а христианским проповедникам – организовать миссии в тропиках. Сочетая различные методы – экономическое закабаление, политическое принуждение, военное порабощение, – Западная Европа быстро утверждалась в мировом пространстве. К 1914 г. Европа так или иначе контролировала его большую часть.

Всепроникающий европейский колониализм создал особый облик **глобального мира-1**. Это кентавр, парадоксальное сочетание либеральных западноевропейских метрополий и колониальной периферии. Соответственно, по определению – это ограниченный набор иерархических, вертикально интегрированных структур. Другими словами, на глобальном поле действует несколько ключевых игроков в лице наиболее сильных государств. Одно из них (Великобритания) вырывается в лидеры.

Только сочетание экономической глобализации с политической централизацией создает глобальный мир. Его отличительной характеристикой, фирменным знаком является формирование **системы глобальной власти**. Ее основные компоненты: национальные государства, наиболее крупные и влиятельные хозяйствующие субъекты, межгосударственные глобальные институты, а в последние десятилетия – формирующиеся элементы глобального гражданского общества (*Greenpeace, Human Rights Watch*). Они вступают в сложные сетевые взаимоотношения друг с другом, в процессе которых идет постоянное распределение и перераспределение властных полномочий.

На высшем уровне глобальной власти ключевую роль играют национальные государства, в первую очередь супердержавы, великие и региональные державы. Их особая роль базируется на том основании, что они и только они обладают политической легитимностью, подтвержденной народным голосованием. Наиболее отчетливо она проявляется

ся в периоды великих потрясений, таких как мировые войны, глобальные экономические кризисы, природные катастрофы, пандемии. Национальные государства также поддерживают устойчивость миропорядка в условиях кризиса глобального мира, перехода от одной его модели к другой [5].

В принципе соединенная мощь национализма и глобализма способна творить чудеса. Так, феноменальные достижения человеческой цивилизации в XIX в. во многом обусловлены комбинированным воздействием ударного нацстроительства и интенсивного формирования первой модели глобального мира. То и другое сошлось в одной точке, относительно небольшом островном государстве на северо-западе Европы — Великобритании. Англия — родина промышленного переворота, первая индустриальная нация мира, колыбель парламентской демократии, знаменосец либерализма и воплощение правопорядка. В то же время гордая Британия — владычица морей, полновластная распорядительница супервалюты, опирающейся на золотой стандарт, хозяйка империи, над которой никогда не заходит солнце.

В мировом пространстве мощь Великобритании подкрепляется быстрой и успешной модернизацией передового отряда западноевропейских наций-государств. Его ряды пополняются двумя новыми сильными игроками — Германией и Италией. На ограниченной территории дальнего Запада Евразии создается уникальный генератор мировой динамики, впервые в истории позволяющий человечеству оформиться как более или менее целостный организм.

Как отмечено выше, в этом организме ключевую роль играет связка Старого и Нового Света. Благодаря новым технологиям, революционизировавшим мировое хозяйство (пароходы и паровозы, телеграф, электроэнергетика, нефтедобыча, промышленная химия, двигатель внутреннего сгорания, доменная металлургия и сталелитейное дело и т. д.), бурно развиваются трансатлантические рынки. Финансовые потоки, торговые обмены, великое переселение народов в Западное полушарие превращают Европу и ее заокеанских отпрысков в единое поле хозяйственной деятельности. Связи западноевропейцев с их огромными колониальными владениями носят скорее административный характер, но они настолько сильны, что кажутся вечными. А бескрайние просторы в центре, на востоке и юге Евразии прочно контролируют три великие континентальные империи: Австро-Венгерская, Российская и Османская. Никогда до этого мир не был столь плотно сколоченной конструкцией, ключи от которой находятся в руках десятка правительств.

Летом рокового 1914 г. эта конструкция в мгновение ока с оглушительным треском развалилась на куски. Почему на пике успехов и достижений

европейская цивилизация собственноручно уничтожила свое уникальное творение всемирно-исторического значения и заодно совершила акт коллективного самоубийства?

Самый короткий и простой ответ: фатально разошлись пути наших героев, национализм взял верх над глобализмом. Своя рубашка оказалась ближе к телу, хотя она быстро покрылась грязью и пропиталась кровью. Близоруко эгоистичные расчеты и интересы национальных элит перевесили все стратегические выгоды глобального мира.

В анализе причин возникновения Первой мировой войны в центре внимания историков всегда было противостояние Тройственного союза (Германия, Австро-Венгрия, Италия, создан в 1882 г.) и Тройственного соглашения, более известного под именем Антанта (Великобритания, Франция, Россия, оформлена в 1907 г.). Особое место отводится ожесточенному военно-стратегическому соперничеству двух ключевых игроков — Англии и Германии.

Несомненно, что здесь пружина интриги. В то же время, глядя в прошлое сегодня, из начала следующего века, мы можем попытаться нарисовать более объемную картину, полнее оценить значение тех аспектов происходившего, которые долгое время оставались на заднем плане.

Для человечества вселенская катастрофа 1914 г. была громом среди ясного неба. Тем более страшным и неожиданным, что в Европе после франко-прусской войны (1870—1871 гг.) царил долгий мир. Но для вдумчивого наблюдателя вселенская бойня не была такой уж неожиданностью. Серьезные вызовы и угрозы процессу глобализации обозначились задолго до августа 1914 г.

Начало XX в. отмечено чередой циклических кризисов (1900—1903, 1906—1907, 1910—1913 гг.). Порожденные спекулятивными сделками на финансовых рынках, они по банковским и торговым каналам распространялись на всю экономику. Экономисты склонны объяснять это тем, что крупные европейские народнохозяйственные комплексы еще не полностью оправились от мощных ударов затяжной депрессии 1873—1895 гг. Но возможна и иная трактовка. А именно: весь наспех сколоченный каркас глобального мира-1 испытывал недопустимые перегрузки.

По мере того как век двигался к концу, все громче и настойчивее звучали голоса противников глобализации. Многие себя чувствовали обойденными и обделенными на европейском празднике жизни. Атака на глобальные системы и практики развивалась по двум основным линиям: защита “отечественного производителя” от недобросовестной иностранной конкуренции и ограничение допуска чужаков в родные пенаты.

Важнейшим структурным изъяном всей глобализации-1 была относительная слабость гегемона. Надо сказать, что Великобритания вообще не очень подходила на эту уникальную роль – сравнительно небольшой остров на северо-западной периферии Европейского континента с довольно ограниченными природными ресурсами. Перед началом Первой мировой войны Англия заметно уступала другим грандам европейской политики (России, Германии, Австро-Венгрии) по численности населения, что в условиях всеобщей мобилизации имело немалое значение. Она давно утратила положение экономического лидера индустриального мира (1845–1875 гг.). По объему производства ее уверенно обошли сначала Соединенные Штаты, потом Германия. Их промышленность была оснащена более современным оборудованием, их методы организации труда – более эффективны. Великобритания оставалась первой по удельному весу в мировой торговле, но ее доля неуклонно сокращалась.

Невысокую боеспособность английской армии показала вторая англо-бурская война (1899–1902 гг.). Англичане задействовали в ней треть своих вооруженных сил, мобилизовали подкрепления из колоний, применяли тактику выжженной земли. Несмотря на подавляющее превосходство в живой силе и вооружениях, им потребовалось долгих три года, чтобы сломить упорное сопротивление нерегулярных отрядов потомков голландских переселенцев на юге Африканского континента. В то же время германская армия была больше, лучше обучена, отлично вооружена, располагала первоклассным офицерским корпусом.

Среди наиболее ценных активов англичан можно выделить господство в мировых финансах, огромную колониальную империю, не знавшую себе равных в истории, и самый мощный в мире флот, как военный, так и коммерческий. Конечно, с такими козырями можно вести большую игру, но успех был отнюдь не гарантирован.

Выделяемый историками “короткий XX век” (1914–1991 гг.) стал как раз периодом сурового перехода от одной модели глобального мира к другой, от глобального мира-1 к глобальному миру-2 [6, 7, 8, 9]. За крушение глобального мира-1 человечество заплатило сполна. Войны, революции и контрреволюции, массовые репрессии и геноцид, Великие кризис и депрессия 1930-х годов, “испанка” и голод принесли неисчислимые страдания, загубили многие миллионы человеческих жизней. В XX в. историки насчитали 187 млн “мегасмертей”, вызванных привходящими обстоятельствами [7, р. 12]. Основной блок “мегасмертей” приходится на первую половину века.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ-2

Едва осела пыль разбитого вдребезги каркаса глобального мира-1, начинается новый цикл процесса глобализации, строительство глобального мира-2. Правда, у **глобализации-2** было странное начало. Настолько странное, что оно казалось скорее продолжением самоубийственной логики первой половины века-разрушителя, а не созданием чего-то принципиально нового. Во многом так оно и было, но в старых мехах бродило новое вино [10].

Холодную войну трактуют как непримиримое глобальное противостояние двух общественно-политических систем. Это верно, если уделить должное внимание определению “глобальное”. В отличие от ожесточенного соперничества великих держав, приведшего к крушению глобального мира-1, здесь действуют другие, куда более масштабные величины. В виде двух противостоящих военно-политических союзов оформляются две соперничающие модели глобального мира, каждая из которых подает себя прообразом будущего.

В глобализации-2 еще более ярка и отчетлива роль национальных государств. Это кровавое дело двух супердержав – победительниц во Второй мировой войне, привилегия двух столиц, Москвы и Вашингтона. Остальные могут поучаствовать, но не в силах принимать основные решения.

Общую стройность картины несколько нарушает присутствие большой группы неприсоединившихся государств, среди которых есть значительные величины (Китай, Индия, Индонезия). Но сам статус “неприсоединившихся” означает, что они скорее наблюдатели, чем участники “большой игры”.

В отличие от первой половины века ее исход решался не на полях сражений – там она закончилась вничью, – а в мирном соревновании двух моделей жизнеустройства. Здесь государственный социализм советского образца показал себя тупиковой ветвью развития, мало приспособленной для решения сложнейших проблем современного общества. После крушения СССР на опустевшей арене схватки титанов Соединенные Штаты остались в гордом одиночестве.

Исчерпав свой разрушительный потенциал, кровавый XX в. завершился парадоксально спокойным финалом холодной войны, породившим иллюзии “конца истории” [11]. Как бы опомнившись и наверстывая упущенное, человечество с удвоенной энергией продолжило строительство второй модели глобального мира по, казалось, единственному верному американскому образцу. За два первых десятилетия после окончания холодной войны оно сильно продвинулось в этом направлении. В отличие от своей исторической предшественницы глобализация-2 стала действительно глобальной, ее

объект – все мировое пространство, все живущие на Земле [12, 13, 14, 15, 16, 17]. Есть, правда, исключения, но это экзотика.

Таким образом, впервые в мировой истории человечество – по крайней мере, в хозяйственном отношении – живет в более или менее целостном, глобальном мире [18, 19]. По сопоставимым показателям – мировая финансовая система, международная торговля, трансграничная миграция – глобализация-2 оставила позади свою историческую предшественницу. У нее появились принципиально новые субъекты и характеристики, такие как ТНК, транснациональные производственные (стоимостные) цепочки, общемировые системы регулирования. Ряд общезначимых норм (природоохранное законодательство, гуманитарная проблематика) получили – пусть в ряде случаев формально – универсальное признание. Мировое сообщество цементирует целый сонм макрорегиональных и глобальных институтов [20].

Глобализация-2 затронула все основные сферы человеческой деятельности, сплошь и рядом вторгаясь в компетенцию национальных государств. Мировые рынки капиталов, товаров, услуг, рабочей силы создают общие рамки, в которых вынуждены действовать народнохозяйственные комплексы. Страна-гегемон проецирует свое влияние на национальные политики, а то и прямо воздействует на внутривнутриполитические процессы. Уровень и образ жизни передовых обществ становится образцом для подражания менее развитым социумам. Культурные нормы государств-лидеров оформляются в качестве универсальных.

Глобализация трансформирует всю систему сложившихся интересов сверху донизу. Чем дальше она продвигается вперед, тем глубже эти трансформации. Глобальный мир адаптирует “под себя” сложившиеся формы жизнедеятельности.

Знаменосцем глобализации выступает глобальная элита, кровно заинтересованная в продолжении и углублении процесса. Здесь верхушка айсберга – 3 тыс. человек, ежегодно собирающихся на январские форумы в Давосе (Швейцария). “Партия Давоса” опирается на куда более многочисленные группировки транснациональной элиты, задействованные во всех сферах жизни современного общества, прежде всего в экономике. Они прямо или косвенно выражают интересы довольно широких слоев, которые выигрывают от глобализации и неплохо вписались в глобальный мир.

Священным писанием глобализации-2 стала идеология неолиберализма. Генетически она перекликается с либеральной идеологией XIX в., но ее центр тяжести смещен из политико-правовой сферы в область социально-экономических отношений. Ее разработка и практическое применение

были реакцией на зашедшее слишком далеко строительство государства “всеобщего благоденствия”, приведшее к структурному кризису 1970-х годов с характерной для него стагнацией. Наряду с перераспределением национального дохода в пользу капитала важнейшей характеристикой неолиберальной стратегии было форсированное развитие глобализационных процессов, снимающее препоны и ограничения на пути развития транснациональной предпринимательской деятельности.

Ударной силой неолиберальной глобализации вновь выступили англосаксы. На этот раз главную роль взяли на себя американцы, а многоопытные британцы умело подыгрывали своему заматеревшему отпрыску. В практической политике эта связка оформилась в виде тандема президента Р. Рейгана (1981–1989 гг.) и премьерера М. Тэтчер (1979–1990 гг.).

Творцы глобализации-2 оказались в нужный момент в нужном месте. В мире после холодной войны, где единственной супердержавой остались Соединенные Штаты Америки, они получили такую свободу рук, о которой не могли мечтать их предшественники. В качестве важнейшего инструмента они использовали такие влиятельные глобальные институты, как Международный валютный фонд (МВФ), Всемирный банк (ВБ), Всемирная торговая организация (ВТО), проводившие политику “структурной адаптации” мирового хозяйственного пространства под нужды транснационального капитала на базе “Вашингтонского консенсуса”.

В роли мирового гегемона Соединенные Штаты – конечно, не чета Великобритании. По всем параметрам национальной мощи они намного превосходят свою предшественницу. Более того, никогда со времен Римской империи ни одно государство не играло столь значительной роли в мировой истории, как США в течение двух десятилетий после окончания холодной войны. Она была так велика, что глобализацию-2 стали все больше трактовать как американизацию мира. Тогда это звучало довольно правдоподобно: правительство США действовало по своему усмотрению, ни на кого не оглядываясь. Оно во многом подменило собой и глобальные институты, используя их как инструменты удаленного доступа.

И все-таки глобализация слишком своенравна, чтобы подчиниться воле даже самого могущественного гегемона. 2010-е годы убедительно показали, что все гораздо сложнее. Мировое общество двигалось своей дорогой, мало похожей на “американизацию”.

С самого начала неолиберальная глобализация порождала жаркие споры, отношение к ней было и остается неоднозначным [21, 22, 23]. Вовсе не будучи ее апологетом, автор должен признать,

что в ее активе есть очень серьезные достижения. Высокие темпы роста мирового ВВП, быстрая модернизация нескольких десятков развивающихся стран, выход многих сотен миллионов людей из хронической бедности и нищеты, формирование глобального среднего класса, рост средней продолжительности жизни более чем на 10 лет кардинально изменили лицо современного мира.

Однако со временем все более ясно обнаруживались структурные пороки глобализации-2. Само собой разумеется, что также, как в глобализации-1, в современном мире наряду с выигравшими есть и проигравшие. Проблема в том, что с каждым годом их становилось все больше, пока не накопилась критическая масса. Их сильнейшим оружием стало национальное государство.

Из двухвековой истории прорывов и срывов глобализации мы знаем, что неприятие ее общего хода и основной направленности одной или несколькими великими державами делает дальнейшее развитие весьма проблематичным. Так же, как и ранее, глобализация-2 может успешно развиваться только до тех пор, пока глобальные процессы и ведущие страны идут в одном направлении. Однако сегодня, как и на рубеже XIX–XX вв., они все больше движутся в разные стороны.

С точки зрения политической динамики здесь особенно важно начавшееся отторжение глобального проекта многими — и среди элит, и в массовых слоях населения — в самой его сердцевине, в англосаксонском мире. Гримаса истории: англосаксы, вчерашние знаменосцы глобализации, вдруг круто развернулись против нее. Крестные отцы пробуют себя в роли могильщиков.

КРИЗИС ГЛОБАЛЬНОГО МИРА-2

Трещины в глобальном мире пошли после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Динамика и турбулентность последнего десятилетия превратили некоторые из них в опасные разломы, угрожающие нормальному функционированию и даже жизнеспособности всей системы в целом. На горизонте замаячила явная угроза деглобализации и связанных с ней масштабных потрясений.

2020-й, последний год переломного десятилетия, стал моментом истины для второго издания глобального мира. В мировом сообществе роль законодателя, судьи и шерифа самочинно взял на себя незримый пришелец из внешней среды, до толе, казалось бы, вполне подвластной человеку. И сразу все расставил по местам, а точнее, смешал все фигуры на доске. Да так, что неизвестно, кому и как их расставлять заново.

Пока ясно только одно: глобальный мир провалил тест *COVID-19*. Невидимый вирус выявил его основной порок — неадекватность существующего миропорядка глобальным вызовам. Ни национальные правительства, ни глобальные институты не смогли противостоять не бог весть какому страшному противнику. Существующий механизм решения глобальных проблем своекорыстными группировками транснациональных элит показал свою несостоятельность. Ограниченная по масштабам и силе воздействия пандемия вызвала массовую панику, ввела в ступор мировую экономику, вынудила правительства принимать драконовские меры, которых свет не видел после окончания Второй мировой войны.

Дело, конечно, не в вирусе как таковом, сколь зловредным он бы ни был сам по себе. Дело в состоянии мирового сообщества, в глубоком и, возможно, необратимом кризисе модели неolibеральной глобализации, под знаком которой мир развивался в течение четырех последних десятилетий. Накопилась критическая масса проблем, которые блокируют движение вперед и угрожают цивилизационным срывом. Во всех сферах общественного бытия — отношения человека с природой, мировое хозяйство, политсистемы, социальные взаимодействия, культурные образцы и нормы поведения, рисунок идентичностей, международные отношения — мигают красные сигналы тревоги. Все эти кризисы переплетаются, подпитывают и усиливают друг друга, создавая выразительную картину общего неблагополучия. Конечно, были серьезные отягчающие обстоятельства (*COVID-19*, деглобализационный настрой американской администрации, временная (само)изоляция делового Китая, угроза надвигающегося циклического кризиса хозяйственной конъюнктуры, раздраз в стане поставщиков нефти на мировые рынки, биржевая паника), но они лишь подлили масла в огонь.

Мир “завис” в опасном состоянии забуксовавшего глобального проекта; продолжать движение по намеченному маршруту трудно и опасно, а альтернативно надежных путей временного отступления и перегруппировки сил нет. Даже пробивающиеся пока довольно слабые деглобализационные тенденции не разряжают, а усугубляют кризисную ситуацию, в которой все мы находимся [24].

COVID-19 сильно ухудшил существовавшее и до него тревожное состояние дел в мире большой политики. Как справедливо отмечает один из ведущих отечественных международников, член-корреспондент РАН А.А. Громыко: “Судя по всему, общая беда не приведет к смягчению геополитических разногласий, но обострит их... главное поле напряжения в мире по-прежнему проходит между США и Китаем” [25, с. 10].

Сегодняшний мир более всего нуждается в тщательной диагностике его состояния, установлении фундаментальных причин системного кризиса, поиске новаторских решений. Здесь первая и главная проблема состоит в том, что пока не видно, кто бы мог взяться за это предприятие. Налицо кризис глобальной гегемонии, глобальной элиты, и относительная слабость противостоящих ей контрэлит. Образовался зияющий “зазор” между масштабами задач глобального мироустройства и потенциалом общественно-политических сил, которые, вроде бы, призваны их решать.

Наиболее очевидно это на примере англосаксонской элиты. Как мы видели, у англосаксов с глобализацией совершенно особые отношения. Обе версии глобального мира — дело их рук. Британия была пионером глобального мироустройства и держалась на властном Олимпе долго после того, как пик ее могущества остался позади. Америка приняла эстафету из ее рук и создала новую модель глобального мира, которая по охвату и эффективности намного превосходила свою предшественницу.

Важнейшей характеристикой и той, и другой модели было то, что в системе управления глобальными процессами ключевую роль играли национально-ограниченные инструменты соответственно британской короны и американского президентства. Поэтому жизненно необходимое создание глобальных институтов сильно отставало от объективных процессов глобализации мирового сообщества.

Будучи самым крупным и влиятельным компонентом глобальной элиты, англосаксы располагают уникальными возможностями воздействия на мировые дела. Но сегодня, похоже, они не могут даже толком контролировать ситуацию у себя дома (избрание Трампа, Брекзит), не говоря уж о происходящем на мировых просторах. Возможно, им трудно критически оценить себя, собственный опыт, чтобы попытаться распутать гордые узлы неолиберальной глобализации.

У других системных игроков просто нет достаточно серьезных ресурсов для решения задач такого уровня. А сложение усилий им дается с большим трудом и в очень ограниченном диапазоне. К тому же наиболее сильный из них — китайский дракон — летает сам по себе.

Вот так мы оказались без руля и ветрил во власти идеального шторма. Сегодня существует настоятельная необходимость объединения усилий ключевых игроков для совместного преодоления завалов и препятствий, расшивки узких мест, обхода подводных камней. Будут ли нынешние потрясения достаточно убедительным аргументом для основательной коррекции или даже выработки принципиально новой стратегии глобализации?

Можно ли будет на этой основе консолидировать наиболее влиятельные группировки мировой элиты на таких площадках, как ООН, “двадцатка”, Давосский форум, другие глобальные институты? Вряд ли сегодня кто-то в состоянии ответить на подобные вопросы.

Какой вывод можно сделать из длительной истории непростых взаимоотношений между глобализацией и национальным государством? Первый и главный: не надо противопоставлять их и полагать, что мировые проблемы можно решить, акцентируя одно за счет другого. Это рецепт катастрофы, которую мир пережил столетие назад. Сегодня нужно укреплять и то, и другое. Современный мир требует сильных национальных государств и эффективных глобальных институтов. Нужна модернизация всей архитектуры международных отношений, в результате которой будет найден новый *modus vivendi* национальных интересов и глобальных императивов.

Насколько реалистична подобная перспектива? На первый взгляд это кажется маниловщиной, благими пожеланиями, не имеющими ничего общего с суровыми реалиями современного мира. Но ведь речь идет о коренных интересах всех живущих на Земле, возможно, о выживании человечества, в том числе самих национальных и глобальных элит.

Когда пандемия останется позади, сильным мира сего так или иначе придется формулировать свои позиции в отношении перспектив глобализации, глобального мира, глобальных институтов. Трудно не согласиться с авторами пионерского исследования на эту тему, когда они пишут во введении: “Будет ли существовать глобальное управление, в какой степени, на каких условиях и с какими последствиями — все это в значительной степени зависит от позиций элит” [26, с. 8].

Эти позиции далеко не однозначны: нет ни активной поддержки, ни явного противодействия дальнейшему развитию систем транспланетарного регулирования глобальных процессов [26, сс. 27-28]. В этой неопределенности авторы усматривают и возможность позитивного сдвига в отношении властвующих элит к дальнейшему оформлению глобального мира. Общий итог своей работы они подводят следующим образом: “Полученные факты противоречат распространенным в некоторых средствах массовой информации представлениям о том, что элиты якобы отвернулись от глобализации. Данные о доверии элит к глобальному управлению также не свидетельствуют о вероятном снижении регулирования на наднациональном уровне. Напротив, общее отношение элит могло бы стать более положительным к процессу расширения глобального управления, если бы некоторые из его практик были изменены и улучшены” [26, с. 42, см. также с. 34].

Правда, в отличие от авторов этого новаторского труда мы полагаем, что для действительно значимой коррекции позиций национальных истеблишментов в отношении перспектив общепланетарного сотрудничества будет недостаточно укрепления демократических основ и повышения эффективности существующих институтов глобального управления (регулирования). Здесь нужно нечто более фундаментальное, чем отладка действующих механизмов.

Поиск неконфронтационного выхода из системного кризиса неолиберальной глобализации, новых сопряжений национального и глобального вряд ли будет плодотворным без внутренней готовности ключевых игроков к “историческому компромиссу”. Его предметное содержание широко и многообразно: приоритетные направления, формы и темпы дальнейшего продвижения к глобальному миру, взаимоотношения частнопредпринимательского и государственного капитализма, экономическая эффективность и социальная справедливость, глобальные системы управления и национальный суверенитет, неформальное лидерство и формальное равенство суверенов и т. д.

В сумме это означает новую политическую философию мирового общежития, которой мы должны руководствоваться. Философию с упором на сотрудничество, а не ожесточенное соперничество.

Можно предположить, что в элитарной среде присутствует более или менее отчетливое ощущение того, что фундаментальные проблемы миропорядка вновь стоят в повестке дня. Только выводы из этой констатации можно делать разные. Да и времени для этого потребуется немало.

* * *

Неолиберальная глобализация не уделяла должного внимания реальности национальных государств. И натолкнулась на жесткое противодействие в самом неожиданном месте. Она вынуждена была притормозить свое триумфальное шествие по планете, кое в чем дать задний ход. Это “выяснение отношений” не на пользу ни глобальному миру, ни — по большому счету — национальным государствам.

Сегодня мы наблюдаем обратный феномен: “ренационализацию” мировой политики и — в определенной мере — мировой экономики. Его последствия могут быть еще более серьезными. Глобальный мир, даже в той, весьма несовершенной форме, в которой он существует ныне, — величайшее достижение человечества. И якорь спасения одновременно. Любые попытки возвращения в мир национальных государств — игра с огнем. Незримый *COVID-19* властно напомнил нам всем, что мы скованы одной цепью. И судьба у нас общая, хотим мы того или нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Шишков Ю. Государство в эпоху глобализации. *Мировая экономика и международные отношения*, 2010, № 1, сс. 3-13. [Shishkov Yu. Gosudarstvo v epokhu globalizatsii [The State in the Era of Globalization]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2010, no. 1, pp. 3-13.]
2. Кочетков А.П. Национальное государство в условиях глобализации. *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 63-75. [Kochetkov A.P. Natsional'noe gosudarstvo v usloviyakh globalizatsii [Nation-State in the Context of Globalization]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 63-65.]
3. Щеглова Д.В. Национальные государства в условиях глобализации. Вымирание или возрождение. *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*, 2015, № 4 (232), сс. 9-13. [Shcheglova D.V. Natsional'nye gosudarstva v usloviyakh globalizatsii. Vymiranie ili vozrozhdenie [Nation-States in the Context of Globalization. Extinction or Rebirth]. *Nauchno-tekhnicheskie vedomosti SPGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2015, no. 4 (232), pp. 9-13.]
4. Холодковский К. Глобализация vs национальное государство — попятное движение? *Мировая экономика и международные отношения*, 2019, т. 63, № 12, сс. 5-14. [Kholodkovskii K. Globalizatsiya vs natsional'noe gosudarstvo — popyatnoe dvizhenie? [Globalization vs Nation State: the Retrogradation?] *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2019, vol. 63, no. 12, pp. 5-14.] DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-12-5-14
5. Кувалдин В. Западноцентристский миропорядок: вторая проверка на прочность. *Страны и регионы в мировой политике. Учебник в 2-х томах*. Печатнов В.О., Стрельцов Д.В., ред. Москва, Аспект Пресс, 2019. Т. 1. 416 с. [Kuvaldin V. Zapadnotsentristskii miroporядok: vtoraya proverka na prochnost' [The West-Centric World Order: a Second Test of Strength]. *Strany i regiony v mirovoi politike. Uchebnik v 2-kh tomakh* [Countries and Regions in World Politics. Textbook in Two Volumes]. Pechatnov V.O., Strel'cov D.V., eds. Moscow, Aspekt Press, 2019. Vol. 1. 416 p.]
6. Berstein S., Milza P., eds. *Histoire du XXe siècle. En trois volumes*. Paris, Hatier, 1993. 1248 p.
7. Hobsbaum E. *The Age of Extremes*. New York, Vintage Books, 1996. 627 p.
8. Howard M.E., Louis W.R., eds. *The Oxford History of the Twentieth Century*. Oxford, Oxford University Press, 2000. 456 p.
9. Di Nolfo E. *Storia delle relazioni internazionali*. Bari, Laterza, 2009. 1503 p.
10. Печатнов В. *Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.* Москва, ТЕРРА — Книжный Клуб, 2006. 752 с. [Pechatnov V. *Stalin, Ruzvel't, Truman: SSSR i SShA v 1940-kh gg.* [Stalin, Roosevelt, Truman: the USSR and the USA in the 1940s]. Moscow, TERRA — Knizhnyi Klub, 2006. 752 p.]
11. Brown A. *The Human Factor*. Oxford, Oxford University Press, 2020. 512 p.
12. *Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития*. Москва, Альпина Паблишер, 2003. 592 с. [Facets of Globalization. Difficult issues of modern development. Moscow, Al'pina Publisher, 2003. 592 p. (In Russ.)]

13. Колодко Г. *Мир в движении*. Москва, Магистр, 2009. 578 с. [Kolodko G. *Mir v dvizhenii* [World in Motion]. Moscow, Magistr, 2009. 578 p.]
14. Никонов В.А. *Современный мир и его истоки*. Москва, Издательство Московского университета, 2015. 880 с. [Nikonov V.A. *Sovremenniy mir i ego istoki* [Modern World and its Origins]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2015. 880 p.]
15. Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J. *Global Transformations: Politics, Economics and Culture*. Cambridge-Oxford, Polity, 2004. 515 p.
16. Scholte J.A. *Globalization: A Critical Introduction*. New York, Palgrave Macmillan, 2005. 520 p.
17. Ellwood W. *The No-Nonsense Guide to Globalization*. Oxford, New Internationalist, 2010. 144 p.
18. Мельянцев В.А. *Долгосрочные тенденции, контртенденции и факторы экономического роста развитых и развивающихся стран*. Москва, Ключ-С, 2015. 80 с. [Mel'yantsev V.A. *Dolgosrochnye tendentsii, kontrtendentsii i faktory ekonomicheskogo rosta razvitykh i razvivayushchikhsya stran* [Long-Term Trends, Counter-Trends and Economic Growth Factors of Developed and Developing Countries]. Moscow, Klyuch-S, 2015. 80 p.]
19. Dadusch U., Schaw W. *Juggernaut. How Emerging Markets Are Reshaping Globalization*. Washington, Carnegie Endowment, 2011. 274 p.
20. Кувалдин В. *Глобальный мир: политика, экономика, социальные отношения*. Москва, Весь Мир, 2017. 400 с. [Kuvaldin V. *Global'nyi mir: politika, ekonomika, sotsial'nye otnosheniya* [Global World: Politics, Economics, Social Relations]. Moscow, Ves' Mir, 2017, 400 p.]
21. Бхагвати Д. *В защиту глобализации*. Москва, Ладомир, 2005. 405 с. [Bhagwati J. *V zashchitu globalizatsii* [In Defense of Globalization]. Moscow, Ladomir, 2005. 405 p.]
22. Чумаков А.Н. *Глобальный мир: столкновение интересов*. Москва, Проспект, 2018. 512 с. [Chumakov A.N. *Global'nyi mir: stolknovenie interesov* [Global World: Clash of Interests]. Moscow, Prospekt, 2018. 512 p.]
23. Stiglitz J.E. *Making Globalization Work*. New York, W.W. Norton & Company, 2006. 374 p.
24. *Мир после коронавируса*. [The World After Coronavirus (In Russ.)] Available at: <https://expert.msu.ru/earth> (accessed 18.05.2020).
25. Громыко А. Коронавирус как фактор мировой политики. *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, 2020, № 2 (14), сс. 4-12. [Gromyko A. Coronavirus kak faktor mirovoi politiki [Coronavirus as a Factor in World Politics]. *Nauchno-analiticheskiy vestnik Instituta Evropy RAN*, 2020, no. 2 (14), pp. 4-12.]
26. Схолте Я.А., Талберг Й., Верхаген С. *Отношение элит к глобальному управлению*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019. 47 с. [Scholte J.A., Tallberg J., Verhaegen S. *Otnoshenie elit k global'nomu upravleniyu* [Elite Attitudes Toward Global Governance]. Moscow, IMEMO, 2019. 47 p.]

GLOBALIZATION AND NATION-STATE: YESTERDAY, TODAY, TOMORROW

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 5-13)

Received 26.05.2020.

Viktor B. KUALDIN (vkuvaldin@yandex.ru),

Lomonosov Moscow State University, 1, Building 61, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

The fairly common pandemic of the coronavirus has paralyzed the global world. The material damage it inflicted amounts to trillions of dollars. It is unclear how long it will take for humanity to overcome the consequences of the most serious socio-economic crisis after the World War II. The contours of the "new normal" after the pandemic are even vaguer. The "perfect storm" of the pandemic was created by a combination of three destructive forces: the coronavirus, the cyclical crisis of the economic conjuncture, and the nefarious trends of neoliberal globalization. The political practice of neoliberalism in recent decades, which has brought the world a number of significant achievements, has created a tangle of intractable contradictions in all areas of modern life. Both of its main drivers – capital accumulation on the basis of expanded reproduction and the global hegemony of the Anglo-Saxon elite – were called into question. Issues such as a more equitable distribution of the created wealth and expanding the membership of the elite club of global regulation are going to the forefront. At the same time, protecting the environment and preventing other cataclysms that threaten the well-being and even the very existence of mankind have become urgent imperatives of the political agenda. However, it seems that the world elite is not ready for a profound correction of the existing world order yet. The most likely scenario for the foreseeable future seems to be attempts, in one form or another, to return to the unconditional hegemony of the collective West under the aegis of the United States in world affairs. This portends a turbulent decade filled with conflicts of varying severity and duration. Although there is a fundamental possibility of another, much more positive scenario for the development of globalization processes. In it, the coordinated actions of national and global elites would focus on finding solutions to the most pressing problems of the world community, namely environmental protection, human rights upholding, the unhindered development of world trade, the prevention of pandemics, and the fight against terrorism.

Keywords: globalization, nation-state, protoglobalization, global world-1, global world-2, global power, global elite, deglobalization.

About author:

Viktor B. KUALDIN, Doctor of History, Professor, Head of Department, Moscow School of Economics.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-5-13

ГЛОБАЛЬНЫЕ ЦЕПОЧКИ СОЗДАНИЯ СТОИМОСТИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

© 2021 г. В. Варнавский

ВАРНАВСКИЙ Владимир Гаврилович, доктор экономических наук, профессор, заведующий сектором ИМЭМО РАН им. Е.М. Примакова, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (varnavsky@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 12.10.2020.

Анализируется функционирование глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в ходе мирового экономического кризиса, вызванного пандемией коронавирусной инфекции COVID-19. Рассматриваются ключевые аспекты темы, анализируются долговременные тенденции, дается обзор экономической литературы. Представлена авторская трактовка текущего экономического кризиса и места ГЦСС в воспроизводственном процессе. Особое внимание уделено экономическому спаду в США, “слоубализации”, характеристике глобальных цепочек с участием предприятий, расположенных в г. Ухань (Китай). Сделан вывод, что ГЦСС имеют достаточный запас прочности для противостояния текущим кризисным явлениям в мире.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, пандемия COVID-19, мировой экономический кризис, валовой внутренний продукт, промышленность, аутсорсинг, “слоубализация”, Ухань, *Trade in Value Added (TiVA)*.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-14-23

Коронавирус COVID-19 уже в полной мере можно считать трагедией XXI века. Это прямая угроза жизни и здоровью. Перед ним бессильны и простые люди, и королевские особы. Потенциальная жертва – каждый человек. Растерянность в коридорах власти. Прекращены саммиты на высшем уровне, встречи лидеров “семерки” и “двадцатки”. Десятки миллионов заболевших за полгода, более миллиона смертей. “Драматическое распространение COVID-19 разрушило жизнь, средства к существованию, общины и предприятия во всем мире”, – констатирует Всемирный экономический форум на своей специально созданной платформе [1].

Правительства разрываются между сохранением жизни граждан и спасением экономики. Это не глобальный кризис здравоохранения, как представляют некоторые [2, р. 4], а “свириная и разрушительная сила” [3], беспрецедентное потрясение для социума и мировых элит, сопровождающееся десоциализацией и атомизацией общества, трансформацией психологии человека, его уклада и образа жизни. Человечество со всей своей экономикой знаний, промышленными революциями (завершенными и будущими), планами покорения Луны, Марса, Венеры, высокотехнологичными медициной и фармацевтикой, победившее столетие назад чуму, оспу, холеру и массу других смертельных болезней, оказалось незащищенным от маленького вируса.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ СПАД

В 2020 г. в мире и особенно в развитых странах произошел беспрецедентный со времени Великой

депрессии 1930-х годов спад экономической и деловой активности. Главные причины – пандемия и широкомасштабные ограничительные меры по ее сдерживанию, введенные правительствами в отношении своих граждан, компаний и отраслей. Принятые одновременно меры по стимулированию бизнеса и поддержке населения смягчили воспроизводственные проблемы, но не смогли в силу ряда обстоятельств (своей локальности, недостаточности, отложенного эффекта) полностью компенсировать падение производства и потребления.

Мировое производство по показателю валового внутреннего продукта (ВВП) во II кв. 2020 г. рухнуло, а безработица подскочила до рекордных значений. Страх людей за свою жизнь перед лицом неизвестной ранее болезни и введенные государством ограничения привели к прекращению функционирования многих видов деятельности. Сжалась сфера услуг, на несколько месяцев практически остановились целые отрасли – общественное питание, гостиничный и туристический бизнес, внутреннее и международное авиационное и автомобильное сообщение. Внешняя торговля обвалилась, инвестиционный процесс ослабел, на финансовых рынках царил паника. И только государственное потребление резко возросло, правда, с запозданием и в недостаточном объеме, чтобы выправить всю экономику.

В США во II кв. 2020 г. впервые за весь период после Второй мировой войны наблюдался обвальный спад экономики. Сокращение ВВП составило –9.0% в постоянных ценах 2012 г. (в квартал-

Таблица 1. США: поквартальные данные по ВВП и темпам его прироста, 2018–2020 гг.

	2018				2019				2020	
	Кварталы								I	II
	I	II	III	IV	I	II	III	IV		
Цены 2012										
Млрд долл.	4509	4667	4720	4792	4603	4764	4814	4910	4629	4334
Темпы прироста, %		3.1	3.0	2.4	2.1	2.1	2.0	2.5	0.6	-9.0
Текущие цены										
Млрд долл.	4932	5255	5220	5306	5132	5357	5415	5528	5246	4902
Темпы прироста, %		5.8	5.5	4.9	4.1	3.9	3.8	4.2	2.2	-8.5

Рассчитано по: [4, p. 28].

Таблица 2. Компоненты ВВП США по расходам, млн долл., постоянные цены 2012 г.

	II кв. 2019	II кв. 2020	Прирост II кв. 2020/II кв. 2019, %
Личное потребление, всего	3 302 222	2 954 192	-10.5
товаров	1 179 303	1 163 533	-1.3
услуг	2 131 326	1 821 059	-14.6
Валовые частные внутренние инвестиции, всего	864 762	714 818	-17.3
в оборудование	324 952	274 625	-15.5
в объекты интеллектуальной собственности	238 833	240 844	0.8
Экспорт, всего	640 468	487 962	-23.8
товаров	447 400	341 230	-23.7
услуг	193 800	147 170	-24.1
Импорт, всего	882 253	678 542	-23.1
товаров	740 549	590 097	-20.3
услуг	141 433	93 002	-34.2
Государственное потребление, всего	830 803	850 733	2.4
федеральное правительство	317 477	340 069	7.1
военное потребление	193 467	201 152	4.0
невоенное потребление	123 997	138 647	11.8

Источник: [6].

ном исчисления по отношению к II кв. 2019 г.) и -6.4% – по отношению к I кв. 2020 г. (табл. 1)¹. При этом в I кв. 2020 г. имел место незначительный прирост ВВП на 0.6% по отношению к I кв. 2019 г.² Безработица продемонстрировала резкий скачок с 4.4% в марте до 14.7% в апреле 2020 г., то есть почти в 3.5 раза. А затем постепенно снижалась, составив в мае, июне, июле, августе соответственно 13.3%, 11.1, 10.2 и 8.4% [5].

¹ В литературе иногда приводится цифра падения уровня ВВП США во II кв. на 31.4% в годовом исчислении со ссылкой на абсолютно достоверный, можно сказать, лучший источник экономической статистической информации по этой стране – *Bureau of Economic Analysis* [4]. Однако интерпретация этой цифры дается авторами некорректно, скорее всего, из-за незнания методик расчета. На самом деле, 31.4% – это условная величина, которая получается, если наблюдающиеся в отчетном периоде (I и II кв.) тенденции экстраполировать до конца года. Более корректно сравнение с соответствующим кварталом предыдущего года (табл. 1) или в крайнем случае с предыдущим кварталом.

² Все расчеты проведены в постоянных ценах 2012 г.

В структуре расходов США наиболее сильное падение во II кв. 2020 г. произошло во внешней торговле (на 23%, в том числе по импорту услуг на 34%), а также в валовых частных внутренних инвестициях – на 17% (табл. 2). Абсолютное сокращение личного потребления составило -10.5%, в том числе по услугам -14.6%. Увеличивалось лишь государственное потребление, причем невоенные расходы федерального правительства возросли на +11.8%, тем самым в значительной степени предотвратив экономическую катастрофу в стране.

Еще более значительно, чем в США, во II кв. 2020 г. сократился ВВП стран Европейского союза (-12.3%). Наиболее сильное снижение наблюдалось в Испании, Хорватии, Греции, Италии, Франции, Венгрии, Бельгии, Португалии (соответственно -20.8%, -17.5, -17.1, -16.6, -15.6, -15.5, -14.1, -13.7%) [7].

Восстановление мировой экономики, наметившееся летом 2020 г., к осени приостановилось.

В сентябре 2020 г. Всемирный банк констатировал: “Число новых случаев заражения *COVID-19* неуклонно остается высоким во многих развитых и развивающихся странах. Последние данные свидетельствуют о том, что глобальное восстановление начинает замедляться после заметного улучшения примерно в середине года” [8, р. 1].

Мировое производство обрабатывающей промышленности начало тормозиться еще в 2019 г., эта тенденция резко усугубилась в период пандемии *COVID-19*. По данным ЮНИДО, в I кв. 2020 г. мировой выпуск обрабатывающей промышленности упал на 6%, а во II кв. — еще на 11.2%. В отчете за II кв. 2020 г. на обложку вынесено: “Мировое производство рухнуло, хотя Китай демонстрирует первые признаки восстановления” [9, р. 2].

Мировая торговля товарами начала сокращаться, как и промышленное производство, еще до пандемии. Ее стоимостной объем в 2019 г. составил в текущих ценах 18.89 трлн долл., уменьшившись на 3% по сравнению с 19.48 трлн долл. в 2018 г. Согласно данным ВТО, в I кв. — 2020 г. произошло дальнейшее сжатие торговли промышленными товарами на 9% [10, р. 18, 52].

Ежемесячно в течение января—мая 2020 г. мировая торговля товарами падала. Она продемонстрировала небольшой рост только в июне, но и тогда ее объем в месячном исчислении был на 10% ниже, чем годом ранее. Июньское оживление было связано с общим ростом промышленного производства, который произошел после обвального падения в начале II кв. 2020 г. [8, р. 2].

В целом на 2020 г. МВФ давал в июньском прогнозе оценку падения годового объема мирового ВВП на уровне –4.9%, в том числе развитые страны, США и Еврозона соответственно –8%, –8, –10.2%; страны с формирующейся рыночной экономикой и развивающиеся страны в целом, Китай, Россия соответственно –3.0%, 1, –6.6% [11, с. 7].

Для инвестиционных процессов в мировой экономике настали еще более трудные времена, чем для производства. Глобальные потоки прямых иностранных инвестиций, по прогнозам, сократятся в 2020 г. примерно на 40% по сравнению с 2019 г., когда они составили 1.54 трлн долл. Впервые с 2005 г. объем ПИИ упадет ниже 1 трлн долл. В 2021 г., как следует из того же прогноза, он уменьшится еще на 5–10% [12, р. 2]. Падение объема капитальных вложений в Китае в первые 2 месяца 2020 г. ЮНКТАД оценивал в –25%. В результате глобального финансового кризиса организация ожидает снижения мировых ПИИ на 35%, а инвестиций 5 тыс. ведущих ТНК — на 20% [13, р. 1].

ГЦСС ДО ПАНДЕМИИ

В рамках глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) в настоящее время формируется значительная по объему и стоимости часть мирового ВВП, а сами цепочки представляют собой один из драйверов, параметров и индикаторов глобализации. До 70% современной международной торговли — это товары и услуги не конечного, а промежуточного потребления. То есть это сырье, материалы, комплектующие изделия, детали и компоненты, услуги для предприятий и капитальные товары, которые используются фирмами для производства и обслуживания своих производственных партнеров, в том числе и через ГЦСС [14, р. 1]. С 2000 г. стоимость таких товаров в мировом экспорте (один из основных показателей, характеризующих ГЦСС) утроилась и составляет сейчас более 10 трлн долл. в год [15, р. 1].

Ядро ГЦСС составляют транснациональные компании. На них приходится примерно 1/3 мирового производства и около половины мировой торговли (оценка ОЭСР [16, р. 6, 7]). В жесткой конкурентной борьбе на глобальном экономическом пространстве ТНК создали в целом эффективную модель фрагментации производства, позволяющую им максимизировать прибыль за счет размещения заказов в разных странах и использования логистических схем, обеспечивающих реализацию концепции “цепочки поставок точно в срок” (“*just-in-time supply chains*”) [17].

Топ-менеджмент ТНК создает системы управления рисками — сложные человеко-машинные комплексы обработки разнообразной информации о ГЦСС, включая данные о производстве, потребителях и производителях, о движении и запасах как промежуточной (у всех поставщиков первого уровня), так и конечной продукции. Они позволяют обеспечивать удовлетворение спроса даже в условиях кратковременных сбоев.

Всю совокупность сбоев и шоков в работе ГЦСС можно разбить на две крупные группы: конъюнктурные, когда компания, например, не способна удовлетворить резко возросший потребительский спрос или компенсировать недопоставки продукции со стороны поставщиков, и экзогенные, вызванные, в частности, стихийными бедствиями, экономическими кризисами, террористическими актами, другими форс-мажорными обстоятельствами. К числу таковых относится и пандемия *COVID-19*.

Наиболее интенсивное развитие, расширение и увеличение глобальных цепочек в объемах, по длине (числу звеньев) и сложности происходило в первом десятилетии XXI в. Затем темпы развития несколько замедлились, а после 2011 г. ГЦСС стали сокращаться в абсолютных масштабах, хотя и не-

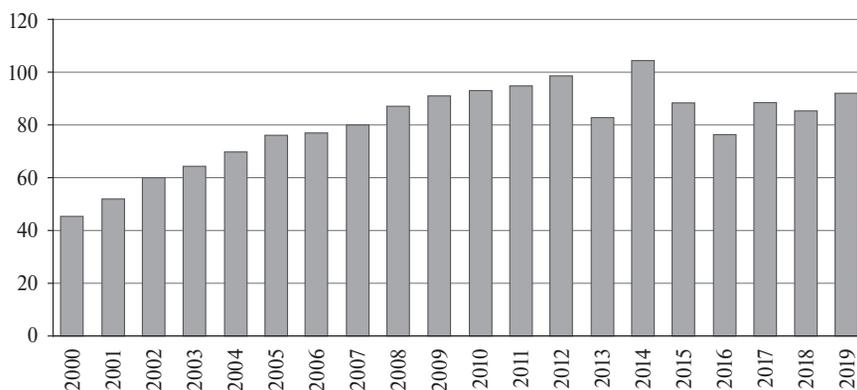

Рис. 1. Динамика мирового рынка услуг аутсорсинга, 2000–2019 гг., млрд долл.

Источник: [19].

значительно. Общая долгосрочная тенденция на протяжении 20 лет все же повышательная и характеризуется высокими темпами, если сравнивать, например, с мировым ВВП.

ГЦСС стали одним из проявлений экономической глобализации, внесли свой вклад в обеспечение высоких темпов роста мировой экономики и торговли. Международная фрагментация, вертикальная специализация, аутсорсинг³, передача части производственных функций зарубежным компаниям, экспорт промежуточной продукции развивались опережающими темпами. По оценке Европейского центрального банка, участие в ГЦСС как развитых, так и развивающихся стран неуклонно повышалось с 1996 г. вплоть до финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. [18, р. 26].

Доля продукции, производимой в рамках ГЦСС, в экспорте всех стран мира увеличилась в 1996–2008 гг. с 35 до 47%; в том числе в развитых странах с 35 до 48%; в странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах – с 32 до 45%. Однако незадолго до кризиса 2008–2009 гг. участие последних в ГЦСС вышло на стационарные значения в районе 45% [18, р. 26].

Во время кризиса в 2009 г. мировой ВВП сократился на 1,7%, а поставки в рамках ГЦСС почти в 3 раза сильнее – на 5%. Связано это главным образом с тем, что глобальные цепочки более чувствительны к конъюнктурным сдвигам, чем внешнеторговые операции. Так, например, нисходящая динамика мирового рынка аутсорсинга привела к тому, что его объем сократился со 105 млрд долл. в 2014 г. до 92,5 млрд долл. в предкризисном 2019 г. (рис. 1).

В восстановительном периоде после кризиса 2008–2009 гг. компании-производители стали со-

³ Аутсорсинг предполагает передачу бизнес-процессов третьим лицам, как правило, в целях снижения издержек и повышения прибыли. Наибольшее распространение он получил в таких отраслях, как энергетика, здравоохранение, фармацевтика, розничная торговля, туризм, транспорт, бизнес-услуги, информационно-телекоммуникационные услуги.

кращать использование иностранных ресурсов в производственной деятельности, снижать уровень аутсорсинга. На каждый доллар импортной продукции приходилось все меньше промежуточных товаров и услуг, что свидетельствовало о реальном импортозамещении во всей глобальной экономике.

В 2019 г. европейскими учеными С. Мироудотом (ОЭСР) и Х. Нордстремом (Шведское агентство по анализу политики роста, *Swedish Agency for Growth Policy Analysis*) были опубликованы результаты исследования, касающегося ГЦСС. Используя межстрановые межотраслевые балансы (*World Input-Output Tables*), основанные на модели В. Леонтьева, авторы провели эмпирический анализ ряда их показателей: доли иностранной добавленной стоимости в экспорте, уровня фрагментации производства (длина межстрановых производственных цепочек), средней протяженности цепочек поставок за период 1995–2016 гг.

На большом массиве данных было показано, что с 2012 г. ГЦСС становились короче как по числу вовлеченных в них стран, так и по среднему расстоянию, на которое транспортировалась продукция в трансграничном сообщении. Согласно построенной авторами модели и данным внешнеторговой статистики, в частности, было установлено, что во время наиболее активной фазы глобализации в 1995–2008 гг. произошло увеличение средней протяженности передвижения продукции в рамках ГЦСС в среднем на 500 км. После 2012 г. она сократилась на 210 км (с 1940 до 1730 км), или на 52 км в год [20, р. 18].

Эти выводы подтверждаются расчетами с использованием базы данных *Trade in Value Added (TiVA)*, созданной и поддерживаемой совместно ОЭСР и ВТО⁴. На рис. 2 представлена динамика

⁴ База данных *TiVA* по состоянию на 2018 г. содержит 52 показателя для 64 стран и их групп, включая все государства ОЭСР, ЕС-28 и *G20*, большинство стран Восточной и

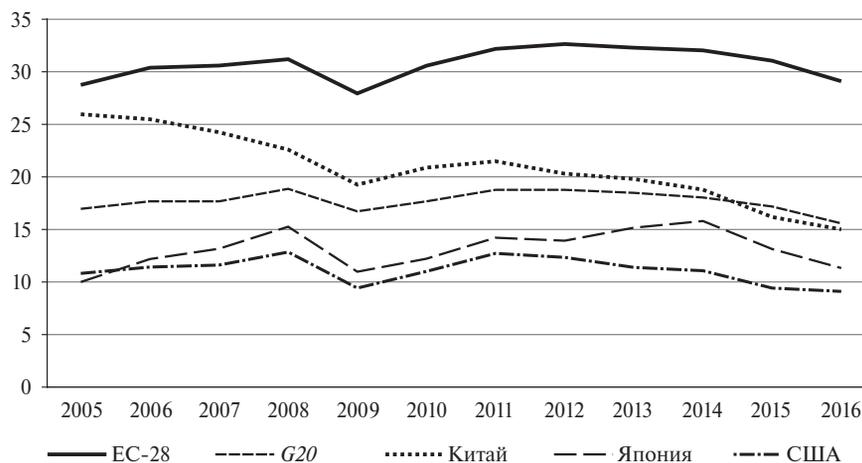

Рис. 2. Доля иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте, %
Источник: [22].

другого важного показателя фрагментации производства и диверсификации экспорта в рамках ГЦСС – изменения доли иностранной добавленной стоимости в валовом экспорте. Видно, что общей тенденцией как ведущих экономик мира (США, Китай, Япония), так и объединений государств (ЕС и G20) стало снижение анализируемого показателя с 2012 г.

ГЦСС сыграли свою роль и в динамике эластичности мировой торговли по ВВП. В период 1996–2000 гг. их расширение способствовало повышению этого показателя почти на 0.5 из максимальных 2. В начале 2000-х годов вклад ГЦСС в эластичность мировой торговли снизился до 0.3, а во время рецессии 2008–2009 гг. и последующего восстановления упал до нуля. Однако, как справедливо отмечают эксперты ЕЦБ, “связанная с кризисом волатильность данных затрудняет интерпретацию декомпозиции за 2008–2011 годы” [18, р. 26].

Глобальные цепочки приносят ряд выгод участвующим в них сторонам и конечным потребителям, позволяют компаниям-производителям более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, получать доступ к знаниям и капиталу за пределами национальной юрисдикции и расширять свою деятельность на новых рынках. ОЭСР, например, выделяет следующие преимущества для любой страны

Юго-Восточной Азии, ряд стран Южной Америки, а также специфическую группу “остальной мир”, чтобы была балансировка с показателями всей мировой экономики. Отраслевая структура – 36 отраслей производства и сферы услуг. Длина рядов – 2005–2015 гг., с оценками по некоторым показателям на 2016 г. Базовые таблицы межстрановых межотраслевых балансов основаны на статистических данных, собранных в соответствии с системой национальных счетов 2008 г. (СНС 2008). Отраслевая структура основана на 4-й Международной стандартной отраслевой классификации (МСОК) [21].

от включения в глобальные производственно-сбытовые цепочки для ее роста и развития [23, р. 6].

Во-первых, благодаря доступу к сетям, глобальным рынкам, капиталу, знаниям и технологиям интеграция страны в ГЦСС может дать толчок ее экономическому развитию. Это зачастую проще, чем самостоятельно выстраивать замкнутую на конечного потребителя трансграничную цепочку производственных связей. Развивающиеся страны, в частности, могут войти в ГЦСС, открыв свои рынки для торговли и ПИИ, улучшив деловую среду и укрепив внутренний потенциал для участия в международной торговле.

Во-вторых, для усиления выгод, которые страны, включая развивающиеся экономики, получают от участия в ГЦСС, правительствам необходимо поддерживать процесс модернизации путем укрепления бизнес-климата, стимулирования инвестиций в такие активы, как знания, НИОКР и проектирование, а также содействия развитию современных экономических компетенций, в частности навыков управления.

В-третьих, ГЦСС стимулируют укрепление в стране договорной дисциплины, поскольку четкость исполнения контрактов имеет решающее значение для участия в цепочках. Задачи, требующие сложных контрактов (например, НИОКР, дизайн, брендинг и т.д.), также легче решаются в странах с хорошо функционирующими институтами заключения и исполнения договоров.

В-четвертых, многие страны с низким уровнем дохода по-прежнему исключены из ГЦСС из-за нехватки в них ресурсов, способствующих включению в глобальные сети, в частности инфраструктуры и деловой среды, и обеспечивающих необходимые предварительные условия для инвестиций. В некоторых случаях такие препятствия могут быть

преодолены. Но многие из беднейших экономик не спешат делать это. Они недостаточно заинтересованы в ГЦСС, поскольку живут за счет прямой поддержки со стороны международных организаций и отдельных развитых стран в рамках инициативы Помощь в интересах торговли (*Aid for Trade Initiative*). По данным ОЭСР и ВТО, с 2006 по 2019 г. доноры выделили 409 млрд долл. развивающимся странам в целях наращивания их торгового потенциала. Кроме того, было выдано льготных кредитов на сумму 346 млрд долл. [24, р. 11].

В последнем (2019 г.) совместном издании ОЭСР и ВТО о помощи развивающимся странам в интересах торговли подчеркивается: «Диверсификация экспорта является частью динамичного процесса экономического роста и структурных преобразований, который остается важной целью развития для многих развивающихся стран. В последние десятилетия, когда торговля промежуточными товарами быстро расширялась, многие развивающиеся страны сосредоточили свои стратегии диверсификации экспорта на участии в глобальных производственно-сбытовых цепочках. Однако сегодняшние глобальные экономические тенденции свидетельствуют о том, что мир, возможно, вступает в период “слоубализации”⁵, характеризующийся более медленным ростом, сокращением торговли, ПИИ и потоков капитала. Обостряющиеся экологические проблемы также ставят под сомнение целесообразность повторения колоссального роста экспорта последних десятилетий. Развивающимся странам, скорее всего, потребуется пересмотреть стратегии диверсификации экспорта, основанные на участии в ГЦСС, и перейти к стратегиям, которые могут обеспечить торговый и экономический рост в контексте “слоубализации”, а также более экологически устойчивым и инклюзивным образом» [24, р. 27].

Снижение уровня ГЦСС в последнее десятилетие обусловлено, с нашей точки зрения, тремя группами факторов. Во-первых, общеэкономическими условиями функционирования мировой экономики и основными трендами последнего десятилетия, а именно: “насыщением” глобализационных процессов; переходом внешнеторговых потоков на стационарные траектории роста, сопоставимые с повышением мирового производства; напряженностью в торговых отношениях между ведущими центрами силы и протекционизмом во внешней торговле.

⁵ Термин “слоубализация” (*slowbalisation*) введен в экономический оборот в 2015 г. исследователем из Нидерландов Адждиджем Бакасом (*Adjedj Bakas*). Активно стал использоваться в экономической литературе после выхода в январе 2019 г. британского еженедельника *The Economist* с названием номера на обложке: “Слоубализация – будущее мировой торговли” [25]. См. также [26].

Во-вторых, структурными сдвигами в мировой экономике в направлении увеличения доли услуг, цифровизации и сервисизации производства (то есть сопровождения реализуемых товаров оказанием услуг по их гарантированию, ремонту, усовершенствованию, утилизации и пр.). Межстрановые кооперационные поставки и создание ГЦСС при этом нужны в гораздо меньшей степени, чем при производстве товаров.

В-третьих, тенденцией к снижению издержек за счет приближения места производства к потребителю, развития логистики, оптимизации поставщиков, что привело в отдельных случаях к сокращению длины трансграничных производственных цепочек.

ЭФФЕКТЫ ПАНДЕМИИ

С началом пандемии в зарубежных научных изданиях и Интернете нарастающим потоком идет всестороннее обсуждение возникших экономических проблем, в частности в глобальных производственно-сбытовых цепочках. Крупнейшие международные организации (ООН, ЮНИДО, ОЭСР, ВТО, МВФ и др.) на главных страницах своих сайтов сформировали вклады по теме COVID-19. Специальную платформу *COVID Action Platform* создал Всемирный экономический форум. ОЭСР, например, на главной странице сайта выделила новое направление “Борьба с коронавирусом (COVID-19): вклад в глобальные усилия”. В его рамках публикуются доклады, исследования, экспертные оценки о последствиях пандемии для жизни человека и общества, путях укрепления системы здравоохранения, защиты бизнеса, сохранения рабочих мест, образования, стабилизации финансовых рынков и др. На основе имеющейся в организации фактографической и статистической базы данных разработаны рекомендации правительствам по ряду тем. Несколько крупных работ по глобальным цепочкам уже опубликовано [например, см.: 2, 14, 27, 28].

Значительный объем исследовательской работы по пандемии и ГЦСС проводят ведущие зарубежные научные, аналитические, консалтинговые центры. Например, *McKinsey Global Institute* разместил на главной странице своего сайта раздел “COVID-19 ANALYSIS”, в котором ежемесячно публикуется несколько исследований. В частности, 6 августа 2020 г. размещен интересный, объемом почти 100 страниц аналитический доклад “Риск, устойчивость и восстановление равновесия в глобальных цепочках создания стоимости” [15]. *Deloitte* выдал на момент подготовки данной статьи более 100 публикаций по теме COVID-19 и “Консультирование по цепочкам поставок и производственным операциям” (*Supply Chain and Manufacturing Operations Consulting*).

Исследование проблем ГЦСС, порожденных *COVID-19*, проводится по нескольким основным направлениям:

1. Сравнение с предыдущими кризисами. Анализ воздействия потрясений и кризисов, которые произошли в предыдущие годы, на ГЦСС. Выводы из прошлого для принятия текущих решений.

2. Осмысление места и роли ГЦСС в экономическом развитии на текущем этапе. Оптимизация соотношения внутреннего и зарубежного производства. “Ренационализация” ГЦСС. Импортозамещение.

3. Риски модели ГЦСС для развития национальной экономики.

4. Корпоративные стратегии. Пути повышения устойчивости и надежности ГЦСС в кризисных ситуациях.

5. Правительственные меры по обеспечению безопасности поставок в рамках ГЦСС и восстановлению экономики.

Большой объем публикаций по теме ГЦСС в последнее время объясняется тем, что пандемия *COVID-19* привела к резкому обострению циклических и структурных проблем воспроизводственного процесса с участием ТНК. По механизму воздействия на воспроизводственные процессы она во многом аналогична потрясениям 2008–2009 гг., но, неся в себе угрозу для жизни на Земле, гораздо серьезнее по масштабам, вызовам и социальным последствиям. Поначалу сугубо региональный кризис в китайском городе Ухань очень быстро, всего за 2–3 месяца, превратился в кризис глобального охвата, который заставил правительства всех стран принять исключительные меры для защиты граждан. Результатом стало сокращение либо даже полное прекращение экономической деятельности в ряде отраслей и сфер жизнеобеспечения, что усилило спад производства в целом, привело к всплеску безработицы и обвалу спроса на несколько месяцев.

Кризис сильно затронул глобальные производственно-сбытовые цепочки. Ввиду межстрановой географической протяженности и производственной взаимосвязанности они оказались наиболее уязвимыми от шоков, срывов в поставках и сбоях в работе. Это хорошо видно на примере г. Ухань, заводы и предприятия которого задействованы в сотнях ГЦСС, охватывающих многие страны мира. За время рыночных реформ этот город стал одним из крупнейших центров КНР по выплавке стали и чугуна, по выпуску продукции автомобилестроения и отраслей высоких технологий – электронике, оптике, фармацевтике, биоинженерии и др. По данным *Deloitte*, здесь размещены предприятия более 200 компаний из списка *Fortune Global 500*, 163 компании из списка *Fortune 1000* имеют поставщиков

уровня 1 (то есть тех, с кем ведут прямой бизнес), а 938 имеют одного или нескольких поставщиков уровня 2 [29, р. 2].

С 23 января по 8 апреля 2020 г., то есть 2,5 месяца, все промышленные предприятия города (за исключением коммунальных служб, медицинских учреждений, фармацевтических и пищевых предприятий) были закрыты администрацией из-за коронавирусной инфекции. Сразу же прекратились поставки продукции на эти предприятия и отгрузка готовых товаров с них по всем звеньям производственных цепочек.

Хотя воздействие современного глобального кризиса на ГЦСС пока до конца не осмыслено, с нашей точки зрения, уже можно структурировать его основные каналы.

Во-первых, прекращение работы заводов и предприятий из-за угрозы распространения пандемии, реального и/или потенциального роста заболеваемости их работников, принятие государством правил социального дистанцирования. В наибольшей степени такая ситуация характерна для локаций с высоким уровнем распространения *COVID-19*.

Во-вторых, прямое негативное воздействие на ГЦСС в результате введения запрета на вывоз за границу ряда видов продукции, в частности медицинских товаров, и на импорт продукции из стран с высоким уровнем заболеваемости *COVID-19*.

В-третьих, косвенное воздействие на компании, находящиеся в производственных связях с закрытыми предприятиями. Поставки временно прерывались, вызывая цепную реакцию по всей технологической цепочке производства продукции.

В-четвертых, нарушение международных и внутристрановых перемещений людей, а в ряде стран коллапс международного транспортного сообщения и международного туризма. Также сюда следует отнести снижение грузопотока за счет административного запрета и/или принятия правительствами дополнительных требований на границе для таможенного оформления грузов.

Одновременно коронавирус вызвал всплеск спроса в некоторых отраслях и видах производства, в частности по выпуску медицинских товаров и оборудования для медицинских учреждений (средства индивидуальной защиты человека, аппараты искусственной вентиляции легких, лекарственные препараты и многое другое). Повсеместно развернулись строительство и модернизация больниц, госпиталей и иных медицинских учреждений.

В последнее десятилетие концепция глобальных цепочек создания стоимости стала важней-

шей частью экономической теории и практики. Ее проработка позволила описать процесс дробления производства на стадии, выполнение которых происходит в различных странах, получить формульное разложение добавленной стоимости по источникам происхождения для внешнеторговых товаров, решить другие методические задачи. Понятие “*Made in the World*” наполнилось реальным содержанием, свидетельствуя о том, что производство стало глобальным.

В период пандемии ГЦСС не выступают доминирующим или ключевым звеном экономического развития. Все-таки главными, требовавшими первостепенного внимания со стороны правительств сферами обеспечения жизнедеятельности населения и предприятий во время наиболее активной и критической фазы пандемии (II кв. 2020 г.) были производство продуктов питания, медицинского оборудования, медикаментов, а также производственные мощности лечебных учреждений, медицинские кадры, финансовые меры поддержки населения и производителя. В то же время ГЦСС сыграли важную роль в преодолении кризисных явлений в экономике.

В пандемию ГЦСС испытывают большее потрясение в сравнении с внутренним производством в силу как особенностей их функционирования, так и отсутствия для них специальных мер прямой государственной поддержки. Да и сами глобальные (региональные, трансграничные) производственные, сбытовые, кооперационные цепочки производства продукции по своей сути более чувствительны к экзогенным шокам, нежели внутренняя (национальная) экономика.

Хотя деятельность многих предприятий в условиях пандемии была приостановлена вследствие падения рыночного спроса на производимую ими

продукцию и ограничительных мер, введенных правительствами, экономической катастрофы, в том числе с глобальными цепочками поставок продукции, ни в одной стране не произошло. Дальнейшее повышение жизнестойкости и жизнеспособности ГЦСС станет важным направлением восстановления глобальной экономической активности и преодоления последствий COVID-19.

У большинства структурообразующих для ГЦСС компаний, особенно крупных и многонациональных, имеется достаточный запас прочности по оборотным средствам, прибыли, запасам и другим показателям, чтобы противостоять кризисным явлениям. А своевременно введенные правительствами меры поддержки пострадавших при пандемии отраслей, сфер, групп предприятий, а также практически всех слоев населения существенно снизили негативные последствия пандемии для экономического роста и глобальных цепочек.

Трансграничные производственные сети играют важную роль в передаче потрясений внешней среды на внутреннюю экономику независимо от того, входящая это цепочка или исходящая. Высокий уровень корреляции экономического роста в различных, особенно развитых, странах проявился в перенесении кризиса в экономике США 2008 г. на страны ЕС как их наиболее тесных экономических и производственных партнеров. Аналогичные процессы, только в более сильной степени, происходят и в период пандемии. Но для всестороннего теоретического и эмпирического анализа роли производственных сетей в межстрановой синхронизации ВВП и получения надежных количественных оценок такой зависимости пока не хватает ни методического аппарата, ни надежной долгосрочной статистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *COVID Action Platform*. Davos, World Economic Forum. 2020. Available at: <https://www.weforum.org/platforms/covid-action-platform> (accessed 12.10.2020).
2. *COVID-19 and Global Value Chains: Policy Options to Build More Resilient Production Networks*. Paris, OECD, June 3, 2020. 11 p. Available at: <https://www.oecd.org/coronavirus/policy-responses/covid-19-and-global-value-chains-policy-options-to-build-more-resilient-production-networks-04934ef4/#boxsection-d1e32> (accessed 12.10.2020).
3. *World Economic Situation and Prospects as of mid-2020*. New York, United Nations, 2020. 22 p. Available at: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/publication/WESP2020_MYU_Report.pdf (accessed 12.10.2020).
4. *Gross Domestic Product (Third Estimate), Corporate Profits (Revised), and GDP by Industry, Second Quarter 2020*. Washington, BEA, September 30, 2020. 28 p.
5. *Monthly Unemployment Rate in the United States from August 2019 to August 2020 (seasonally-adjusted)*. Statista, 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/273909/seasonally-adjusted-monthly-unemployment-rate-in-the-us/> (accessed 12.10.2020).
6. *National Income and Product Accounts. Table 8.1.6*. Washington, BEA, August 27, 2020. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?reqid=19&step=2#reqid=19&step=2&isuri=1&1921=survey> (accessed 12.10.2020).
7. *GDP and Main Components (Output, Expenditure and Income) (namq_10_gdp)*. Eurostat, 08.09.2020. Available at: https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=namq_10_gdp&lang=en (accessed 12.10.2020).

8. World Bank. *Global Monthly*. September, 2020. 8 p. Available at: <http://pubdocs.worldbank.org/en/233991601300771651/Global-Monthly-Sep20.pdf> (accessed 12.10.2020).
9. *World Manufacturing Production. Statistics for Quarter II 2020*. Vienna, UNIDO, 2020. 18 p. Available at: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2020-09/World_manufacturing_production_2020_Q2.pdf (accessed 12.10.2020).
10. *World Trade Statistical Review 2020*. Geneva, WTO, 2020. 154 p. Available at: https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/wts2020_e/wts20_toc_e.htm (accessed 12.10.2020).
11. *World Economic Outlook Update*. Washington, International Monetary Fund, June 2020. 20 p. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (accessed 12.10.2020).
12. *World Investment Report 2020*. Geneva, UNCTAD. 2020. 247 p. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2020_en.pdf (accessed 12.10.2020).
13. *Impact of the Covid-19 Pandemic on Global FDI and GVCs. Global Investment Trends Monitor no. 35 (Special Issue March 2020)*. Geneva, UNCTAD/OECD, 2020. 4 p. Available at: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/diaeiainf2020d3_en.pdf (accessed 12.10.2020).
14. *Trade Policy Implications of Global Value Chains. OECD Trade Policy Brief*. February 2020. 4 p. Available at: https://issuu.com/oecd.publishing/docs/trade_policy_implications_of_global (accessed 12.10.2020).
15. *Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains*. McKinsey Global Institute. August 2020. 99 p. Available at: <https://www.mckinsey.com/business-functions/operations/our-insights/risk-resilience-and-rebalancing-in-global-value-chains> (accessed 12.10.2020).
16. *Multinational Enterprises in the Global Economy: Heavily Debated but Hardly Measured*. Paris, OECD, 2018. 9 p. Available at: <https://www.oecd.org/industry/ind/MNEs-in-the-global-economy-policy-note.pdf> (accessed 12.10.2020).
17. Pisch F. Theory and Evidence from Just-in-time Supply Chains. *CEP Discussion Paper*, no. 1689. University of St. Gallen (Switzerland), April 2020. 66 p. Available at: <https://www.alexandria.unisg.ch/260088/1/EWP-2008.pdf> (accessed 12.10.2020).
18. Understanding the Weakness in Global Trade: what Is the New Normal? *European Central Bank, Occasional Paper Series*, September 2016, no. 178, 45 p. Available at: <http://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/scpops/ecbop178.en.pdf> (accessed 12.10.2020).
19. *Global Market Size of Outsourced Services from 2000 to 2019 (in billion U.S. dollars)*. Statista, 2020. Available at: <https://www.statista.com/statistics/189788/global-outsourcing-market-size/> (accessed 12.10.2020).
20. Miroudot S., Nordström H. Made in the World Revisited. *RSCAS Applied Network Science Working Paper*, no. 2019/84. European University Institute, 2019. 25 p. Available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3489137# (accessed 12.10.2020).
21. *Guide to OECD's Trade in Value Added (TiVA) Indicators, 2018 edition*. Paris, OECD, December 2019. 47 p. Available at: https://www.oecd.org/sti/ind/tiva/TiVA2018_Indicators_Guide.pdf (accessed 12.10.2020).
22. *Trade in Value Added (TiVA) Database 2018*. Paris, OECD, 2018. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/measuring-trade-in-value-added.htm> (accessed 12.10.2020).
23. *Interconnected Economies Benefiting from Global Value Chains. Synthesis Report*. Paris, OECD. 2013. 54 p. Available at: <https://www.oecd.org/sti/ind/interconnected-economies-GVCs-synthesis.pdf> (accessed 12.10.2020).
24. *Aid for Trade at a Glance 2019. Pocket Edition*. Geneva–Paris, WTO/OECD, 2019. 36 p. Available at: <https://www.oecd.org/aidfortrade/publications/Aid-for-Trade-2019.pdf> (accessed 12.10.2020). DOI: 10.1787/18ea27d8-en
25. Slowbalisation. The Steam Has Gone out of Globalisation. *The Economist*, January 24, 2019. Available at: <https://www.economist.com/leaders/2019/01/24/the-steam-has-gone-out-of-globalisation> (accessed 12.10.2020).
26. Predictions for 2020: “Slowbalisation” is the New Globalisation. *Pricewaterhouse Coopers*, 2019. Available at: <https://www.pwc.com/gx/en/issues/economy/global-economy-watch/predictions-2020.html> (accessed 12.10.2020).
27. *Food Supply Chains and COVID-19: Impacts and Policy Lessons*. OECD, June 2, 2020. 11 p. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=134_134305-ybqvdf0kg9&title=Food-Supply-Chains-and-COVID-19-Impacts-and-policy-lessons (accessed 12.10.2020).
28. *The Face Mask Global Value Chain in the COVID-19 Outbreak: Evidence and Policy Lessons*. OECD, May 4, 2020. 11 p. Available at: https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=132_132616-14i0j8ci1q&title=The-Face-Mask-Global-Value-Chain-in-the-COVID-19-Outbreak-Evidence-and-Policy-Lessons (accessed 12.10.2020).
29. *COVID-19. Managing Supply Chain Risk and Disruption*. Deloitte, 2020. 16 p. Available at: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ca/Documents/finance/Supply-Chain_POV_EN_FINAL-AODA.pdf (accessed 12.10.2020).

GLOBAL VALUE CHAINS (GVCs) AND COVID-19 PANDEMIC

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 14-23)

Received 12.10.2020.

Vladimir G. VARNAVSKII (varnavsky@imemo.ru),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, (IMEMO),
23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article discusses the status of Global Value Chains (GVCs) amid the COVID-19 pandemic and their influence on world economic development. Key aspects of the world economy and GVCs transformation in the context of the COVID-19 are studied. A brief overview of the economic literature and development of theoretical frameworks and concepts of Global Value Chains as well as globalisation and “slowbalisation” is provided. The article focuses on estimates of key indicators published by international bodies, such as the United Nations, UNCTAD, UNIDO, OECD, WTO, IMF and others. Various think tanks and other institutions such as World Economic Forum, European Central Bank, McKinsey Global Institute, Deloitte, NBER have been analyzing GVCs’ contribution to the transmission of the COVID-19 macroeconomic shocks across countries. A quantitative assessment of participation in GVCs for countries and regions based on available data in the Trade in Value Added (TiVA) database are discussed. Specific attention is paid to the key GVCs indicators, including exports of intermediate goods and foreign value added share of gross exports. Special attention is paid to the economic downturn in the United States and characteristics of GVCs involving enterprises located in Wuhan (China), which is very important to many global supply chains. Various kinds of long-term trends and structural changes are analyzed. It is noted that gross domestic product (GDP) of the USA in constant 2012 prices (ignoring inflation) fell in the second quarter of 2020 compared to the previous quarter by 31.7% but only 9.1% compared to the first quarter of 2020. It is concluded that improving supply chains’ recovery ability will be an important factor for restoring global economic activity in post-coronavirus times.

Keywords: global value chains (GVCs), COVID-19 pandemic, global economic crisis, gross domestic product, manufacturing, outsourcing, “slowbalisation”, Wuhan (PRC), Trade in Value Added (TiVA).

About author:

Vladimir G. VARNAVSKII, Dr. Sci. (Econ.), Professor, Head of Research Group.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-14-23

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ COVID-19 В ЕС: НАДНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФИНАНСОВЫЙ АСПЕКТ

© 2021 г. Е. Сидорова

СИДОРОВА Елена Александровна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (yelena.sidorova@yahoo.com).

Статья поступила в редакцию 01.09.2020.

Пандемия COVID-19, ставшая после Брекзита очередным испытанием для европейской интеграции, потребовала от ЕС неординарных и крупномасштабных антикризисных действий. В статье проанализированы решения Европейского совета, принятые в 2020 г., проведено их сравнение с действующей Многолетней финансовой программой и проектом Европейской комиссии на 2018–2020 гг. Сделан вывод, что в случае эффективного объединения усилий стран-членов в деле постпандемического восстановления может появиться импульс к дальнейшему углублению европейской интеграции.

Ключевые слова: COVID-19, ЕС, финансы, Общий бюджет, Бюджет ЕС следующего поколения, налоги.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-24-32

Последние полтора десятилетия стали крайне турбулентными для Европейского союза, пережившего четыре социально-экономических кризиса. Все они потребовали создания новых институциональных механизмов. Кризис 2008–2009 гг. обернулся переформатированием наднациональной системы финансового регулирования и контроля [1], долговой кризис – появлением единого постоянного механизма финансовой помощи [2], миграционный кризис – уточнением приоритетов ЕС в этой сфере [3]. Коронакризис 2020 г., или “Великая изоляция” (*Great Lockdown*), – “экстернальный” [4]. Он поразил всю экономику ЕС, особенно малые и средние предприятия (99% общего числа, свыше 2/3 рабочих мест и 56% совокупного оборота) [5]. По прогнозам Еврокомиссии, в 2020 г. экономика ЕС сократится более чем на 7% (базовый сценарий), а в негативном сценарии (второй волне пандемии и связанных с ней ограничений) – на 16% [6, р. 3].

НАЧАЛЬНЫЕ АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ

ЕК часто и небезосновательно упрекают в излишней забюрократизированности, но в 2020 г. она прореагировала оперативно. Уже к концу мая было объявлено о 291 мере (!), причем в основном как реакции на пандемию [7, р. 1]. В отличие от предыдущих антикризисных усилий для восстановления экономики было предложено использовать средства расширенного Общего бюджета ЕС.

К марту 2020 г. COVID-19 был обнаружен во всех странах ЕС [8]. 10 марта объявили о мерах поддержки ликвидности пострадавших малых и средних предприятий (МСП), особенно туристических. 13 марта предложен пакет мер по борьбе

с коронавирусом (*CRII*) в 1 млрд евро из Общего бюджета ЕС¹ в качестве гарантии для Европейского инвестиционного фонда (ЕИФ). С его помощью предполагалось мобилизовать 8 млрд евро для, как минимум, 100 тыс. МСП с предоставлением им средств из банков ЕС. Эту сумму для гарантий по долгосрочным проектам планировалось перевести на неотложные цели из Европейского фонда стратегического инвестирования (*European Fund for Strategic Investments, EFSI*) [9].

Предложено также мобилизовать резервы Европейских структурных и инвестиционных фондов (*European Structural and Investment Funds* в составе 5 фондов)² на политику сплочения и направить их в национальные бюджеты для поддержки инвестиций. Кроме того, поступило предложение расширить Фонд солидарности ЕС (*European Union Solidarity Fund*)³. 2 апреля был обнародован второй пакет мер (*CRII+*), дополняющий мартовский. В него включен еще один фонд, с помощью которого наиболее пострадавшие страны получают поддержку от ЕС, – Европейский фонд помощи малоимущим (*Fund for European Aid to the Most Deprived*).

После напряженных переговоров страны ЕС решили совместно выделить на долгосрочную поддержку экономики 540 млрд евро (из них

¹ Через программы *COSME* и *InnoFin*.

² Сюда входят: Европейский фонд регионального развития (*European Regional Development Fund*); Европейский социальный фонд (*European Social Fund*); Фонд сплочения (*Cohesion Fund*); Европейский сельскохозяйственный фонд сельского развития (*European Agricultural Fund for Rural Development*); Европейский фонд морского промысла и рыболовства (*European Maritime and Fisheries Fund*).

³ Предназначен для финансовой помощи странам, пострадавшим от природных катастроф.

100 млрд – на финансирование частичной занятости через новый европейский инструмент, предназначенный для снижения рисков безработицы в чрезвычайных ситуациях, – *SURE*⁴ при участии Европейского инвестиционного банка (ЕИБ), ЕК, Европейского стабилизационного механизма (последний – только для еврозоны).

В чрезвычайных обстоятельствах было объявлено не только о мерах поддержки, но и о приостановке действия правил бюджетной дисциплины в ЕС [10]. Впервые в истории действия критериев максимального размера дефицита бюджета (3%) и долга (60% ВВП) страны могут выйти за эти рамки без угрозы штрафов.

До мая 2020 г. Еврокомиссия выступала скорее связующим звеном: помогала координировать национальные действия борьбы с пандемией, обеспечивала взаимодействие между странами и финансовыми структурами. Следующим этапом стал проект по применению наднационального фискального механизма – Общего бюджета ЕС.

АНТИКРИЗИСНЫЕ МЕРЫ ИЗ РЕСУРСОВ ОБЩЕГО БЮДЖЕТА ЕС

27 мая 2020 г. ЕК представила проект, где основная роль отведена Общему бюджету ЕС. Кризис продемонстрировал, что необходимы большие средства и полномочия в экстренных ситуациях. Европейцы были вынуждены пойти на беспрецедентный шаг – “временное повышение потолка ресурсов”, законодательно ограниченного и медленно меняющегося.

Общий бюджет – уникальный механизм, способный обеспечить “справедливое социально-экономическое восстановление ... оживить Единый рынок... и поддержать необходимые срочные инвестиции”, нехватка которых составляет как минимум 1.5 трлн евро [11]. Примечательно, что в 2017 г., когда ЕК представила сценарии развития финансов ЕС [12], самым дискуссионным стал проект, где предлагалось поднять потолок ресурсов.

ЕК предложила пересмотреть Общий бюджет ЕС на 2020 г., увеличив его на 11.5 млрд евро для финансирования неотложных нужд (принято не было). В дополнение к упомянутому наднациональному финансовому механизму (540 млрд евро) было предложено расширить Многолетнюю финансовую программу 2021–2027 на 750 млрд евро, или 5.25% ВВП ЕС. Из них по первоначальному проекту предполагалось 451 млрд предоставить в форме грантов на госинвестиции, остальное – в форме ссуд.

⁴ *Support to Mitigate Unemployment Risks in an Emergency (SURE)*.

Страны направят 100% грантов и 50% ссуд на инвестиции, остальные 50% ссуд – на финансирование своих бюджетных расходов. Государства с ВВП на душу населения выше среднего по ЕС получают 24.5% пакета; с ВВП на душу населения ниже среднего и низким уровнем госдолга – 25%; с показателями ниже среднего и высоким уровнем госдолга – 50.5%. Эта временная мера в рамках Общего бюджета получила название “ЕС следующего поколения” (*Next Generation EU, NGEU*). Предполагается в 2021–2024 гг. выделять ежегодно по 25% пакета. Ожидается, что реальный ВВП ЕС с помощью этого инструмента увеличится на 1.75% в 2021 г. с доведением до 2.25% к 2024 г. [13, р. 43, 44, 23].

Предложено расширить ряд программ Общего бюджета ЕС. Первой идет Общая сельскохозяйственная политика (*Common Agricultural Policy*), затем – Европейский фонд морского промысла и рыболовства (*European Maritime and Fisheries Fund*), Программа единого рынка (*Single Market Programme*), программы поддержки налогового и таможенного сотрудничества, Фонд соединения Европы (*Connecting Europe Facility*), программа по образованию *Erasmus+*, программы Креативная Европа (*Creative Europe Programme*) и Цифровая Европа (*Digital Europe Programme*), Европейский оборонный фонд (*European Defence Fund*), Фонд внутренней безопасности (*Internal Security Fund*), Фонд предоставления убежища и миграции (*Asylum and Migration Fund*), Фонды комплексного пограничного контроля и управления (*Integrated Border Management Fund*) и помощи кандидатам на членство в ЕС [14, р. 6].

Для реализации Плана восстановления экономики ЕК предлагает поднять потолок Собственных ресурсов с обсуждаемых 1.4% валового национального дохода (ВНД) ЕС (расширенная МФП 2021–2027) до 2.0% (из них 0.6 п.п. ВНД ЕС приходится на *NGEU*). Причем этот правовой документ о финансировании Общего бюджета должен быть ратифицирован всеми странами.

Таким образом увеличится разница между потолком Собственных ресурсов (максимумом средств, которые ЕС может запросить от стран) и текущими расходами. Эта разница будет гарантией, под которую 750 млрд евро будут заимствованы на внешних рынках и распределены через Общий бюджет. Предложенные меры после одобрения Европейскими советом и парламентом должны быть ратифицированы всеми странами (что весьма сомнительно).

NGEU будет направлен на поддержку восстановления экономического роста; придание импульса экономике и частному инвестированию; извлечение уроков из кризиса. Первая, наиболее обширная группа включает ряд инвестиционных целей.

1.1. Новый Механизм по восстановлению и обеспечению устойчивости (*Recovery and Resilience Facility, RRF*) в размере 560 млрд евро призван обеспечить поддержку инвестиций и реформ (включая переход к “зеленой” и цифровой экономике). Механизм будет встроен в Европейский семестр, а его средства – разбиты на гранты и ссуды. Последние будут выплачиваться странам, которые прибегли к такого рода финансированию. Поддержку предполагается оказать всем странам ЕС, но сконцентрирована она будет на наиболее пострадавших от *COVID-19*.

1.2. Дополнительные к действующим программам политики сплочения до 2022 г. 55 млрд евро с помощью инициативы *REACT-EU (Recovery Assistance for Cohesion and the Territories of Europe)* [15] призваны обеспечить проведение посткризисной политики сплочения. *REACT-EU* расширяет две действующие инвестиционные программы-инициативы (*CRII* и *CRII+*). Эти средства будут выделяться из Европейского фонда регионального развития и Европейского социального фонда, а также действующего с 2014 г. Европейского фонда помощи малоимущим. По линии последнего предусмотрено в 2014–2020 гг. выделить свыше 3.8 млрд евро [16].

REACT-EU предоставит дополнительное финансирование наиболее важным секторам, включая меры по поддержанию занятости (в том числе самозанятых), системы здравоохранения, а также помощь МСП. Ресурсы будут выделены наиболее пострадавшим отраслям. Принимать решения по использованию средств будут сами страны, а распределение будет основано на показателях относительного благосостояния (*relative prosperity*) и степени поражения кризисом.

1.3. Предложено на 40 млрд евро увеличить Фонд справедливого перехода (*Just Transition Fund*) от традиционной к “зеленой” энергетике и “климатонейтральной” экономике.

1.4. Дополнительные 15 млрд евро предусмотрены от Европейского сельскохозяйственного фонда сельского развития.

Вторая группа мер призвана стимулировать частные инвестиции. По объему выделяемых средств она значительно уступает первой. Если первая – неотложная помощь, то вторая – формирование будущего экономической интеграции и поддержка конкурентоспособности. С этой точки зрения она имеет первостепенную важность для ЕС.

2.1. Инструмент для предотвращения банкротств (*Solvency Support Instrument, SSI*) на базе Европейского фонда стратегических инвестиций. Его задача – предоставить ликвидность фирмам, пострадавшим исключительно из-за ограничительно-карантинных мер. Особенность *SSI* в том,

что основная часть средств будет выделена не просто наиболее пострадавшим отраслям и странам, а преимущественно тем, чьи национальные меры финансово ограничены (где подушевой доход ниже среднего). По базовому сценарию только на 2020 г. потребность в ликвидности составляет 720 млрд евро. При второй волне пандемии (и падении ВВП на 15.5%) сумма может вырасти до 1.2 трлн евро. Оценки могут ухудшиться.

SSI начнет действовать с бюджетом в 31 млрд евро и кредитным плечом до 300 млрд евро поддержки фирмам в форме гарантий от ЕС, предоставляемых ЕИБ по линии ЕФСИ [17]. Средства выделят фирмам, не испытывавшим проблем до конца 2019 г. и оказавшимся в сложном положении лишь из-за *COVID-19*.

2.2. До 15.3 млрд евро расширить Европейскую флагманскую инвестиционную программу – *InvestEU (Europe’s Flagship Investment Programme)* на 2021–2027 гг. По линии Общего бюджета ЕС предоставляются гарантии, позволяющие дополнительно вложить в экономику 650 млрд евро [18, 19].

2.3. Отдельно выделен Механизм стратегического инвестирования (*Strategic Investment Facility, SIF*) с бюджетом в 15 млрд евро для привлечения 150 млрд евро в секторы, призванные обеспечить переход к “зеленой” и цифровой экономике и поддержать европейские цепочки создания стоимости (ЕЦСС).

Третья группа мер связана с формированием коллективного ответа на подобные ситуации в будущем, причем не только внутри ЕС. Эта группа предполагает самый малый объем выделенных средств, но при этом предусмотрена поддержка таких важных направлений, как здравоохранение и НИР. Как любые вложения в человеческий капитал, они не могут быстро окупиться, но именно так создается база устойчивого долгосрочного развития.

3.1. Новая программа по здравоохранению *EU4Health* в 9.4 млрд евро.

3.2. Дополнительные 2 млрд евро по программе Механизма гражданской защиты ЕС (*Union’s Civil Protection Mechanism*, или *RescEU*). В совокупности ее финансирование составит 3.1 млрд евро.

3.3. Должны расширяться действующие программы: “Горизонт Европа”⁵ – до 94.4 млрд евро; Механизм соседства, развития и международного сотрудничества (*Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument*) и Европейский фонд устойчивого развития (*European Fund for Sustainable Development*) – до 87 млрд евро.

Наличие отлаженного механизма с процедурой контроля можно расценивать как важное преимущество для включения *NGEU* в Общий бюджет.

⁵ В частности, поддержка НИР в сфере здравоохранения и расширение клинических испытаний.

Таблица 1. Реакция ряда стран на предложение ЕК (конец мая 2020 г.)

Страны	Реакция
Франция, ФРГ, Бельгия	Франция: недвусмысленная поддержка; ФРГ: без комментариев; Бельгия: в целом “за”, но недовольна предназначенными ей суммами и намерена добиваться их изменения
“Бережливая четверка” плюс Финляндия	Дания: отстаивание своих интересов, признание необходимости достижения компромисса в установленные сроки ¹ ; Финляндия: против ряда деталей Плана восстановления экономики ЕС; Швеция: самая жесткая позиция (опасения, что миллиардные гранты приведут к неэффективному распределению ресурсов и существенному росту вклада страны в Общий бюджет ЕС); Нидерланды: против объединения долгов; Австрия: против, но готова к переговорам
Вишеградская группа	Польша: “за” как один из крупнейших бенефициаров Плана; Словакия: “за”; Чехия: предложение ЕК – “большой долг”, заем ЕС должен соответствовать масштабам коронакризисного спада
Южные страны	Страны PIGS ² : все “за”; Мальта: сдержанная реакция, но опасения, что предложение ЕК откроет “ящик Пандоры” в части гармонизации налогов (оказание давления на существующие схемы налогообложения корпораций сферы финансовых услуг и игровой индустрии)
Балканы	Словения, Хорватия, Румыния, Болгария: “за”

¹ Наиболее мягкая позиция.

² PIGS – Португалия, Италия, Греция, Испания.

Составлено автором по: [21].

Правда, последний представляет собой “тихоходную машину”, не способную реагировать на события, требующие быстрого ответа. По оценкам, только четверть (24.9%) грантов будет потрачена в 2020–2022 гг., когда необходимость в них наиболее остра [20]. Имеются опасения, что 3/4 грантов будут доступны лишь после 2023 г. Прежде чем появятся реальные средства, программы бюджета должны быть сформированы, одобрены и внедрены.

МЕЖДУ МАЕМ И ИЮЛЕМ: РЕАКЦИЯ СТРАН-ЧЛЕНОВ НА ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЕК

19 июня 2020 г. заседание Европейского совета впервые практически полностью было посвящено Общему бюджету. Не все страны положительно отреагировали на пакет предложений ЕК, состоящий из двух частей – Новой МФП (2021–2027) и NGEU. Разногласия между странами севера и юга Европы, традиционными “кредиторами”⁶ (ФРГ, Австрия, Нидерланды, Скандинавские страны) и “должниками” (Италия, Испания, поддержавшая их Франция), вновь обострились.

Председательство ФРГ в ЕС (июль–декабрь 2020 г.) обрело новые проблемы. Ранее предполагалось, что самой сложной задачей будет преодоление последствий Брекзита. Теперь на первый план выходят Общий бюджет ЕС, преодоление сопротивления “бережливой пятерки” (*Frugal Five*) в составе Австрии, Дании, Нидерландов, Швеции, Финляндии. Против финансирования выступила часть нетто-плательщиков, возникла коллизия: ФРГ вынуждена убеждать остальных нетто-пла-

тельщиков пойти навстречу предложениям ЕК, хотя и в измененном виде (табл. 1).

“Старая Европа” оказалась расколота на три группы. Условный Север занял позицию, которую традиционно отстаивает ФРГ, – фискальный порядок, дисциплина, жесткая подотчетность, контроль. Условный Юг приветствует раздачу грантов, но боится ухудшения привлекательности своих налоговых систем. Франция в тандеме с ФРГ поддержала ЕК, Бельгия не возразила.

“Бережливая пятерка” настаивает на изменении Общего бюджета, баланса между грантами и ссудами NGEU в пользу ссуд, а также сроков их выплаты. Фонд NGEU должен быть меньше и пропорционален последующему бремени оплаты, которое несут государства-члены, и его продолжительности. Период выплаты должен быть короче предложенного срока (2028–2058). Финляндия выступает за национальный бюджетный суверенитет [22]. Новые члены ЕС, с учетом важности для них трансфертов из Общего бюджета⁷, в целом поддержали проект.

ИТОГИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОВЕТА 17–21 ИЮЛЯ 2020 Г.

Совет в очередной раз продемонстрировал приоритет национальных интересов. В то же время обнаружилось повышение “договороспособности” внутри ЕС, возможно, не в последнюю очередь благодаря Брекзиту.

Одним из главных достижений стало признание МФП (Общего бюджета) основным инструментом восстановления экономики. Полномочия ЕК ограничены в размере и сроках выплат: от лица

⁶ На 2014 г. 10 из ЕС-28 были нетто-плательщиками: ФРГ, Австрия, Нидерланды, Бельгия, Франция, Швеция, Дания, Финляндия, Великобритания, а также Италия. Именно они составили оппозицию проекту роста расходов ЕК.

⁷ Страны Вишеградской группы, несмотря на разницу в подходах, практически всегда следуют рекомендациям ЕС именно по этой причине [23, с. 153].

ЕС она разместит заем в 750 млрд евро; с начала 2027 г. новых заимствований не будет. По требованию “бережливой пятерки” изменено соотношение между ссудами и грантами: на ссуды придется 360 (было 250) млрд, а на гранты — 312.5 (было 310) млрд евро в ценах 2018 г.

Советом одобрено временное (!) поднятие потолка собственных ресурсов на 0.6 п.п. ВНД исключительно для погашения займов, пока все обязательства не будут погашены до 31 декабря 2058 г. При этом 70% грантов будет выдано в 2021–2022 гг., остальные 30% — до конца 2023 г. Максимальный объем ссуд для каждой страны не превысит 6.8% ее ВНД [24, р. 3, 5].

Объем обязательств МФП на 2021–2027 гг. составляет 1.0743 трлн евро, что меньше текущей Программы (1.0826 трлн) и проекта ЕК 2018 г. (1.1346 трлн) [25]. Уточнены названия основных статей расходов: единый рынок, инновации и цифровизация; сплочение, устойчивость и ценности; природные ресурсы и окружающая среда; миграция и пограничный контроль; безопасность и оборона; соседство и мир; европейское управление [24, р. 10].

Любопытна эволюция планируемых расходов основных статей Общего бюджета. В табл. 2 представлены фактические расходы действующей МФП, проекта ЕК 2018 г. и принятой Советом МФП 2021–2027, а также их сравнения (в %). Столбец 2 иллюстрирует устремления евроциновников в 2018 г. в связи с последствиями миграционного кризиса, Брекзита, прихода к власти в США Д. Трампа (с его требованиями по НАТО), задачами построения “зеленой” цифровой экономики и генерирования европейской добавленной стоимости.

Неслучайно ЕК стремилась увеличить практически на порядок расходы по статье “Оборона и безопасность”, в 5 раз — на миграционные вопросы и охрану границ, почти в 1.5 раза — на развитие единого рынка, инновации, цифровизацию. Перечисленные приоритеты отражают стратегические устремления ЕС, однако государства-члены ока-

зались не готовы выделить необходимые средства. Столбец 3 показывает принятое на заседании Совета решение по МФП 2021–2027 без учета *NGEU*. Если сравнивать это решение с МФП 2014–2020, то предложения ЕК были приняты, хотя и в сокращенном виде. В итоге, как уже было показано, принятая Советом Программа 2021–2027 оказалась меньше предыдущей. Серьезно скорректированы статьи, которые ЕК как раз предлагала наиболее существенно увеличить.

Со стратегической точки зрения, как представляется, поражением стало сокращение расходов на инновации и цифровизацию. Это иллюстрирует эволюция программы “Горизонт Европа”, которую изначально предлагалось расширить (до 83.5 млрд евро в 2018 г. и до 94.4 млрд евро в мае 2020 г.). В итоге Совет принял финансирование 80.9 млрд евро, причем в ходе пятнадцатидневного заседания эту программу сокращали дважды (!).

От такой эволюции пострадали страны северо-запада Европы, традиционно получающие финансирование на НИР и инновации, в то время как более бедные страны юга и юго-востока получают свое по статьям, связанным со сплочением и развитием. “Бережливая пятерка” в данном случае сама себя наказала: их требования сократить сумму грантов и увеличить число ссуд в *NGEU* было удовлетворено, в том числе за счет программы “Горизонт Европа” (минус 8.5 млрд евро), бенефициарями которой они выступают.

Наиболее пострадали программы, связанные с развитием человеческого капитала, технологий и инноваций. Так, *Erasmus+* недополучит 5 млрд евро; *InvestEU*, связанный со стимулированием частных и государственных инвестиций, может быть урезан до 6.9 млрд евро (с предложенных ЕК 30.3 млрд евро, из которых 3.11 млрд было запланировано на НИР и инновации); *EU4Health* сокращается с 9.4 млрд евро до 1.67 млрд; “Цифровая Европа” (*Digital Europe*) — с 8.19 млрд евро до 6.76 млрд (в том числе инвестиции в кибербезопасность,

Таблица 2. Основные статьи расходов МФП 2021–2027, предложение ЕК-2018, принятое предложение и действующая МФП

Статьи п/п	1	2	3	4	5	6
Сроки действия программ/темпы прироста	2014–2020	ЕК-2018	2021–2027	Т.пр. (3/2)	Т.пр. (3/1)	Т.пр. (2/1)
Единый рынок, инновации и цифровизация	116.4	166.3	132.8	–20.1	+14.1	+42.9
Сплочение, устойчивость и ценности	387.5	392.0	377.8	–3.6	–2.5	+1.2
Природные ресурсы и окружающая среда	399.6	336.6	356.4	+5.9	–10.8	–15.8
Миграция и пограничный контроль	10.1	60.8	22.7	–62.7	+124.7	+501.9
Безопасность и оборона	1.9	24.3	13.2	–45.6	+594.7	+1179.0
Соседство и мир	96.3	108.9	98.4	–9.6	+2.2	+13.1
Европейское управление	70.8	75.6	73.1	–3.3	+3.2	+6.8
Итого	1.0826	1.1346	1.0743	–5.5	–0.7	+5.0

Рассчитано автором по: [25].

искусственный интеллект) [26]. Все это вызвало негативную реакцию Европарламента (ЕП).

Новая Программа не подлежит корректировке в середине своего действия, как это было ранее. Одобрено усиление взаимосвязи между Общим бюджетом и Европейским семестром, а также долгосрочными климатическими и экологическими целями ЕС: минимум 30% расходов Общего бюджета и *NGEU* будет направлено на климатические цели во исполнение Парижского соглашения и Целей устойчивого развития.

Несмотря на компромисс, принятое решение тоже будет скорректировано. Итоговые цифры по общим статьям, скорее всего, радикально меняться не будут, но внутри них возможны изменения. Можно утверждать, что ЕП не поддержит одобренный Советом проект, причем в части не только расходов, но и новых источников финансирования расширенного Общего бюджета.

ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ ОБЩЕГО БЮДЖЕТА И ЕС СЛЕДУЮЩЕГО ПОКОЛЕНИЯ

Если ранее утверждалось, что страны ЕС крайне негативно относятся к любому, пусть даже необходимому повышению взносов в Общий бюджет, то проблема источников его финансирования — еще более шекотливая. Любой перевод части налогов из-под национального ведения в наднациональное означает сужение фискального суверенитета государств. Именно поэтому предлагаемые новые источники финансирования наднациональны по сути и не касаются национальных систем налогообложения.

Налоговые системы стран ЕС обладают рядом недостатков, в частности: высокое налогообложение трудовых доходов не способствует экономическому росту и занятости; долгосрочный тренд на снижение налогов на доходы приводит к сокращению прогрессивности налоговой системы, что также снижает эффективность антициклической политики, в которой прямое прогрессивное налогообложение служит одним из ключевых встроенных стабилизаторов [27, сс. 214–215]; возрастающие трудности налогообложения частного богатства и прибылей корпораций, обладающих “международной мобильностью” — способностью перевода капиталов в другие страны с благоприятным налоговым режимом; снижение в общих налоговых поступлениях удельного веса экологических налогов.

Новые налоговые собственные ресурсы должны частично заменить взносы с ВНД, чтобы предоставить странам ЕС пространство для маневра по сокращению налогов, наносящих вред экономике, особенно высоких налогов на трудовые доходы [28]. Современная система собственных ресур-

сурсов — стабильный, предсказуемый, постоянный источник доходов Общего бюджета — справедливо критикуется за ряд изъянов. Это сложность, непрозрачность, недостаток демократической подотчетности ввиду отсутствия прямой связи между доходами ЕС и его гражданами, ограниченная финансовая автономия.

Современная система собственных ресурсов не способствует реализации всех важнейших стратегий и инициатив ЕС в области устойчивого экономического роста и развития, таких как: Цели устойчивого развития; Повестка дня 2030 по устойчивому развитию; Парижское соглашение по климату; Стратегия по климатонейтральной Европе к 2050 г.; План действий ЕС по экономике полного цикла (безотходной); План действий по справедливому и устойчивому налогообложению.

Новые собственные ресурсы будут не только дополнять традиционные, но и демонстрировать приоритеты в области экологической политики и справедливого налогообложения. Если бы все новые источники пополнения Общего бюджета были бы приняты к 2024 г., то национальные взносы в МФП 2021–2027 снизились бы по сравнению с 2020 г. ЕК предлагала поднять потолок собственных ресурсов до 1.46% ВНД ЕС — по обязательствам и 1.4% — по выплатам на постоянной основе [29, р. 15, 16]. Это предложение стало предметом споров при обсуждении МФП 2021–2027.

Новые источники пополнения Общего бюджета будут введены для выплат по займам *NGEU* в 2028–2058 гг. Подчеркнуто, что тяжесть выплат не ляжет на отдельные страны; справедливость обеспечивается за счет того, что новые средства имеют наднациональные источники. Таким образом, страны не будут вынуждены делать “существенные дополнительные взносы в Общий бюджет в 2021–2027” [29, р. 3].

ЕК выделила 4 дополнительных источника поступлений. Во-первых, за счет расширения системы торговли квотами на выбросы парниковых газов с включением в нее морского и воздушного транспорта можно получить 10 млрд евро в год. Во-вторых, обложение товаров из стран с менее жесткими экологическими требованиями (*Carbon Border Adjustment Mechanism, CBAM*) должно принести 5–14 млрд евро. В-третьих, цифровой налог на компании с оборотом свыше 750 млн евро должен дать до 1.3 млрд евро. В-четвертых, собственный ресурс, основанный на операциях компаний, которые извлекают существенные выгоды из единого рынка ЕС, в зависимости от формы или вида способен дать около 10 млрд евро в год [30]. В табл. 3 представлены критерии оценки новых источников поступлений. Из всех предложенных новых источников наиболее приемлем углеродный налог как часть системы торговли квотами на выброс парниковых газов.

Таблица 3. Критерии оценки налоговых собственных ресурсов с позиции устойчивости

Измерение устойчивости	Критерий оценки	Пояснения
Экономическое	Позитивное воздействие на экономический рост	Налог оказывает (несущественно) негативное влияние на экономический рост
	Фискальная устойчивость (достаточность)	Стабильные долгосрочные поступления
Социальное	Распределение личных доходов и богатства	Налог должен нивелировать неравномерное распределение личных доходов и богатств
Экологическое	Экологическая устойчивость	Налог смягчает остроту экологических проблем
Институциональное/культурное (относится к Общему бюджету ЕС)	Стабильность доходов	Доходы не подвержены краткосрочным колебаниям
	Неатрибутивность	Поступления от налогообложения нельзя относить на счет отдельных государств-членов
	Справедливое национальное распределение	Стремление к равномерности распределения налогового бремени между государствами-членами
	Фискальная интеграция ¹	Налог содействует фискальной интеграции в ЕС
	Невозможность введения	Налог не может быть введен на уровне государств-членов
	Невмешательство	Налог не входит в национальные налоговые системы
	Наглядность	Налог понятен большинству плательщиков/граждан

¹ Налог поддерживает процесс европейской интеграции путем горизонтальной налоговой гармонизации.

Источник: [28, p. 172].

Реформа системы собственных ресурсов должна проводиться параллельно с введением новых собственных ресурсов. По принятому Советом проекту, первый из них – взнос за перерабатываемый пластиковый мусор – вводится с 1 января 2021 г. В первом полугодии 2021 г. ЕК выдвинет предложение по введению сбора СВМ и цифрового сбора не позднее 1 января 2023 г., а также по пересмотру Европейской системы торговли квотами на выбросы парниковых газов. Кроме того, возможный собственный ресурс – налог на финансовые транзакции. Вводятся скидки на взнос с ВНД для “бережливой пятерки” и ФРГ. При этом существующая система скидок в Общем бюджете будет отменяться постепенно, поскольку в противном случае для отдельных стран возникнет непропорционально большое увеличение взносов.

* * *

По завершении пандемии вопросы восстановления экономики, евростроительства и сочетания

национальных и наднациональных начал станут предметом первоочередного внимания и обсуждения. Так, Франция предложила создать особый Фонд восстановления экономики в размере 3% ВВП ЕС (около 420 млрд евро) за счет выпуска “коронабондов”, чтобы предоставлять ссуды наиболее пострадавшим странам ЕС [31]. С учетом средств ЕС и возможных займов на внешних рынках поддержка постпандемического восстановления экономики может составить 2 трлн евро (почти 15% ВВП).

История Общего бюджета ЕС, которому не один десяток лет, – это борьба различных групп интересов. Это и национальные приоритеты, касающиеся структуры расходов и доходов, и наднациональные проблемы, в частности, недовольство ЕП распределением полномочий по поводу бюджетных процедур в ЕС между ним, ЕК и Советом. Новый проект повышает роль Общего бюджета в интеграции и тесно увязывает его с реализацией стратегических приоритетов экономического развития Евросоюза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Худякова Л.С., Кулакова В.К., Сидорова Е.А., Ноздрев С.В. Глобальная реформа регулирования финансового сектора: первые итоги и новые вызовы. *Деньги и кредит*, 2016, № 5, сс. 28–38. [Khudyakova L.S., Kulakova V.K., Sidorova E.A., Nozdrev S.V. Global'naya reforma regulirovaniya finansovogo sektora: pervye itogi i novye vyzovy [Global financial sector regulatory reform: first results and new challenges]. *Den'gi i kredit*, 2016, no. 5, pp. 28–38.]
2. Бобров А. Развитие европейской экономической интеграции в условиях долгового кризиса. *Доклады Института Европы*, 2018, № 351, сс. 26–31. [Bobrov A. Razvitie evropeiskoi ehkonomicheskoi integratsii v usloviyakh dolgovogo krizisa [European economic integration development amidst the debt crisis]. *Doklady Instituta Evropy*, 2018, no. 351, pp. 26–31.]
3. Трофимова О.Е., ред. *Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы*. Москва, ИМЭМО РАН, 2019, сс. 30–50. [Trofimova O.E., ed. *Migratsionnye protsessy v Evrosoyuze: sovremennyye problemy i vyzovy* [Migration processes in European Union: problems and challenges]. Moscow, IMEMO, 2019, pp. 30–50.]

4. "Россия и постковидный мир". Первая онлайн-сессия "Примаковских чтений". ["World order: the structural transformation" The first online session of "Primakov Readings" (In Russ.)] Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/onlayn-sessiya-primakovskih-chteniy> (accessed 28.08.2020).
5. *Statistics on Small and Medium-sized Enterprises*. Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Statistics_on_small_and_medium-sized_enterprises#General_overview (accessed 28.08.2020).
6. *Europe's Moment: Repair and Prepare for the Next Generation*. European Commission, 27.05.2020. 18 p. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-europe-moment-repair-prepare-next-generation.pdf> (accessed 28.08.2020).
7. *Adjusted Commission Work Programme 2020*. European Commission, 27.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/cwp-2020-adjusted_en.pdf (accessed 28.08.2020).
8. *Council Agrees to Start Lifting Travel Restrictions for Residents of Some Third Countries from 1 July 2020*. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/coronavirus/> (accessed 28.08.2020).
9. *European Coordinated Response on Coronavirus*. European Commission, 13.03.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_458 (accessed 28.08.2020).
10. *COVID-19: Commission Sets out European Coordinated Response to Counter the Economic Impact of the Coronavirus*. European Commission, 13.03.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_459 (accessed 28.08.2020).
11. *Europe's Moment: Repair and Prepare for the Next Generation*. European Commission, 27.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_20_940 (accessed 28.08.2020).
12. *White Paper on the Future of Europe Concerning EU Finances*. Available at: https://ec.europa.eu/commission/future-europe/white-paper-future-europe/white-paper-future-europe-five-scenarios_en (accessed 28.08.2020).
13. *Europe's Moment: Repair and Prepare for the Next Generation. Identifying Europe's Recovery Needs*. European Commission, 27.05.2020. 53 p. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/assessment_of_economic_and_investment_needs.pdf (accessed 28.08.2020).
14. *Europe's Moment: Repair and Prepare for the Next Generation*. Brussels, European Commission, 27.05.2020. 17 p. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/communication-europe-moment-repair-prepare-next-generation.pdf> (accessed 28.08.2020).
15. *EU Budget for Recovery: Questions and Answers on REACT-EU, Cohesion Policy Post-2020 and the European Social Fund+*. European Commission, 28.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/QANDA_20_948 (accessed 28.08.2020).
16. *Fund for European Aid to the Most Deprived (FEAD)*. Available at: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1089> (accessed 28.08.2020).
17. *Solvency Support Instrument Helping Kick-start the European Economy*. Available at: <https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/economy-finance/ssi-factsheet.pdf> (accessed 28.08.2020).
18. *Commission Welcomes European Parliament's Position on InvestEU*. European Commission, 16.01.2019. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_19_444 (accessed 28.08.2020).
19. *The InvestEU Programme: Questions and Answers*. European Commission, 06.2018. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/MEMO_18_4010 (accessed 28.08.2020).
20. Darvas Zs. *Three-quarters of Next Generation EU Payments Will Have to Wait until 2023*. 10.06.2020. Available at: <https://www.bruegel.org/2020/06/three-quarters-of-next-generation-eu-payments-will-have-to-wait-until-2023/> (accessed 28.08.2020).
21. *How EU Member States Reacted to the Commission's Recovery Fund Proposal*. 04.06.2020. Available at: <https://www.euractiv.com/section/politics/news/how-eu-member-states-reacted-to-the-commissions-recovery-fund-proposal/> (accessed 28.08.2020).
22. *Ministerial Committee on EU Affairs Outlined Finland's Positions on the Financial Framework Package and the Recovery Instrument*. Government Communications Department, 04.06.2020. Available at: https://valtioneuvosto.fi/-/10616/eu-minva-linjasi-suomen-kantoja-rahoituskehyskokonaisuuteen-ja-elpymisvalineeseen?languageId=en_US (accessed 28.08.2020).
23. Комиссарова Ж.Н., Сергеев Е.А. Фискальное регулирование ЕС и консолидация бюджета в странах Вишеградской группы. *Вестник МГИМО-Университета*, 2019, № 3 (66), сс. 131-158. [Komissarova Zh.N., Sergeev E.A. Fiskal'noe regulirovanie ES i konsolidatsiya byudzheta v stranakh Vishegradskoi grupy [EU fiscal governance and budget consolidation in Visegrád countries]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, 2019, no. 3 (66), pp. 131-158.] DOI: 10.24833/2071-8160-2019-3-66-131-158
24. *European Council Conclusions, 17–21 July 2020*. European Council, 21.07.2020. 67 p. Available at: <https://www.consilium.europa.eu/media/45109/210720-euco-final-conclusions-en.pdf> (accessed 28.08.2020).
25. Zubaşcu F. Budget Deal Shrinks EU Ambitions in Technology and Innovation Programmes. *Science|Business*, 21.07.2020. Available at: <https://sciencebusiness.net/framework-programmes/news/budget-deal-shrinks-eu-ambitions-technology-and-innovation-programmes> (accessed 28.08.2020).
26. Bayer L., Busquets Guàrdia A. The EU Budget and Recovery Deal in Charts. *Politico*, 25.07.2020. Available at: <https://www.politico.eu/article/the-eu-budget-and-recovery-deal-in-charts/> (accessed 28.08.2020).

27. Клинов В.Г., Сидоров А.А. *Экономическая конъюнктура*. Москва, Экономика, 2019. 425 с. [Klinov V.G., Sidorov A.A. *Ekonomicheskaya kon'yunktura* [Market situation]. Moscow, Ekonomika, 2019. 425 p.]
28. Krenek A., Schratzenstaller M. Tax-based Own Resources to Finance the EU Budget. *Intereconomics*, 2019, vol. 54, no. 3, pp. 171-177.
29. *The EU Budget Powering the Recovery Plan for Europe*. COM(2020) 442 final. European Commission, 27.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/1_en_act_part1_v9.pdf (accessed 28.08.2020).
30. *Financing the Recovery Plan for Europe*. European Commission, 27.05.2020. Available at: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/about_the_european_commission/eu_budget/factsheet_3_v22.pdf (accessed 28.08.2020).
31. Valero J. France Proposes a Fund of EU's 3% GDP against Virus. *Euractiv*, 22.04.2020. Available at: <https://www.euractiv.com/section/economy-jobs/news/france-proposes-a-fund-of-eus-3-gni-against-virus/> (accessed 28.08.2020).

OVERCOMING COVID-19 IMPACT IN THE EU: SUPRANATIONAL FINANCIAL ASPECT

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 24-32)

Received 01.09.2020.

Elena A. SIDOROVA (yelena.sidorova@yahoo.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The COVID-19 pandemic has led to an acute socio-economic crisis in the world, including in Europe. Anti-crisis measures at the supranational level are considered. The pandemic, which, after the Brexit decision, became another test for European integration, led to the development of a number of anti-crisis measures by the European Commission. On May 27, 2020, the European Commission presented a draft of measures to combat the pandemic, where the main role assigned to the EU Common Budget. The crisis has demonstrated that more funds and powers at the supranational level need to respond to emergencies. The Europeans were forced to take an unprecedented step – a possible “temporary increase in the Own resources ceiling,” which is legally limited and very slowly changing. The results of the meeting of the European Council in July 2020, dedicated to the Commission project were analyzed. A comparison made between the final indicators adopted at the Council, with the figures of the current Multiannual Financial Framework and the project of the European Commission for 2018–2020. Sources of financing for the European Economic Recovery Plan presented. The modern system of own resources does not contribute to the implementation of all the most important EU strategies and initiatives in the field of sustainable economic growth and development. New own resources will not only complement traditional ones, but also demonstrate priorities in the field of environmental policy and fair taxation. The Commission new project enhances the role of the Common Budget in integration and links it closely with the implementation of the long-term strategic priorities of the EU's economic development. The conclusion is about the multi-vector impact of COVID-19. This force majeure circumstance, if the member states effectively unite their efforts to prepare the foundations for economic recovery, may become an impetus for further deepening European integration.

Keywords: COVID-19, EU Common budget, New Generation EU, reforms, European Taxes.

About author:

Elena A. SIDOROVA, Cand. Sci. (Econ.), Head of Section.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-24-32

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЯПОНИИ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

© 2021 г. А. Белов

БЕЛОВ Андрей Васильевич, доктор экономических наук, профессор,
Университет префектуры Фукуи, Япония, 910-0055, Фукуи, Ёсида, Кэндзёдзима-Мацуока, 4-1-1;
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9
(abelov@fpu.ac.jp).

Статья поступила в редакцию 17.09.2020.

По сравнению с другими государствами G7 в начальный период пандемии COVID-19 Японии удалось эффективнее минимизировать смертность и сопутствующий экономический ущерб. Это объясняется спецификой как эпидемиологической стратегии, так и денежно-кредитной и структурной политики. Пакет антикризисных мер оказался одним из крупнейших в мире по затратам. В ближайшие годы его реализация приведет к резкому увеличению бюджетного дефицита и государственного долга.

Ключевые слова: Япония, экономика, пандемия COVID-19, антикризисная политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41

В последние 30 лет Япония столкнулась с целым набором серьезных проблем, в частности старением населения, схлопыванием спекулятивного пузыря и замедлением темпов роста. Все это потребовало выработки комплекса специфических мер экономической политики, которые до сих пор в целом не дали заметного эффекта. В первой половине 2020 г., на начальном этапе борьбы с пандемией коронавируса, стране удалось минимизировать смертность и отрицательные последствия увеличения безработицы населения, банкротств предприятий и падения экономики. Рассмотрим влияние пандемии на экономическую ситуацию в Японии и, главное, какие меры приняло правительство для поддержки предприятий и населения. Хотя эпидемиологическая ситуация изменчива, формирование антикризисных мер закончено, началась их реализация, и налицо некоторые положительные результаты. Даже неожиданная смена правительства в сентябре 2020 г. не привела к крупным изменениям: новый премьер-министр Ё. Суга заявил о продолжении курса своего предшественника.

НАИМЕНЬШАЯ СМЕРТНОСТЬ В G7 И НАИБОЛЬШАЯ В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ситуацию с COVID-19 в Японии можно рассматривать как в положительном, так и в отрицательном ключе. По сравнению с другими странами G7 в Японии зарегистрирована минимальная смертность: 9.7 человека на 1 млн населения против 535.7 в США или 110.8 в Германии (по данным ВОЗ на 31 августа 2020 г.). Еще более контрастную картину дают расчетные показатели “избыточ-

ной смертности” (реальные цифры общего числа умерших минус гипотетические в условиях без пандемии). Оценки по сравнимым алгоритмам для первого полугодия говорят о появлении 172.4 тыс. избыточных смертей в Европе, 122.3 тыс. в США и всего 138 случаев в Японии [1]. Разрыв японских цифр с зарегистрированными смертями от коронавируса (около 1000 умерших в феврале–мае и 1311 на 31 августа 2020 г.) указывает на то, что в период массовых ограничений социальных контактов удалось сохранить жизни людей, в частности за счет сокращения дорожного трафика, уменьшения числа аварий и других несчастных случаев.

Низкие темпы распространения инфекции и малое число летальных исходов в условиях сравнительно мягких ограничительных мер в некоторых СМИ получили характеристику “японского чуда”. Нобелевский лауреат С. Яманака, пытаясь разобраться в причинах этого явления, даже предположил существование в стране некоего “фактора икс”. На основную роль в его формировании, по мнению ученого, претендуют не менее шести переменных: генетические особенности населения, приобретенный иммунитет из-за ранее сделанных прививок, малая опасность местных разновидностей вируса, дисциплинированность японцев как характерная черта их социального поведения и, наконец, эффективная государственная политика.

Одной из ее черт в феврале–мае 2020 г. стало ограниченное по масштабам, но высокоточное тестирование на COVID-19. С этой целью использовались сложные и дорогие тесты на основе поли-

мерзкой цепной реакции (ПЦР). Направление на сдачу анализов получали только пациенты с продолжительной высокой температурой и воспалением дыхательных путей. По международным данным, на эту категорию в среднем приходится около 20% инфицированных.

Логика властей состояла в том, чтобы в условиях недостаточных ресурсов сосредоточить усилия на лечении тяжелых больных, пусть даже и допустив некоторое распространение инфекции. Такой подход исходил из структурных особенностей японского здравоохранения. Оно, в частности, ориентировано прежде всего на профилактические мероприятия и увеличение продолжительности жизни без болезней. В то же время из-за нехватки финансирования в стране сравнительно мало больничных мест с оборудованием для интенсивной терапии (*intensive care units, ICU*) и вентиляции легких (около 5 мест на 100 тыс. населения против 10–30 в Европе и 50 в США).

По-видимому, на первом этапе пандемии практика ограниченного тестирования оказалась успешной. Подавляющее число больных с тяжелыми симптомами получало адекватное лечение, а средняя загрузка *ICU* даже в пиковый период в апреле 2020 г. не превышала 80%. Развертывание менее точных, но массовых, простых и бесплатных для населения тестов на наличие антител началось с сентября в качестве подготовки к ожидаемому всплеску вирусной активности в холодное время года.

Низкая смертность от *COVID-19* отмечается не только в Японии, но и в других странах и территориях Восточной Азии с развитыми системами медицинского обеспечения и статистики: Республике Корея (6.1 человека на млн населения), Китае (3.2), Таиланде (0.8), Вьетнаме (0.3) и на Тайване (всего 7 смертных случаев). На их фоне ситуация в Японии выглядит самой сложной, а антиэпидемическая политика подвергается критике. Как отмечают обозреватели корпорации *NHK*, в Корею и на Тайване, сравнимых с Японией по организации общественной жизни, после эпидемий *SARS* и *MERS* в 2003-м и 2013-м годах были приняты адекватные организационные меры.

В Японии аналогичный толчок должны были дать последствия вируса “свиного гриппа” *A/H1N1* 2009 г., унесшего жизни 203 человек. Однако рекомендации экспертов по предотвращению следующей аналогичной инфекции в полной мере осуществиться не удалось. Напротив, в ходе бюджетной “рационализации” количество региональных центров охраны здоровья (основное организационное звено в борьбе с инфекционными заболеваниями в Японии) с 1995 г. уменьшилось вдвое, причем за-

частую без адекватного развития новых технологий и повышения производительности [2].

Банальная нехватка средств, инфраструктуры и специалистов соединилась с отставанием в использовании эффективных инструментов информационного взаимодействия. Например, на Тайване в процессе распределения масок и финансовой помощи оказались задействованы современные цифровые инструменты. В Корею удалось за считанные дни перечислить жителям материальную помощь из бюджета, опираясь на сеть электронных платежей и обширную базу счетов физических лиц. Положительную роль сыграла также быстро введенная национальная система отслеживания контактов инфицированных с помощью смартфонов. В сравнимые сроки в Японии подобного сделать не удалось, что, по мнению экспертов, должно послужить уроком на будущее [3].

ЭКОНОМИКА: АТАКА “ЧЕРНОГО СЛОНА”

Пандемия *COVID-19* распространилась по всему миру и вызвала глубокий экономический кризис. В этом смысле инфекцию можно считать классическим примером “черного лебедя”, то есть неожиданного события, наносящего существенный ущерб экономической деятельности. Теория рекомендует встречать будущее с подготовленными сценариями действий при различных вариантах развития событий [4].

Однако масштабы кризиса, вызванного пандемией, быстро превзошли все предыдущие примеры появления “черных лебедей”, будь то террористическая атака 9 сентября 2001 г., финансовый обвал 2008 г. или избрание Д. Трампа в 2016 г. Более точным описанием последствий пандемии можно считать словосочетание “черный слон”, в котором “черный лебедь” оказался совмещен со “слоном в комнате” (то есть крупной проблемой вроде изменения климата, очевидной для всех, но за решение которой никто не хочет браться) [5]. Конкретных рекомендаций по встрече “черного слона” в экономической теории пока не выработано, за исключением указаний на важность международного сотрудничества. Неудивительно, что по всему миру реакция на новый кризис оказалась ориентированной не столько на его специфику, сколько на имеющиеся в той или иной стране возможности и сложившуюся там практику в области здравоохранения и социально-экономической политики.

В 2020 г. МВФ прогнозирует отрицательные темпы роста реального ВВП и в мире в целом (–4.9%), и в развитых (–8%), и в развивающихся странах (–3.0%) [6]. Близкие оценки дают специ-

алисты Всемирного банка, ОЭСР, ООН и других международных организаций. Наиболее сильно кризис ударит по европейским и латиноамериканским государствам, где валовый выпуск упадет соответственно на 10.2 и 9.4%. Рост экономики предполагается лишь в ряде небольших государств и в Китае (+1%), однако его скромные показатели не оставляют надежд на изменение глобальной ситуации. Положение будет обостряться высокой неопределенностью и синхронным падением цен, торговли, инвестиций, потребления, подвижности трудовых ресурсов. Таким образом, среднегодовые темпы роста глобального ВВП будут в 2020 г. самыми низкими за послевоенный период и намного хуже показателя 2009 г. (–1.8%). По широте распространения и глубине падения нынешний спад поставит печальный рекорд за период XX–XXI вв. Очевидно, что мир окажется в состоянии глубокого и разрушительного кризиса.

Спад в японской экономике прогнозируется еще более серьезным. Согласно Банку Японии – от –4.7 до –7.3%, прогноз МВФ: –5.8, Всемирного банка: –6.1, ОЭСР: –7.3%. Отметим, что ухудшение экономической динамики началось до объявления пандемии. Квартальная статистика зафиксировала падение ВВП на 7.1% уже в последней четверти 2019 г., после повышения с 1 октября потребительского налога с 8 до 10% [7]. В первом квартале 2020 г. правительственные оценки спада составили –2.5%, а во втором падение валового выпуска достигло беспрецедентного уровня –28.1% в годовом выражении, причем 3/4 пришлось на сокращение внутреннего спроса [8].

Разумеется, после такого провала обычно следует восстановительный рост, который должны уловить тонкие измерители экономической конъюнктуры. И действительно, уже в июне и июле 2020 г. композитный индекс (средневзвешенный темп изменений 30 индикаторов-компонентов) повысился на 3.2 и 1.8%, в том числе за счет улучшения показателей промышленного производства и экспорта [9]. Диффузионный индекс (разница между долями положительных и отрицательных ответов) показал улучшение ожиданий крупного бизнеса [10]. Ежемесячный правительственный обзор экономической ситуации в августе 2020 г. зафиксировал признаки восстановления в частном потреблении, экспорте и ряде отраслей материального производства [11].

В июле 2020 г. Банк Японии заявил о возможности роста ВВП с темпом 3.3 и 1.5% на протяжении двух последующих лет. С одной стороны, это говорит о том, что в указанный период уровень экономической активности будет ниже 2019 г. При этом траектория восстановления может иметь не желательную *V*-образную форму, а скорее напоми-

нать буквы *U*, *W* или *L*. С другой стороны, первые позитивные тенденции уже появились и вполне могут набрать силу, если только повторная вспышка *COVID-19* не заставит вновь вводить массовые ограничения.

В число наиболее пострадавших секторов экономики, как и в большинстве других стран, попала туристическая отрасль. В 2019 г. общие расходы на туризм в Японии достигли 31.6 трлн иен (5.7% ВВП), а совокупное число работающих превысило 4.6 млн человек (6.9% общей занятости в сравнении, например, с 8.2% в автопроме – главной отрасли японского машиностроения). Несмотря на важную роль въездного и выездного туризма (31.9 млн и 20.1 млн поездок соответственно), в структуре продаж туристической отрасли 73.3% приходилось на внутренние расходы, которые осуществляли жители Японии [12].

Значительное преобладание “внутренней” доли намного упростило задачу восстановления. Уже в мае 2020 г. на поддержку туризма был выделен бюджет в размере 1.7 трлн иен (7% внутренних продаж), а в июле стартовала программа возмещения путешественникам половины расходов, которой за последующий месяц воспользовались 4.2 млн человек. Правда, даже при полной реализации этих мер падение продаж по итогам года может достичь 30–40%, а масштабы восстановления прекращенного зарубежного туризма пока вообще невозможно прогнозировать [13].

Во времена кризиса ухудшается ситуация с занятостью и доходами населения. В этом смысле Япония не исключение, хотя уровень безработицы здесь традиционно ниже, чем в большинстве развитых стран (2.4 против 5.4% в среднем по ОЭСР в 2019 г.). Циклические колебания занятости в Японии появились только с конца 1990-х годов, то есть рынок труда сравнительно недавно начал эффективно выполнять функцию структурного перераспределения работников и до сих пор имеет ряд отличий от “либеральной” англосаксонской и “социально защищенной” европейской моделей.

Это связано с некоторыми историческими особенностями (различия в положении постоянных и временных работников, практика долгосрочной занятости, синхронный найм, высокая доля оплаты по возрасту и стажу, традиция регулярной выплаты бонусов и т. д.). Они сохраняют свою значимость, несмотря на многочисленные изменения в последние годы. Большинство японских фирм в периоды высокой конъюнктуры сдерживают рост зарплат и накапливают наличные резервы на своих балансах, а с наступлением кризисов всячески сберегают ядро постоянных работников и не прибегают к массовым увольнениям. Эконо-

мия на затратах осуществляется через сокращение временного персонала, а также бонусов, отработанного времени и оплаты сверхурочных, которые в Японии более вариабельны, чем в США и странах Евросоюза.

Исследования показывают, что такие же подходы применяются и в ходе нынешнего кризиса. В частности, в июле 2020 г. 75% опрошенных компаний (66% в автомобилестроении) отмечали стабильность занятости по сравнению с прошлым годом. Правда, в 14% фирм (44% в автомобилестроении) до половины работников (4.2 млн человек, или 6% всех занятых) находились в вынужденных отпусках, получая 60% обычной заработной платы, в том числе за счет государственных субсидий [14]. Это позволяет обоснованно предположить, что в 2020–2021 гг. общая безработица в стране хотя и повысится, но сохранится на сравнительно скромном уровне 3.4–4% (против 9.9–10.0% в странах ОЭСР). Тем не менее почти наверняка упадут доходы населения, а временная занятость (38.3% всех работников в 2019 г.), широко распространенная в туризме и сфере “контактных” услуг, сократится более чем на миллион рабочих мест.

Столь неприятные перемены произойдут на фоне реформ, направленных на сближение условий труда постоянных и временных работников, последовательное соблюдение принципа равной оплаты за равный труд и расширение типов занятости. Пакет соответствующих законопроектов в Японии после многолетней подготовки начал вводиться в действие с апреля 2019 г. Кризис на фоне пандемии заставил экстренно расширить социальную поддержку временных работников, получивших право на оплату отсутствия по болезни и получение субсидий на заработную плату.

Результаты обследования рынка труда в июле 2020 г. зафиксировали безработицу на уровне 2.9%. В абсолютных цифрах число занятых сократилось на 0.76 млн человек по сравнению с предыдущим годом, причем из них 0.61 млн пришлось на временных работников в гостиничном бизнесе, общественном питании и других отраслях сферы услуг [15]. Кроме того, уменьшилось количество имеющихся вакансий (самое резкое падение со времен нефтяного кризиса 1974 г.), снизились продолжительность отработанного рабочего времени и номинальная оплата труда. Очевидно, что после длительного повышения спроса на рабочие руки и улучшения условий в 2015–2019 гг. динамика японского трудового рынка начала разворачиваться в противоположном направлении.

Перелом тренда требует от всех участников и регуляторов рынка более активных действий стимулирующего и реактивного характера. Среди них

специалисты называют, в частности, продление завершающихся в сентябре бюджетных выплат самозанятым и предприятиям с целью поддержания доходов (решение принято в августе), содействие переливу работников из стагнирующих (туризм, гостиничный бизнес) в отрасли замещающего спроса (доставка на дом, супермаркеты), расширение инвестиций в человеческий капитал и обучение навыкам длительного “сосуществования с вирусом”. В этой связи закономерно встает вопрос об источниках финансирования необходимых затрат, прежде всего о монетарных и финансовых мерах правительства.

АНТИКРИЗИСНАЯ ПОЛИТИКА: “АБЭНОМИКА” БЕЗ АБЭ

В японской антикризисной политике можно выделить денежные, бюджетные и структурные меры. Именно из этих, как их называли в стране, трех “стрел” состояла программа премьер-министра С. Абэ. “Абэномика” появилась в 2013 г. и позволила Японии нащупать выход из периода “потерянных десятилетий”. Нынешняя антикризисная программа – продолжение ранее разработанного курса в новых условиях. Неожиданный *Abexit*, скорее всего, не приведет к радикальному пересмотру экономической политики, учитывая избрание на пост премьер-министра ближайшего соратника С. Абэ, его первые заявления и состав его кабинета.

Денежный блок антикризисной политики предполагает наращивание Банком Японии предложения ликвидности в обмен на государственные и корпоративные ценные бумаги. Элементы такого подхода появились в стране еще в конце прошлого века, когда в стране начался длительный период дефляции. В 1999 г. Банк Японии впервые снизил до нуля процентную ставку по краткосрочным кредитам на межбанковском рынке (*call rate*), тем самым признав исчерпание возможностей “обычных” инструментов денежного регулирования. Затем последовал черед нетрадиционных мер, направленных на увеличение сальдо банковских депозитов на своих счетах и объемов покупки государственных облигаций. Так в Японии впервые появился новый тип денежной политики, получившей название “количественное смягчение” (*quantitative easing, QE*) и применявшейся до 2006 г. Элементы *QE* были настолько высоко оценены за рубежом, что оказались в широких масштабах задействованы в США и Европе для борьбы с всемирным кризисом 2008–2009 гг., а затем стали стандартным ответом на появление признаков рецессии в большинстве развитых стран.

В самой же Японии возобновление практики *QE* запоздало по политическим причинам и нача-

лось лишь в 2010 г. Задержка привела к повторению дефляции, снижению темпов роста и повышению курса иены на фоне быстрого расширения денежного предложения в других странах. Ситуация изменилась только после формирования второго кабинета С. Абэ, который весь экономический блок своей предвыборной кампании построил на обещании расширить *QE* и победить дефляцию. Более того, с апреля 2013 г. в практику *QE* был добавлен “качественный” элемент: Банк Японии начал покупку не только государственных, но и корпоративных облигаций с более высокой степенью риска.

“Количественное смягчение” обернулось снижением качества бумаг, находящихся на балансе банковского регулятора, а *QE* превратилось в *QQE* (*quantitative and qualitative easing*). Поставленной цели (инфляция 2% к 2015 г.) достичь не удалось, но темпы роста цен стали положительными (в среднем 0.95% за 2013–2019 гг.). Последовавшие затем повышение стоимости акций и понижение курса иены также принесли позитивные экономические результаты. Среди других “необычных” мер денежной политики стоит отметить введение в 2016 г. отрицательных ставок *call rate* (–0.1%) и ориентации на нулевую доходность по десятилетним облигациям, то есть политики контроля кривой доходов (*yield curve control*, *YCC*). Правда, в этом случае Банк Японии упустил пальму первенства и последовал за своими европейскими коллегами, которые пошли на это двумя годами ранее.

Кризис 2020 г. не поменял общего характера *QQE* и *YCC*, но на этот раз реакция властей последовала незамедлительно. Только в июне денежная масса *M2* увеличилась на 28% против среднегодового прироста в 3% в предыдущие годы. К середине 2020 г. Банк Японии стал собственником 50% государственных и 30% корпоративных облигаций, 10% торгуемых в стране акций, а сумма его активов превысила 115% ВВП против 47% в Европейском центральном банке и 33% в ФРС США [16]. Среди закупаемых ценных бумаг появились высокорисковые облигации малых и средних предприятий (МСП) и трастов с обеспечением в виде недвижимости и обязательств частных лиц. В марте–июне Банк Японии объявил о снятии ограничений на покупку гособлигаций, об увеличении лимита на балансовые объемы обязательств крупных компаний, о разрешении финансовым организациям выдавать беспроцентные и беззалоговые займы МСП, а также о всесторонней поддержке банковской системы.

Перспективы политики *QQE* оценить достаточно сложно, поскольку ее долгосрочные последствия пока не вполне ясны ни для Японии, ни для мировой экономики в целом [17, р. 188].

В среднесрочном плане беспрецедентное расширение денежного предложения в условиях стагнирующего спроса с большой вероятностью может привести к перегреву фондового рынка и формированию спекулятивного пузыря, что значительно усложнит задачи дальнейшего денежного регулирования. В краткосрочном же разрезе стабильность курса иены и фондового рынка говорит о действенности сделанных шагов, а возвращение дефляции (по прогнозам Банка Японии от –0.3 до –0.5% в 2020 г.) заставляет продолжать принимаемые меры.

Бюджетная политика Японии с середины 1960-х годов носит антициклический характер. Расширение расходов в период рецессий ведется дискретным образом, то есть каждый раз изменяются уровни и направления бюджетной поддержки, а “автоматические стабилизаторы” (пособия по безработице, выплаты низкодоходным семьям, прогрессивное налогообложение и т. п.) играют сравнительно малую роль. В этом смысле японские антициклические меры скорее напоминают американские, чем европейские.

С начала 1990-х годов наиболее сложную проблему бюджетной политики Японии представляют текущий дефицит (4–6% ВВП в 1994–2018 гг.) и накопленный долг (в 2018 г. 236% ВВП в валовом и 130% в “чистом” выражении с учетом взаимных обязательств госструктур), которые возникли по ряду вполне понятных причин. Во-первых, с точки зрения доходов в Японии сравнительно поздно появился и медленно повышался так называемый потребительский налог (аналог НДС). После введения в 1989 г. на уровне 3% от суммы продаж его удалось довести лишь до 10% в 2019 г., в то время как средняя ставка НДС в ОЭСР превышает 19%. Во-вторых, в бюджетных расходах начиная с 2001 г. социальное обеспечение стало самой крупной и постоянно увеличивающейся статьей, удержать рост которой оказалось невозможно с учетом сложной демографической ситуации.

И наконец, в-третьих, в период быстрого экономического роста в бюджетной системе сложилась громоздкая структура институтов и организаций, ориентированных на неналоговое финансирование инвестиций. Правительство Японии имеет 13 “специальных счетов”, с которых оплачивает отдельные строительные проекты и другие расходы, по своим масштабам превышающие размер обычного бюджета. В 2018 г. “специальные счета” составляли в чистом виде 141.2 трлн иен, а обычный бюджет – 97.7 трлн иен, причем между ними происходило двустороннее движение средств, достигавшее 149.5 трлн иен [17, р. 203]. Кроме того, правительство ежегодно составля-

ет Программу бюджетных инвестиций и займов (*Fiscal Investment and Loan Program, FILP*; 13.1 трлн иен в 2019 г.), в рамках которой капиталовложения осуществляются за счет сбережений почтовой системы и которую зачастую называют “вторым бюджетом”. Нетрудно представить, что столь сложная организация размывает понятие расширенного правительства и снижает эффективность бюджетирования.

С 2013 г. в области бюджетной политики кабинет С. Абэ решал противоречивые задачи, пытаясь одновременно стимулировать рост за счет дополнительных расходов и сокращать дефицит. Номинально в политике выделены количественные ориентиры, такие как достижение 2%-го роста ВВП в реальном и 3%-го в номинальном выражении, а также первичного баланса доходов и расходов за вычетом затрат на обслуживание долга. В реальности даты достижения этих целей постоянно переносились. В 2017 и 2019 гг. в Японии были одобрены рекордные по величине бюджеты, но с 2014 по 2016 г. и в 2018 г. расходы заметно сокращались. В 2014 и 2019 гг. проведено повышение потребительского налога с 5 до 8 и 10%, ежегодно принимались решения о достижении первичного баланса через 5–7 лет. Создавалось впечатление, что проблему балансирования бюджета в пределах одного экономического цикла вполне возможно разрешить.

В 2020 г. ситуация усложнилась, поскольку пришлось одновременно преодолевать последствия и проведенного повышения налогов, и пандемии *COVID-19*. К счастью, это не сказалось на оперативности принимаемых мер. В феврале–мае 2020 г. были последовательно приняты четыре антикризисных пакета и два дополнительных бюджета, направленные на борьбу с пандемией, поддержку населения и преодоление рецессии. Общая сумма запланированных “обычных” расходов достигла 61.6 трлн иен (11.1% ВВП 2019 г.), из которых около 1% ВВП решено направить на медицинские и эпидемиологические меры, 2.7 – на содействие населению, 2.8 – на формирование резервного фонда, 4.6% – на поддержку занятости, предприятий и другие цели.

Приняты и реализованы решения о выделении временной помощи в размере 100 тыс. иен каждому жителю Японии, о помощи семьям с детьми до 300 тыс. иен, о субсидировании аренды МСП до 1 млн иен, о помощи МСП до 2 млн иен и многие другие меры. В результате “обычные” расходы достигли 160 трлн иен (против 98.9 трлн в среднем за 2013–2019 гг. и 84.2 трлн за 2000–2008 гг.). Кроме того, в состав антикризисных мер по традиции оказались включены “специальные” займы и инвестиции через финансовые организации, что

довело размеры пакета до 233.9 трлн иен (42.3% ВВП) [18].

Непредвиденные расходы приведут к расширению консолидированного бюджетного дефицита до 12.8% ВВП [19], поскольку налоговые доходы в 2020 г. прогнозируются в пределах 63 трлн иен. Соответственно, валовый государственный долг превысит 250% ВВП, причем скорость прироста возрастет примерно в 3 раза по сравнению с предыдущим годом. Практически вся прибавка уйдет на баланс Банка Японии, который еще в апреле 2020 г. заверил правительство в своей полной поддержке. Арифметически бюджет можно сбалансировать при возвращении к финансовой дисциплине образца 2014–2016 гг. и повышении потребительского налога с нынешних 10 до 19%. Однако в этом случае разрушительные последствия для экономики намного превысят возможные положительные эффекты.

Очевидно только одно: простого решения проблемы дефицита и долга не существует. Подтверждение дает провал планов по балансированию бюджета, регулярно принимаемых в Японии уже 15 лет подряд. Причины неудач понятны из официального прогноза от 31 июля 2020 г., который в очередной раз сдвинул время достижения первичного баланса с 2025 на 2029 г. При этом предполагаемые реальные темпы роста ВВП начиная с 2021 г. должны составить не менее 2% в год [20]. С учетом того что средние цифры за предыдущие относительно успешные годы находились на уровне 1.1%, нетрудно представить, насколько сложно будет достичь поставленной цели.

Разумеется, Япония – не единственная страна, в которой борьба с кризисом приведет к обострению бюджетных проблем. Согласно прогнозам МВФ, в 2020 г. в странах мира ожидается суммарный дефицит в размере 10% и прирост госдолга на 18.7% мирового ВВП. На этом фоне, по крайней мере в текущем плане, ситуация в Японии выглядит даже лучше, чем, например, в США или Великобритании.

В долгосрочном разрезе чистый государственный долг Японии (130% ВВП в 2018 г.) примерно равен показателям Италии, но по сравнению с ней японский уровень налогообложения относительно низок, а возможности генерации доходов выше. Кроме того, половина госдолга Японии принадлежит центробанку, который является образцом лояльного инвестора. Неудивительно, что японские кредитные рейтинги устойчиво превышают итальянские. Более того, в последнее время центробанки зарубежных стран расширяют покупки японских государственных обязательств в рамках диверсификации портфелей. Следовательно, существенная часть международного экономическо-

го сообщества считает, что, хотя ситуация в японской бюджетной системе является сложной, в ней есть ресурсы и для преодоления текущего кризиса, и для будущего оздоровления.

Наконец, последняя составляющая антикризисных мероприятий содержит краткосрочные меры по стимулированию пострадавших секторов после начала подъема и долгосрочные шаги, направленные на повышение устойчивости экономической структуры. Отметим, что, как самостоятельный элемент экономической политики, стратегия стимулирования роста появилась вместе с формированием “абэномики” в 2013 г. С тех пор в ее состав оказались включены снижение налогов на прибыль, реформа корпоративного управления, стимулирование венчурного бизнеса, снижение протекционистской защиты сельского хозяйства, формирование новой энергетической стратегии, расширение трудового участия женщин, цифровизация и строительство “Общества 5.0”, ревитализация регионов, дерегулирование трудового рынка, создание специальных экономических зон, заключение соглашений о транс-тихоокеанском партнерстве и сотрудничестве с ЕС и множество других мероприятий. По мнению обозревателей, их удалось реализовать не более чем на 20–30% [20]. В то же время кризис, пандемия и *Abexit* создали уникальную возможность выделить новые приоритеты и ускорить запущенные позитивные процессы.

Среди важнейших задач на новом этапе и японские, и зарубежные специалисты называют развитие ИТ-технологий для повышения производительности труда. Прежде всего речь идет о сфере услуг, где этот показатель составляет около 50% от уровня США, а внедрение новинок сталкивается со множеством действующих ограничений и конфликтующих интересов (например, расширению смартфонных систем заказа такси до сих пор жестко противостоят влиятельные ассоциации водителей). В дополнение к этому наличие развитой аналоговой инфраструктуры приводит к “зависимости от предыдущего пути”. В Японии архаичные рукописные записки по факсу, личные печати в документации или наличные расчеты в магазинах действуют весьма отлаженно и эффективно. Это не стимулирует массового перехода к современным цифровым технологиям, поскольку от них не ожидают получения решающих экономических пре-

имуществ. В результате доля безналичных расчетов не достигает одной трети, а стоимость мобильного интернета одна из самых высоких в мире. Однако в настоящее время относительно низкая цифровая конкурентоспособность (23-е место в мире в 2019 г. по версии института *IMD*) приходит в противоречие с потребностями развития страны.

Многие из названных проблем в Японии об-суждаются годами, но только в период кризиса по-является надежда на их радикальное разрешение в стиле “созидательного разрушения”. Тем более это справедливо для периода политических перемен и размышлений о траектории “мягкой посадки” после бурных событий в области монетарной и бюджетной политики. Трудно подобрать более удачный момент для того, чтобы сконцентрировать внимание нового правительства на назревших структурных реформах. Неудивительно, что среди своих приоритетов, наряду с продолжением “абэномики” и преодолением кризиса, премьер Ё. Суга уже в первой своей речи назвал устранение существующих административных ограничений и использование цифровых технологий, а в структуре его кабинета появилась должность министра по цифровизации.

* * *

Итак, в Японии продолжается реализация антикризисной программы, содержание которой определили известные по “абэномике” инструменты денежной, бюджетной и структурной политики. Их применение с 2013 г. позволило достичь лишь примерно половины запланированного уровня темпов экономического роста и целевой инфляции. По-видимому, это стало результатом того, что в экономической области, также как и во внешне-политической сфере, не удалось сформулировать цельной и непротиворечивой доктрины. В первой половине 2020 г. масштабы и оперативность предпринятых действий придали происходящему новое качество, заставив задуматься о последствиях массивных денежных вливаний в экономику и раздувания бюджетного дефицита. В этом смысле экономическая политика Японии вступает в новый этап, поскольку решение неотложных тактических задач по преодолению коронакризиса требует пересмотра дальнейшей стратегии действий правительства и арсенала применяемых регулирующих мер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 我が国における超過死亡の推定. [*Estimation of Excess Mortality in Japan*. National Institute of Infectious Disease (In Jap.)] Available at: <https://www.niid.go.jp/niid/ja/from-idsc/493-guidelines/9748-excess-mortality-20jul.html> (accessed 03.09.2020).
2. パンデミック 激動の世界1 ウイルス襲来 瀬戸際の132日. [*Pandemic: World of Turbulence-1. Virus Invasion. 132 Days on the Edge*. NHK (In Jap.)] Available at: <http://www2.nhk.or.jp/hensei/program/p.cgi?area=001&date=2020-08-29&ch=21&eid=15471&f=46> (accessed 30.08.2020).

3. Kasuya T., Tung H. *Taiwan Has a Lot to Teach Japan about Coronavirus Response*. Available at: <https://asia.nikkei.com/Opinion/Taiwan-has-a-lot-to-teach-Japan-about-coronavirus-response> (accessed 04.08.2020).
4. Taleb N. *The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable*. London, Penguin, 2010. 400 p.
5. O'Shea T. *Black Elephants, Black Swans, and Tomorrow's Fish*. Available at: https://www.huffpost.com/entry/black-elephants-black-swa_b_6240540 (accessed 04.08.2020).
6. *IMF. World Economic Outlook Update. June 2020*. Available at: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUpdateJune2020> (accessed 17.09.2020).
7. 2019 年 10 - 12 月期 GDP 速報 (2 次速報値). [*October–December 2019 GDP Preliminary Report (Secondary Data)*]. Cabinet Office Economic and Social Research Institute (In Jap.) Available at: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sokuhou/files/2019/qe194_2/pdf/qepoint1942.pdf (accessed 03.08.2020).
8. 2020 年 4 - 6 月期 GDP 速報 (2 次速報値). [*April–June 2020 GDP Preliminary Report (Secondary Data)*]. (In Jap.) Available at: https://www.esri.cao.go.jp/jp/sna/data/data_list/sokuhou/files/2020/qe202_2/pdf/qepoint2022.pdf (accessed 17.09.2020).
9. 景気動向指数 (令和 2 (2020) 年 7 月分速報). [*Index of Business Conditions. July 2020, preliminary*]. Cabinet Office (In Jap.) Available at: <https://www.esri.cao.go.jp/jp/stat/di/202007psummary.pdf> (accessed 17.09.2020).
10. 短観 (要旨) (2020年6月). [*Tankan Outline (June 2020)*]. Bank of Japan (In Jap.) Available at: <https://www.boj.or.jp/statistics/tk/yoshi/tk2006.htm/> (accessed 03.08.2020).
11. 月例経済速報 (令和2年8月). [*Monthly Economic Report. July 2020*]. Cabinet Office (In Jap.) Available at: <https://www5.cao.go.jp/keizai3/getsurei/2020/0827getsurei/main.pdf> (accessed 17.09.2020).
12. 数字が語る旅行業2020. [*Travel Industry 2020 in Numbers*]. Japan Association of Travel Agents (In Jap.) Available at: https://www.jata-net.or.jp/membership/purchase/200629_sjhninfo.html (accessed 03.08.2020).
13. 観光産業で今起きていること、今後の打ち手は? [*What Is Happening in the Tourism Industry and what Are Your Future Plans?* (In Jap.)] Available at: <https://www.travelvoice.jp/20200610-146276> (accessed 03.08.2020).
14. Kajimoto T. *Japan Firms See No Immediate Fix for Virus Pain, Some Eye Better Productivity: Reuters Poll*. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-japan-companies-po/japan-firms-see-no-immediate-fix-for-virus-pain-some-eye-better-productivity-reuters-poll-idUSKCN24G395> (accessed 03.08.2020).
15. 労働力調査2020年 (令和2年) 8月分. [*Labor Force Survey. July 2020*]. Statistics Bureau of Japan (In Jap.) Available at: <https://www.stat.go.jp/data/roudou/sokuhou/tsuki/pdf/gaiyou.pdf> (accessed 17.09.2020).
16. *OECD Economic Outlook, Volume 2020, Issue 1*. Available at: https://www.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2020/issue-1_0d1d1e2e-en (accessed 03.09.2020).
17. Ito T., Hoshi T. *The Japanese Economy*. Cambridge, MIT Press, 2020. 616 p.
18. 事業規模 233.9 兆円. [Hoshino T. Scale of Support Equals 233.9 Trillion Yen. *Economic Trends*, May 28, 2020 (In Jap.)] Available at: <http://group.dai-ichi-life.co.jp/dlri/pdf/macro/2020/hoshi200528.pdf> (accessed 03.08.2020).
19. 令和 2 年第 13 回経済財政諮問会議議事要旨. [*Economic and Fiscal Advisory Council Materials (2020)* (In Jap.)] Available at: <https://www5.cao.go.jp/keizai-shimon/kaigi/minutes/2020/0731/gjijiyoushi.pdf> (accessed 03.08.2020).
20. Du L., Lee M.J., Nakamichi T., Taniguchi T. *Hedge Funds Say there's no Turning Back on Abe's Japan Reforms*. Available at: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-09-07/hedge-funds-say-there-s-no-turning-back-on-abe-s-japan-reforms> (accessed 17.09.2020).

ECONOMIC POLICY OF JAPAN IN THE TIME OF PANDEMIC

(*World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 33-41*)

Received 17.09.2020.

Andrey V. BELOV (abelov@fpu.ac.jp),

Fukui Prefectural University, Japan, Fukui Prefectural University, Economic Faculty, 4-1-1, Kenjojima-Matsuoka, Yoshida, Fukui, 910-0055, Japan;

Saint-Petersburg State University, 7-9 Universitetskaya Nab., Saint Petersburg, 199034, Russian Federation.

In the initial period of the COVID-19 pandemic (February–September 2020), Japan succeeded in minimizing the mortality rate and reducing the damage to the economy. The Japanese experience has both positive and negative aspects. Among the G7 countries, Japan recorded the best use among the states of East Asia the worst indicators of overall and excessive mortality. From an economic perspective, the pandemic strongly affected inbound and outbound tourism, which will take years to recover. Employment opportunities in the tourism and other contact-intensive industries will be reduced by approximately one million jobs, primarily affecting part time and temporary workers. At the same time, the overall unemployment rate will hardly exceed one-third of the OECD average generally because of the ample financial support, long-term commitments among core employees in Japan, and job retention practices of domestic companies. In the macroeconomic realm, the Japanese government embarked on an extension of quantitatively easing measures of monetary expansionary steps in fiscal sphere and universal stimulus in growth-enhancing structural policies. This approach actually follows the logic of a long-standing reflationary Abenomics, which is expected to continue despite the abrupt resignation of S. Abe. At least, Japan's newly elected Prime Minister Yo. Suga has indicated his support for

current monetary and fiscal policies. He also hinted at a need to reduce the administrative red tape and to accelerate the digitalization in the economy. The package of anti-crisis measures in Japan turned out to be one of the largest in the world, and its implementation could increase the budget deficit and public debt, that is, cause the emergence of problems relevant to most other countries.

Keywords: Japan, economy, healthcare system, COVID-19 pandemic, economic policy, government, fiscal measures, budget deficit.

About author:

Andrey V. BELOV, Dr. Sc. (Econ.), Professor, Fukui Prefectural University, Japan; Chief Researcher, Saint-Petersburg State University, Russia.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-33-41

ЭКОНОМИКА ИСПАНИИ В УСЛОВИЯХ COVID-19: АНАМНЕЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВОССТАНОВЛЕНИЯ

© 2021 г. К. Никулин

НИКУЛИН Кирилл Андреевич, младший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (nikulin@imemo.ru).

Статья поступила в редакцию 22.09.2020.

В 2019 г. экономика Испании сохранила посткризисные темпы роста второй половины 2010-х годов, хотя они были ниже, чем в среднем за последний период, что было связано с политическими и экономическими факторами. К концу первого квартала 2020 г. в целом позитивные перспективы были подорваны пандемией COVID-19. В статье рассматривается реакция национальной экономики на новый кризис, анализируются меры правительства страны и наднациональных институтов ЕС, а также дается прогноз относительно посткризисного будущего развития страны.

Ключевые слова: Испания, экономический кризис, COVID-19, внешний и внутренний спрос, макроэкономический прогноз, бюджетная политика, безработица, государственная поддержка бизнеса.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-42-49

Пандемия COVID-19 ввела в состояние нокдауна все европейские экономики, но Испания оказалась в особенно затруднительном положении. Нередко оптимистичные прогнозы развития страны, довольно успешно справившейся с последствиями мирового финансового кризиса 2008–2009 гг., сменились на пессимистические. Сценарии посткоронавирусного восстановления претерпевают постоянные изменения из-за волатильности рынков товаров и услуг. Испания заняла первые позиции по распределению “коронавирусных” фондов ЕС, что означает еще большую неопределенность в прогнозировании динамики основных макроэкономических показателей страны ввиду сложностей политического характера при исполнении бюджета. Статья посвящена изучению реакции испанской экономики на коронакризис, дается картина ее развития до и во время антипандемических ограничений, анализируются существующие прогнозы и их обоснованность.

СИТУАЦИЯ ДО ПАНДЕМИИ

Постепенное восстановление было основной тенденцией развития экономики страны в последнее десятилетие. После кризиса 2008–2009 гг. его главными драйверами стали не только крупные испанские транснациональные корпорации, располагающие значительными активами за рубежом, но и экспортно-ориентированные малые и средние предприятия (МСП) [1, 2, 3]. Недостаточность внутреннего спроса во многом компенсировалась успехами на внешнем контуре (рис.). Статистика зафиксировала заметный рост числа компаний-экспортеров и диверсификацию потоков прямых иностранных инвестиций ведущих ТНК Испании.

В 2014–2019 гг. позитивные тенденции стали наблюдаться и на внутреннем рынке. Испания притягивает иностранных инвесторов, поскольку помимо развитой сферы услуг достигла видимых успехов в других отраслях экономики и в последние годы входит в число 15 стран – лидеров по индустриальному развитию [5]. Особенно выделяются производство оборудования для возобновляемых источников энергии (испанская *Iberdrola*), автомобилестроение (заводы *Volkswagen*, *Ford*, *Renault*, *Peugeot-Citroen*, *Mercedes-Benz*, *General Motors*, *Nissan* и др.), строительство (испанские *ACS* и *Acciona*), производство оборудования для инфраструктурных комплексов, зданий и сооружений (испанские *Ferrovial*, *Técnicas Reunidas*), легкая промышленность (испанская *Inditex*) [3, 6]. По данным Евростата, экономика Испании в 2019 г. росла быстрее, чем в большинстве стран еврозоны. До 2019 г. ситуацию характеризовали низкая инфляция, активные инвестиции и растущая занятость населения (более чем на 400 тыс. рабочих мест в год с 2012 г.) (табл. 1).

В 2019 г. Испания продолжала демонстрировать позитивную динамику, хотя и вышла из тренда стабильного прироста ВВП на уровне 3%, что во многом было связано с политическими проблемами. По данным Национального института статистики (*Instituto Nacional de Estadística*, *INE*), основным драйвером экономики в 2019 г. выступил совокупный внутренний спрос (1.4 п.п. прироста ВВП), а внешний обеспечил всего 0.6 п.п. [7].

С 2017 г. рост частного потребления начинает неуклонно ослабевать, несмотря на значительное повышение занятости, а в 2019 г. – минимальной

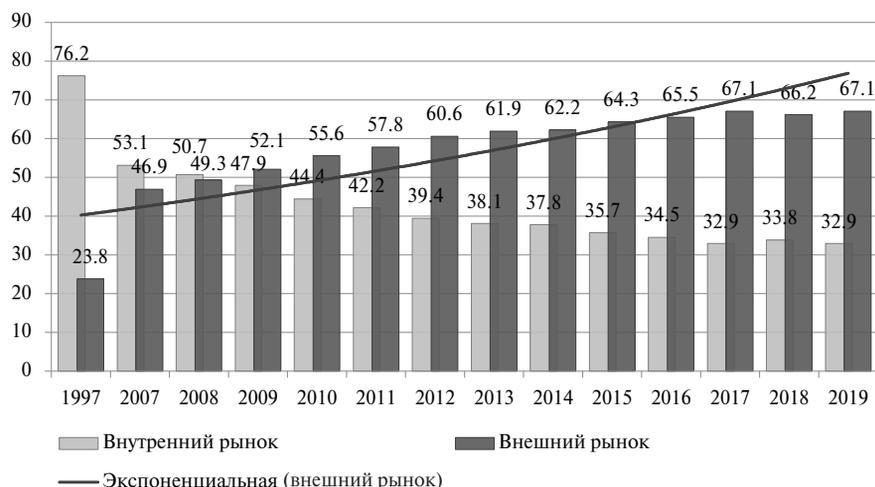

Рис. Доля зарубежных и внутренних поступлений в обороте испанских компаний, входящих в фондовый индекс *IBEX*, %

Источник: [3, 4].

Таблица 1. Основные макроэкономические показатели Испании, 2014–2019 гг.

	2014	2015	2016	2017	2018	2019
ВВП, млрд евро	1032	1077	1114	1162	1202	1244
ВВП, %	1.4	3.8	3.0	2.9	2.4	2.0
Личное потребление, %	3.0	3.0	2.4	3.0	1.8	1.1
Промышленное производство, %	1.2	3.1	1.9	2.9	0.7	0.6
Валовое накопление основного капитала, %	4.1	4.9	2.4	6.8	6.1	2.0
Индекс потребительских цен, %	0.2	0.6	0.3	2.0	1.7	0.8
Уровень безработицы, %	23.7	22.1	19.6	17.2	15.3	14.1
Внешний долг, млрд евро	1033	1070	1185	1144	1173	1188
Бюджетный дефицит, % ВВП	5.9	5.2	4.3	3.0	2.5	2.8
Экспорт товаров, млрд евро	240	250	255	277	293	298
Импорт товаров, млрд евро	266	274	273	302	340	332

Рассчитано автором по: [8, 9].

заработной платы. Такая тенденция предрекает экономике страны более умеренные макроэкономические показатели в течение следующих нескольких лет. Неизбежно сказалась и глобальная неопределенность, снизившая уверенность потенциальных инвесторов как внутри страны, так и за ее пределами.

Структурной проблемой Испании, помимо традиционно высокого уровня безработицы (около 15%), на конец 2019 г. оставалась хрупкость госбюджета. Страна подошла к новому кризису со слабой системой государственных финансов: значительными расходами, все еще высоким бюджетным дефицитом (примерно 2.8% ВВП – Испании понадобилось почти 10 лет, чтобы сократить его до уровня ниже 3%, отвечающего требованиям ЕС) и внешним долгом на уровне 96.5% ВВП, что всего на 5.2 п.п. ниже исторического максимума 2014 г.

Более 90% зарегистрированных в Испании компаний составляют МСП с числом сотрудников менее десяти человек [9], относящихся к наиболее уязвимой перед кризисными явлениями группе занятых. При этом в связи со старением населения, “демографической зимой” и начавшимся сокращением числа занятых дефицитной является и национальная пенсионная система [10, сс. 28-30].

УДАР КОРОНАКРИЗИСА

В 2020 г. Испания, едва вышедшая на стабильные показатели прироста, столкнулась с пандемией *COVID-19*. Быстрое распространение инфекции побудило правительство П. Санчеса объявить режим чрезвычайного положения по всей стране с 14 марта по 21 июня 2020 г. [11], что привело к остановке целых отраслей экономики. Во втором квартале ВВП сократился на 18.5% по сравнению

с первым, что стало худшим показателем в еврозоне (10.1% – в Германии, 12.4 – в Италии и 13.8% – во Франции). Такое падение сопоставимо лишь с событиями гражданской войны 1936–1939 гг. [12]. Даже в период мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. и длительной рецессии вплоть до 2014 г. наихудшие межквартальные показатели составляли лишь 8–9%.

Только с 12 по 31 марта из системы социального страхования Испании вышло почти 900 тыс. человек [13]. Всего за полмесяца рабочие места, созданные за два с половиной года, были утеряны, а темпы роста числа временно уволенных и потерявших работу сотрудников превышали более чем в пять раз аналогичный показатель января 2009 г. Потери рабочих мест и доходов привели к сокращению внутреннего спроса на большинство товаров и услуг. Правительство оказалось вынуждено поддерживать более 3 млн временно уволенных работников¹, потратив на компенсацию их зарплат 8.1 млрд евро с апреля по июнь 2020 г. Правда, необходимо отметить, что отчасти благодаря исправным выплатам к сентябрю 2020 г. их число снизилось до 700 тыс. человек с пикового значения 3.4 млн [13].

Это стало одной из причин скачка государственного долга: на конец июня 2020 г. он приблизился к отметке 110% ВВП по сравнению с 96.5% в конце 2019 г. Бюджетный дефицит в первой половине 2020 г. составил 6.1% ВВП. Произошло резкое падение экспорта и импорта: по состоянию на июль 2020 г. товарооборот с внешним миром сократился примерно на 17% по сравнению с 2019 г. [14].

Основной удар пришелся по туристической отрасли. Согласно данным ОЭСР, до 2019 г. в среднем Испания принимала более 80 млн туристов в год, более высокие показатели только у Франции и США. В первую половину 2020 г. число посетивших страну сократилось почти на 30 млн человек по сравнению с предыдущим годом, поступления от туристического сектора уменьшились на 30 млрд евро. Экономические показатели Балеарских островов и автономного сообщества Валенсия упали более чем на четверть. Операции с недвижимостью в период кризиса оказались практически заморожены.

Испанский финансовый рынок болезненно отреагировал на пандемию. 9 марта 2020 г. ключевой фондовый индекс *IBEX-35* упал на 7.96%, что стало четвертым по размаху однодневным падением в его истории [15]. 12 марта 2020 г. *IBEX-35* рухнул

¹ *ERTE*, *Expediente de Regulación Temporal de Empleo*, или временное увольнение, при котором уволенные сотрудники, согласно испанскому законодательству, продолжают получать 70% (около 600 евро в зависимости от определенных условий и формулы подсчета) от базовой пенсионной ставки, а спустя шесть месяцев – 50%. В феврале 2020 г. минимальная заработная плата была повышена до 950 евро, а в апреле 2020 г. средний уровень пенсий превысил 1008 евро.

еще на 14.06%, что стало рекордным обвалом за все время его существования.

Ситуация на фондовом рынке крайне негативно отразилась на всех отраслях экономики, но особенно сильно на банковском, туристическом секторах, а также страховании. Несмотря на нефинансовую природу кризиса, в 2020 г. банковский сектор просел даже сильнее, чем в 2008–2009 гг. Акции испанских банков, котирующихся на *S&P 500* и *EUROSTOXX*, рухнули с начала пандемии в феврале по июль на 20 и 30% соответственно [16].

Крупнейший банк Испании *Santander* продемонстрировал отрицательную динамику по всем показателям. Чистая прибыль в I кв. 2020 г. рухнула на 82% до 331 млн евро (1.84 млрд евро в аналогичный период 2019 г.). Капитализация за период февраль–апрель 2020 г. упала на 44.2% до 32.72 млрд долл. [17], а цена акции – с 4 долл. в январе до 2 долл. в апреле 2020 г. Ситуация со вторым по величине испанским банком *BBVA* аналогична: с начала пандемии произошло падение цены акции с 5 до 3 долл. У нефтяной компании *Repsol* и лидера в сфере розничной торговли одеждой *Inditex* появились проблемы с поставками, контрактной деятельностью (на шельфе латиноамериканских государств) и общим снижением деловой активности, нарушением цикла продаж.

Наиболее устойчивые позиции (с быстрым восстановлением после первоначального шока и продолжающимися небольшими колебаниями в пределах 1–5 п.п. на фондовом рынке) демонстрируют компании, занятые в области возобновляемых источников энергии (ВИЭ), например испанская ТНК *Iberdrola*. На наш взгляд, эти компании обладают потенциалом для поддержания стабильных экономических показателей и даже экспансии экономической деятельности.

Испания входит в тройку лидеров внутри ЕС по использованию ВИЭ. Согласно докладу испанской энергетической ТНК *Red Eléctrica de España*, в 2018 г. за счет ВИЭ было выработано порядка 37.5% электроэнергии с доминированием ветроэлектростанций (22.6%) и общим энергетическим потенциалом более 50% всей вырабатываемой энергии [18]. Ветрогенераторы уже приносят больше экспортных доходов Испании, чем виноделие.

В программе правящей Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП) уделено особое внимание вопросам реализации “Климатического плана” [19]. Согласно ему, к 2050 г. национальная электроэнергетика должна полностью перейти на ВИЭ, что снизит выбросы парниковых газов на 90% от уровня 1990 г. Промежуточным этапом станет 2030 г., когда доля ВИЭ будет доведена до 74%.

Переход к “зеленой” экономике потребует значительных капиталовложений (примерно 240 млрд евро). Представляется очевидным, что поток “антикоронавирусных” инвестиций должен быть направлен в секторы с наибольшим потенциалом быстрого создания рабочих мест и значительным мультипликационным эффектом в долгосрочной перспективе. Существующие в Испании мощности по развитию “зеленых” технологий могут стать новым корпоративным локомотивом, каковым в конце 1990-х – начале 2000-х годов были банковский и телекоммуникационный секторы.

В краткосрочном плане – как минимум до конца 2020 г. – общемировое падение деловой активности, сбой в глобальных цепочках движения товаров, услуг и капитала значительно подорвали позиции испанского внешнеэкономического сектора. На традиционном для испанских компаний рынке – Латинской Америке – сложилась одна из худших ситуаций в мире. Согласно прогнозу Банка Испании, среди развивающихся государств страны региона могут столкнуться с наибольшим сокращением ВВП и деловой активности в 2020–2021 гг. Помимо коронавируса это обусловлено фундаментальными проблемами: завершением “товарного суперцикла” 2000–2014 гг. (характеризовавшегося высокими темпами роста спроса на сырьевые товары) [20], низкой отраслевой диверсификацией экономик, высокой долей теневого сектора, преимущественно экстенсивным характером экономического роста большинства стран, институциональной нестабильностью и недостаточностью государственных средств для проведения необходимых мероприятий фискальной политики [16].

Таким образом, с началом первого “локдауна” по всему миру резко снизился внешний спрос на производственную и интеллектуальную продукцию испанских компаний. Внутренний спрос, в свою очередь, подвергся сильнейшему со времен демократического транзита удару первой волны пандемии. Возникшая экономическая неопределенность усугубляется повторением весенних событий осенью 2020 г.

МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ

Властями Испании принят целый ряд мер по смягчению социально-экономических последствий пандемии. Для бизнеса установлен комплекс послаблений фискального характера: перенос или отмена налогообложения, субсидирование расходов компаний на оплату труда и пособий по безработице, обеспечение ликвидности предприятий за счет выделения им кредитных линий [16]. Кроме того, Банк Испании и международные агентства, в частности Европейское банковское управление и Базельский комитет по банковскому надзору, предоставили

разъяснения о том, как влияние кризиса в области здравоохранения должно отражаться в финансовой документации учреждений, чтобы избежать нежелательных проциклических последствий [17].

Правительство начало ежемесячные выплаты около 1 млн домохозяйств с низким уровнем дохода. Их получают все граждане в возрасте от 23 до 65 лет, живущие в стране более одного года. Одиноким человек получит 462 евро в месяц. В семье надбавка за каждого члена семьи составит 139 евро, а максимальная выплата – 1015 евро. Также на нее могут претендовать домохозяйства, чей доход ниже 16 614 евро в год. Обратиться за пособием стало возможно с 15 июня 2020 г. [17].

Правда, принятие антикризисных мер серьезно осложняется политическими факторами. Испания все еще не вышла из внутривнутриполитического кризиса 2015–2019 гг. Продолжающееся соперничество левых и правых сил в Генеральных кортесах (парламенте) страны и региональных правительствах не только приводит к замедлению процесса принятия решений по “докризисным” ключевым реформам, например юридической и трудовой [10, 14], но и является основным препятствием для принятия бюджета на 2021 г., который может стать причиной проведения пятых всеобщих выборов за последние пять лет (с 2018 г. в Испании не утверждался бюджет).

В результате лавинообразно нарастающих проблем Испания стала одним из крупнейших реципиентов средств из общеевропейских “антипандемических” фондов. По программе *The Next Generation EU* Испании планируется выделить в общей сложности 140 млрд евро грантовых и кредитных линий в рамках проведения антикризисной налогово-бюджетной политики. Еще 30 млрд евро поступит из фондов структурного развития 2021–2027 гг. Суммарно это составит 170 млрд евро, или 12% ВВП страны [12]. Акцент текущих выплат, согласно документам Еврокомиссии, сделан на развитии ВИЭ, а также дальнейшей цифровизации общества в области здравоохранения, образования, политического управления, мобильных и облачных технологий.

В 1990-х и начале 2000-х годов страна демонстрировала успехи в использовании средств ЕС для реализации крупных инфраструктурных проектов. Национальная сеть высокоскоростных железных дорог *AVE* – сегодня вторая в мире по протяженности после Китая. Однако в последующий период эффективность освоения этих поступлений испанским правительством снизилась [14]. На конец 2019 г. Испания исполнила лишь 30% выделенного Евросоюзом бюджета на 2014–2020 гг., что намного ниже среднего показателя по ЕС (40%).

Перечисленные обстоятельства вынуждают Мадрид проявлять крайнюю осмотрительность при выполнении назначенных ЕС планов. За последние 40 лет враждующие в области социальной политики Народная партия и ИСРП провели более 50 реформ рынка труда, однако безработица в Испании никогда не опускалась ниже 7% [21].

Перед левым коалиционным правительством П. Санчеса стоит ряд беспрецедентных задач, сопоставимых с реформами периода демократического транзита. Необходимо не только нащупать адекватный современной ситуации экономический курс, но и договориться с враждебно настроенными правыми и ультраправой *Vox*, а также сепаратистскими региональными партиями, обеспечивающими простое большинство текущему коалиционному правительству. Наконец, нужно распределить полученные средства между 17 администрациями автономных сообществ страны, что отнюдь не просто. Однако если задачи, поставленные в рамках реализации европейских грантов и кредитных линий, будут выполнены с учетом национальной экономической специфики, Испания имеет шанс обрести политическую и экономическую стабильность, невиданную в последние 12 лет. В рамках реализации поставленных задач правительство П. Санчеса должно было отправить в Брюссель в октябре 2020 г. программу внутренних реформ и план по освоению 70% предоставленных денежных средств в 2021 и 2022 гг. с финальной версией плана восстановления экономики к марту 2021 г.

КРАТКОСРОЧНЫЕ СЦЕНАРИИ

В апреле 2020 г. Банк Испании опубликовал несколько сценариев спада экономики до 2021 г. в за-

висимости от продолжительности самоизоляции и темпов восстановления экономики (табл. 2):

1) полное восстановление экономической активности с некоторыми исключениями после восьми недель изоляции при условии эффективных мер по предотвращению безработицы и закрытия компаний (китайский сценарий);

2) полное восстановление деловой активности к четвертому кварталу 2020 г. в условиях определенных трудностей с ликвидностью и платежеспособностью испанских компаний (на основе конфиденциальных данных нефинансовых компаний, которыми располагает Банк Испании);

3) неполное восстановление деловой активности к концу года (особенно в сфере гостиничного, ресторанного бизнеса и туристической отрасли) при существенных трудностях с ликвидностью и платежеспособностью испанских компаний.

Предварительный прогноз Банка Испании в первом и втором сценариях содержал более позитивные показатели (сокращение ВВП на 6.6 и 8.7% соответственно), а третий сценарий подразумевал сокращение на 13.6%. В мае 2020 г. Банк Испании скорректировал прогноз, предварительно оценив падение ВВП по итогам года на уровне 12.4%.

Обобщая результаты различных прогнозов, можно предположить, что к концу 2020 г. экономика Испании в полной мере ощутит кризис, а «допандемические» показатели восстановятся не ранее чем к концу 2021 – началу 2022 г. в умеренном сценарии и еще позднее в третьем (наиболее негативном) сценарии.

Синтез весенних прогнозов с небольшими исправлениями был опубликован в июльском про-

Таблица 2. Макроэкономические сценарии для испанской экономики после кризиса *COVID-19*, % к предыдущему году

Основные показатели	2020				2021			
	Прогноз от 19.12.2019	Сценарий			Прогноз от 19.12.2019	Сценарий		
		8 недель	8 недель	12 недель		8 недель	8 недель	12 недель
ВВП	1.7	-6.8	-9.5	-12.4	1.6	5.5	6.1	8.5
Потребительские расходы	1.5	-6.8	-9.3	-11.9	1.4	3.9	3.4	5.2
Гармонизированный индекс потребительских цен, уровень в %	0.8	-0.1	-0.2	-0.2	1.0	1.2	1.3	1.4
Инвестиции в машины и оборудование	2.2	-33.3	-44.2	-57.4	2.3	4.9	20.5	42.6
Инвестиции в здания и сооружения	2.3	-6.9	-10.1	-13.0	2.2	3.8	4.3	6.3
Экспорт товаров и услуг	2.6	-13.2	-16.4	-19.0	3.1	19.0	18.7	22.2
Импорт товаров и услуг	21	-14.5	-18.4	-22.4	3.2	12.7	12.1	15.5
Уровень безработицы, % в год	13.7	18.3	20.6	21.7	13.2	17.5	19.1	19.9
Бюджетный дефицит, % к ВВП	-2.2	-7.2	-8.9	-11.0	-1.9	-5.2	-6.5	-7.4
Государственный долг, % годового ВВП	96.0	109.9	115.3	122.3	95.2	109.4	114.5	120.3

Рассчитано автором по: [22].

гнозе Банка Испании на 2020–2022 гг. [16]. В нем подтверждено, что в любом случае основное падение ВВП придется прежде всего на первый квартал 2020 г., а некоторое восстановление последует во втором квартале, что, в частности, будет отражать осуществление потребительских и инвестиционных решений, которые домашние хозяйства и предприятия откладывали на время режима самоизоляции. В 2021 и 2022 гг. отскок вверх ключевых макроэкономических показателей ожидается при любом из сценариев (например, в 2021 г. темпы роста ВВП составят от 6.9 до 9.1%).

Кроме того, в июльском прогнозе сценарии разделены уже не по принципу длительности карантинных ограничений, а по динамике восстановления мировой и национальной экономик: были выделены “раннее”, “постепенное” и “медленное” восстановление. Худший вариант подразумевает возможность не поддающегося контролю развития эпидемиологической ситуации с повторением интенсивных эпизодов новых случаев заражения, что потребует новых ограничений. В таком случае в 2020 г. ВВП упадет на 15.1%, инфляция составит –0.3%, а безработица возрастет до 23.6%.

Что касается более умеренных сценариев, специалисты Банка рассмотрели целый спектр макроэкономических показателей. Так, личное потребление в 2020 г. испытает резкое снижение (будет колебаться между 9.1 и 11.2%) как следствие негативного влияния падения занятости на доходы населения (которые лишь частично можно компенсировать государственными расходами). Особенно заметно снизится потребление товаров длительного пользования и услуг, за исключением нематериальных активов, приобретаемых онлайн. В итоге внутренний спрос снизится на 8.5–10.8% в 2020 г., а восстановиться может лишь к концу 2021 – началу 2022 г.

Валовые вложения в основной капитал резко упадут при любом из сценариев. Особенно это затронет недвижимость и оборудование в связи с низкой степенью использования производственных мощностей, сокращением конечного спроса и экономической неопределенностью.

Что касается инфляции, то, согласно ежемесячным данным испанского гармонизированного индекса потребительских цен (*IACP*), с начала пандемии наблюдается замедление темпов роста цен. Хотя, с одной стороны, в связи с ростом спроса и затрат на логистику подорожали продукты питания, с другой стороны, значительно упал спрос на остальные товары и услуги, что обусловило их удешевление. Снижению базового показателя инфляции сильно помогло падение цен на энергоносители, в частности обвал фьючерсных котировок нефти. В целом инфляционные риски в связи с коронакризисом оцениваются как невысокие. В то же

время нет опасений и по поводу развития дефляционной спирали.

Резкое сокращение внешнего спроса приведет к серьезному снижению экспорта товаров и услуг (от 16.7 до 21.9%) из Испании. Особенно пострадают туристический и транспортный секторы, поскольку антипандемические ограничения на мобильность граждан означают сокращение международного авиасообщения и практически полное закрытие сухопутных границ. Акции международного авиационного холдинга *IAG*, образованного после слияния *British Airways* и *Iberia* в 2011 г., упали на Лондонской бирже с марта 2020 г. более чем в три раза – с 620 *GBX* (так называемое пеннио стерлинговое) до 163 *GBX* (3 августа 2020 г.). По оценке аналитиков, основным фактором, препятствующим быстрому восстановлению туристических потоков, станет асинхронность установления и снятия карантинных мер в разных странах мира.

В зависимости от сценария уровень безработицы может достичь в 2020 г. 18.1%, 19.6 и 23.6% рабочей силы. Тем не менее, согласно отчету *INE*, на 1 июля 2020 г. безработица в стране составляла 15.3%. Это лучше краткосрочных прогнозов Банка Испании и указывает на результативность мер фискальной политики, предпринятых правительством. Аналогично в 2020 г. дефицит государственного бюджета может составить 7.2%, 8.9 или 11% ВВП. Госдолг достигнет примерно 110%, 115 или 122% ВВП и продолжит увеличиваться в последующие годы.

* * *

Произошедшее в 2020 г. снижение ВВП и общего уровня деловой активности не имеет прецедентов со времен демократического транзита в Испании. Прогноз по падению ВВП как минимум на 12.4% выглядит реалистичным. В то же время летние данные по безработице показали довольно быстрое оздоровление рынка труда после мартовского шока. Важно отметить, что, хотя бюджетные расходы неуклонно растут, нет данных об оздоровлении компаний, получивших государственные ассигнования.

Внешнеэкономический сектор страны, скомпенсировавший провал внутреннего во время предыдущего мирового финансового кризиса, в 2020 г. сильно пострадал из-за нарушений глобальных цепочек движения товаров, услуг и финансов. Оздоровление мировой экономики после появления антикоронавирусных вакцин и восстановление глобальных цепочек, согласно прогнозу Банка Испании, могут обеспечить восстановление роста ВВП Испании в 2021 г. на уровне 6–8%.

Полноценное восстановление испанской экономики потребует выполнения множества сложнейших задач. Испании, в последние 30 лет вложившей мно-

го сил в интернационализацию своей экономики, придется активно включиться в защиту глобальной бизнес-модели, основанной на многосторонних правилах и свободной конкуренции. Разумное распределение колоссального объема грантов и кредитов, выделенных из фондов ЕС, в наиболее перспективные и пострадавшие отрасли может способствовать преодолению существующих экономических дисбалансов. Особого внимания заслуживают реформирование туристического сектора, цифровизация всех отраслей, максимальная поддержка развития ВИЭ и “зеленой” энергетики. Правительству предстоит проанализировать эффективность мер государственной поддержки компаний в кризисных условиях, а также обеспечить оперативное функционирование всего административного аппарата страны.

Однако все еще неясно, как в условиях ожесточенной межпартийной борьбы коалиционное правительство сможет исполнять госбюджет. Если левым и правым силам не удастся найти точки соприкосновения по ключевым вопросам, у Мадрида практически не будет экономических и политических рычагов для вывода страны из текущего кризиса и предотвращения затяжной рецессии.

Статья опубликована в рамках проекта “Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество” по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Никулин К.А. Торгово-экономическое партнерство Испании и Латинской Америки. *Современная Европа*, 2020, № 3 (96), сс. 170-180. [Nikulín K.A. Torgovo-ekonomicheskoe partnerstvo Ispanii i Latinskoi Ameriki [Trade and economic partnership between Spain and Latin America]. *Contemporary Europe*, 2020, no. 3 (96), pp. 170-180.] DOI: 10.15211/soveurope32020170180
2. Кузнецов А.В. Феномен испанских прямых инвестиций за рубежом. *Современная Испания: проблемы и решения. Коллективная монография*. Под общ. ред. Кузнецова А.В. Москва, ИМЭМО РАН, 2018, сс. 21-28. [Kuznetsov A.V. Fenomen ispanskikh pryamykh investitsii za rubezhom [The phenomenon of Spanish direct investment abroad]. *Sovremennaya Ispaniya: problemy i resheniya. Kollektivnaya monografiya* [Modern Spain: problems and solutions. Collective monograph]. Kuznetsov A.V., ed. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 21-28.] DOI: 10.20542/978-5-9535-0549-9
3. Chislett W. *A New Course for Spain: Beyond the Crisis*. Madrid, Real Instituto Elcano Publicaciones, 2016. 204 p.
4. *Informe Anual 2019*. Madrid, Bolsas y mercados españoles, 2020. Available at: <https://www.bolsasymercados.es/esp/Estudios-Publicaciones/Estadísticas> (accessed 15.08.2020).
5. Industrialización, valor agregado – ranking de países. *IndexMundi*, 2020. Available at: <https://www.indexmundi.com/es/datos/indicadores/NV.IND.MANF.CD/rankings> (accessed 17.07.2020).
6. Яковлев П.П. Испания в глобальной экономике: внешние факторы внутренних трансформаций. *Современная Испания: проблемы и решения. Коллективная монография*. Под общ. ред. Кузнецова А.В. Москва, ИМЭМО РАН, 2018, сс. 6-21. [Yakovlev P.P. Ispaniya v global'noi ekonomike: vneshnie faktory vnutrennikh transformatsii [Spain in the global economy: external factors of internal transformations]. *Sovremennaya Ispaniya: problemy i resheniya. Kollektivnaya monografiya* [Modern Spain: problems and solutions. Collective monograph]. Kuznetsov A.V., ed. Moscow, IMEMO, 2018, pp. 6-21.] DOI: 10.20542/978-5-9535-0549-9
7. *Contabilidad nacional anual de España: principales agregados 2017–2019*. Madrid, Instituto Nacional de Estadística, 15.09.2020. Available at: https://www.ine.es/prensa/cna_pa_2019.pdf (accessed 20.09.2020).
8. *Boletín semanal de coyuntura económica*. Madrid, Ministerio de Asuntos Económicos y Transformación Digital, Dirección General de Análisis Macroeconómico, 04.09.2020. 12 p.
9. *España: economía y demografía*. Madrid, Expansión, 2020. Available at: <https://datosmacro.expansion.com/paises/espana> (accessed 20.07.2020).
10. Яковлев П.П. *Эффект COVID-19: Испания перед вызовами коронакризиса*. [Yakovlev P.P. *Effekt COVID-19: Ispaniya pered vyzovami koronakrizisa*] Available at: http://www.perspektivy.info/upload/iblock/101/2_2020-_1_22_37.pdf (accessed 08.07.2020).
11. Estado de alarma. *La Moncloa*, 2020. Available at: <https://www.lamoncloa.gob.es/covid-19/Paginas/estado-de-alarma.aspx> (accessed 01.08.2020).
12. Chislett W. *The Challenge for Spain to Use the EU's Pandemic Recovery Fund Wisely*. Madrid, Real Instituto Elcano Publicaciones, 2020. 11 p.
13. España ha perdido 900.000 empleos desde el inicio del estado de alarma. *CincoDías, El País Economía*, 02.04.2020. Available at: https://cincodias.elpais.com/cincodias/2020/04/02/economia/1585808404_052531.html (accessed 01.08.2020).
14. Chislett W. *Inside Spain (20 July – 22 September)*. Madrid, Real Instituto Elcano Publicaciones, 2020. 18 p.
15. Plunging Stocks, Remote Work. The Economic Effects of the Coronavirus in Spain. Madrid, *El País*, 2020. Available at: https://english.elpais.com/economy_and_business/2020-03-10/plunging-stocks-remote-work-the-economic-effects-of-the-coronavirus-in-spain.html (accessed 10.08.2020).
16. *Boletín estadístico*. Madrid, Banco de España, Eurosistema, 2020. 469 p.

17. Малашенко Т.И. Особенности социально-экономической политики Испании в период борьбы с пандемией COVID-19. *Экономические и социально-гуманитарные исследования, экономика инновационного развития: теория и практика*, 2020, № 2 (26), сс. 43-51. [Malashenko T.I. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskoi politiki Ispanii v period bor'by s pandemiei COVID-19 [Features of the socio-economic policy of Spain during the fight against the COVID-19 pandemic]. *Ekonomicheskie i sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya, ekonomika innovatsionnogo razvitiya: teoriya i praktika*, 2020, no. 2 (26), pp. 43-51.] DOI: 10.24151/2409-1073-2020-2-43-51
18. *Las energías renovables en el sistema eléctrico español 2019*. Madrid, Red Eléctrica de España, 2019. Available at: <https://www.ree.es/es/datos/publicaciones/informe-de-energias-renovables/informe-2019> (accessed 10.08.2020).
19. *Programa electoral PSOE*. Madrid, Elecciones Generales-2019. 300 p.
20. Тайар В.М. Европейский союз и Латинская Америка: Межрегиональное экономическое взаимодействие в XXI веке. *Актуальные проблемы Европы*, 2018, № 3, сс. 23-43. [Taiar V.M. Evropeiskii soyuz i Latinskaya Amerika: mezhregional'noe ekonomicheskoe vzaimodeistvie v XXI veke [European Union and Latin America: interregional economic interaction in the 21st century]. *Urgent problems of Europe*, 2018, no. 3, pp. 23-43.]
21. Верников В.Л., отв. ред. *Испания в меняющемся мире*. Москва, Институт Европы РАН, 2017. 76 с. [Vernikov V.L., ed. *Ispaniya v menayushchemsya mire* [Spain in a changing world]. Moscow, Institute of Europe, 2017. 76 p.]
22. *Boletín económico. Escenarios macroeconómicos de referencia para la economía Española tras el COVID-19*. Madrid, Banco de España, Eurosistema, 2020. 35 p.

SPANISH ECONOMY UNDER COVID-19: ANAMNESIS AND PROSPECTS FOR RECOVERY

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 42-49)

Received 22.09.2020.

Kirill A. NIKULIN (nikulin@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared within the project "Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation" supported by the grant from Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

In 2019, Spanish economy maintained the post-crisis growth rates of the 2010s' second half, although they were slightly lower than the average for the last period due to both, political and economic factors. The political uncertainty fueled by the necessity in holding four general elections in 2018–2019 has slowed down the search for consensus on reforming the country's financial system. The decline in domestic demand reflected the evolution of personal consumption and investment, while the contribution of external demand was attributable to a slowdown in imports and slightly stronger exports. Low inflation and almost zero interest rates in banks also provided a favorable situation. By the end of the first quarter of 2020, the generally positive economic outlook was largely undermined by the global economic crisis caused by the COVID-19 pandemic which affected humanity in all socio-economic aspects. In the short term, the decline in Spain's GDP and overall business activity is unprecedented since the country's democratic transition that started on 20 November 1975. Even the vibrant Spanish foreign economic sector was tied: both external and internal demand for almost any economy in the world was in an equal crisis state with the start of the pandemic. Many factors analyzed point to a more precarious position in Spain compared to other countries. The Bank of Spain expects the Spanish GDP to fall by double digits in 2020 and it looks like the most realistic scenario. The article analyzes the economic situation in Spain by the beginning of the COVID-19 pandemic, examines the reaction of the national economy to the coronavirus, the individual measures of the Spanish government and the supranational institutions of the EU to combat the pandemic are analyzed, as well as a forecast regarding the post-crisis future of the country's economy is given.

Keywords: Spain, economic crisis, COVID-19, external and internal demand, macroeconomic forecast, fiscal policy, unemployment, government support for business.

About author:

Kirill A. NIKULIN, Junior Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-42-49

БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЕ КОНФЛИКТЫ СЕГОДНЯ: МЕЖДУ РЕЛИГИЕЙ И ГЕОПОЛИТИКОЙ

© 2021 г. А. Шумилин

ШУМИЛИН Александр Иванович, доктор политических наук,
Институт Европы РАН, РФ, 125009 Москва, ул. Моховая, 11, стр. 3 (mideast@bk.ru).

Статья поступила в редакцию 15.08.2020.

В статье сделана попытка анализа генезиса конфликтов на Ближнем Востоке, трансформации их природы за последние два десятилетия. Если с середины XX столетия цепь основных кризисных ситуаций в регионе замыкалась на противостоянии арабских стран и Израиля, то теперь очевидно другое: утвердившиеся к концу второго десятилетия XXI в. региональные центры силы (Иран, Турция, Саудовская Аравия) противостоят друг другу в контексте геополитического соперничества, а также противоречий, связанных с общей для них религией — исламом. Сегодня основные конфликты там развиваются в плоскости внутрисламского противостояния — как между суннитами и шиитами, так и в самом суннитском сообществе. Преобразование в июле 2020 г. храма-музея Святой Софии в Стамбуле в мечеть становится символом расставания Турции с наследием Ататюрка, проявлением новой политической идентификации этого государства как важного центра исламского мира.

Ключевые слова: ближневосточные конфликты, Сирия, Ливия, Турция, Израиль, Саудовская Аравия, Исламская республика Иран (ИРИ), Персидская империя, османизм.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60

За последние два десятилетия число конфликтов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки возросло многократно. Эксперты Университета Гейдельберга в Германии приводят следующие данные за период с 2005 по 2019 г.: количество столкновений с применением силы в регионе увеличилось с 7 до 22 (с пиковым показателем 38 в 2012 г.), а число войн возросло с 1 до 8 [1]. Большая их часть укладывается в следующие основные категории: гражданская война (Ливия, Сирия, Йемен), борьба властей с террористическими группировками (Египет, Ирак), последствия суннитско-шиитского противостояния как внутри отдельных стран (в виде вспышек массовых беспорядков в Ираке и Ливане или гражданской войны в Йемене и Сирии), так и между арабо-суннитским блоком государств¹ и Ираном. В ряде случаев наблюдается переплетение различных конфликтных линий, в частности гражданская война и суннитско-шиитское противостояние (Сирия, Йемен).

На этом фоне уже как архаика воспринимается словосочетание “арабо-израильский конфликт”. Между тем в период холодной войны именно противостояние между арабами и израильтянами было главной линией напряжения в регионе и, по сути, синонимом понятия “ближневосточный конфликт” в целом (в духе светской концепции “борьбы двух национализмов” или религиозного нарратива “мусульмане против иудеев”). Сегодня это

¹ Наиболее активно взаимодействуют друг с другом Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет. Их можно считать ядром арабо-суннитского блока.

противоборство сведено в основном к противостоянию между Израилем и Палестинской автономией в контексте поиска окончательной формулы палестинской государственности. *К категории же “ближневосточного конфликта” в современном понимании справедливо относить ситуации выплеска внутривосточного противостояния в той или иной стране, повлекшего за собой столкновение интересов и существенную вовлеченность других региональных государств.* В некоторых случаях вовлекаются государства и за пределами региона (как, например, Россия в Сирии).

“НОВАЯ ХОЛОДНАЯ АРАБСКАЯ ВОЙНА”

Сегодня мы наблюдаем существенное возрастание эффекта религиозной составляющей в стратегиях ведущих региональных игроков — Ирана, Турции и Саудовской Аравии. Население там в своем подавляющем большинстве исповедует ислам, но придерживается различных трактовок не самого Корана, священной для всех мусульман книги, а традиций, сформировавшихся уже после смерти Пророка Мухаммеда. К тому же в этих странах по-разному сложились отношения между властью (государством) и религией. В целом в регионе продолжает обостряться противостояние между суннитами и шиитами, а в последнее время и внутри суннитского пространства; сохраняется влияние негосударственных акторов, возрождающих вековые стереотипы внутрисламской розни в их радикальных формах (например, запрещенная

в России террористическая группировка суннитов “Исламское государство” и шиитская “Хизбалла”).

Феномен усиления влияния религиозного фактора (*sectarianism*) как на повседневную жизнь граждан, так и на политику государств Большого Ближнего Востока многие исследователи часто связывают с последствиями двух событий: первое – вторжение США в Ирак в 2003 г., что привело к подрыву подерживавшегося С. Хусейном с помощью силы баланса между суннитами и шиитами в стране и открыло возможности для наращивания там влияния Ирана на шиитское население; второе – потрясения “арабской весны”, повлекшие дестабилизацию ряда арабских стран и легализацию ранее запрещенных исламистских движений.

Это утверждение в целом справедливо, но, на наш взгляд, данные события следует отнести ко второй волне “военно-политического цунами”, снесшего преграды, которые сдерживали выплеск религиозной энергии в арабских странах. Первая же волна была вызвана намного раньше двумя другими тектоническими сдвигами – исламской революцией в Иране в 1979 г. и окончанием холодной войны, крушением СССР в 1990–1991 гг.

В результате революции появился классический исламистский режим в регионе, что спровоцировало обострение векового противостояния по линии суннизм–шиизм. Развал же СССР возымел двойной эффект на Ближневосточный регион: первое – он окончательно скомпрометировал и без того уже по факту провалившиеся эксперименты с построением “арабского социализма” в ряде стран; второе – исчез военно-политический фактор в лице Москвы, который до того активно поддерживал “антиизраильскую мобилизацию” арабских элит в целом и просоветских режимов, в особенности Сирию, Ирак, Египет до 1979 г., Алжир, Ливию. В первом случае возникший идеологический вакуум быстро заполнился “религиозным ренессансом” (особенно ярко это проявилось в Алжире в 1989–1990 гг.), а во втором – начало ослабевать и размываться фокусирование арабских элит и “улицы” на борьбе с “сионистским врагом”, которая многие десятилетия была одним из важнейших элементов политической идентификации этих режимов во внутренней и региональной политике. В результате востребованными оказались другие элементы идентификации, самым значимым среди которых становился ислам. В этой связи ряд западных аналитиков обоснованно предвидел, что после “арабской весны” основная линия водораздела в арабском мире будет проходить “не между светскими и религиозными силами, а между самими исламистами” [2, р. 16].

В данной статье речь идет о практике использования религиозного фактора элитами мусульманских стран региона во внутренней и внешней политике.

Известный британский ученый Р. Хиннебуш называет его *Instrumentalized Sectarianism*, определяя это явление как “политизацию религиозных различий в инструментальных целях, в частности для мобилизации последователей какого-либо религиозного направления в условиях соперничества между государствами, а также отдельными акторами (политиками и бизнесменами. – А.Ш.) с целью расширения базы политической и деловой поддержки” [3, р. 123]. Обращение же арабских монархий вслед за Ираном к “инструментализации религиозного фактора” становится главной видимой характеристикой нового расклада сил в регионе, углубления его раскола в начале XXI столетия на два лагеря по традиционной для ислама линии размежевания – сунниты vs шииты. Речь идет о появлении *суннитского* (прозападного) “умеренного блока” (Саудовская Аравия/арабские монархии Залива, Иордания, Египет) и так называемой *прошиитской* “Оси сопротивления” (Иран, Сирия, “Хизбалла”, ХАМАС)². Упомянутый Р. Хиннебуш называет сложившуюся ситуацию “новой арабской холодной войной”. Она выражается главным образом в соперничестве протагонистов средствами “мягкой силы”. «Умеренный блок обозначал проблему как вмешательство шиитского Ирана в дела арабских стран против интересов суннитов, а участники “Оси” представляли себя оплотом борьбы против угроз со стороны Израиля и США, изображая суннитские режимы коллаборантами противников арабов. И в этой схватке “Ось”, похоже, набирала больше очков на арабской улице за счет успешного навязывания нарратива сопротивления», – пишет Р. Хиннебуш [3, р. 141].

Турция долгое время оставалась в стороне от суннитско-шиитского противостояния, придерживаясь принципа светскости и линии на “нулевую конфликтность” в отношениях со своими соседями [4]. Внутренняя динамика (в частности, попытка госпереворота в июле 2016 г.), осложнение отношений с Западом на фоне углублявшегося кризиса в Сирии – все это резко повысило значимость религиозного фактора в принятии решений в Анкаре: окружение Эрдогана перестало рассчитывать на своих западных партнеров (в частности, на НАТО), взяв заботу о безопасности в “собственные руки”. Новая политика Турции проявилась в ряде проведенных ею самостоятельных военных операций в Сирии, Ираке и Ливии, что усилило напряженность в ее отношениях с Ираном, с одной стороны, и (особенно) со странами арабо-суннитского блока, с другой.

В предлагаемом анализе особое место занимают стратегии Ирана и Турции, которые своим пря-

² Многие аналитики относили к шиитской “оси” еще и суннитскую группировку ХАМАС, поскольку та в нулевые годы была на содержании Ирана.

мым или опосредованным вмешательством в конфликтные ситуации преследуют цель не только создать “зоны безопасности” вблизи своих границ (Турция — на территории Сирии и Ирака, Иран — в Ираке), но и обеспечить преобладающее влияние на более широком пространстве в регионе, прибегая к историческим аллюзиям (“неоосманнизм” в Турции, “шиитский полумесяц” и “Персидская империя” в Иране). Реализация этих экспансионистских (неоимперских) идеологий и стратегий Анкары и Тегерана побуждает элиты арабо-суннитского блока к наращиванию мер противодействия им. Именно это происходит в Сирии, Ливии и Йемене, где стороны тем не менее избегают прямого военного столкновения. В результате противостояние между суннитами и шиитами, а также внутри суннитского сегмента (между арабо-суннитским блоком и Турцией) правомерно определять сегодня в терминах холодной войны.

Особенности этого феномена известный американский исследователь Грегори Госс описывает так: «Мощь протагонистов в “Арабской холодной войне” измерялась их способностью воздействовать на внутривнутриполитическое противоборство в соседних странах, где ослабленные режимы с трудом контролировали общества, а локальные игроки искали поддержки (более сильных. — А.Ш.) союзников в регионе в борьбе против их внутренних оппонентов. Резко возросла значимость негосударственных акторов. “Схватка за Сирию” оказалась ключевым элементом в этой модели. “Новая арабская холодная война” в точности воспроизводит перечисленные характеристики» [5, р. 1].

КОНТУРЫ ПЕРСИДСКОЙ ИМПЕРИИ

Первые признаки новых параметров ситуации на Ближнем Востоке и ее качественной трансформации появляются вскоре после (и как прямой результат) победы Исламской революции в Иране в 1979 г. В регионе возникает первый исламистский режим, основанный на феномене соединения религии и политики (а именно на доктрине *velayat-e faqih*, которая предполагает концентрацию политической власти в руках духовенства)³.

Изначально сама идея этой революции преподносилась аятоллами не как призыв к доминированию шиитской версии ислама над суннитской, а как

³ “Велаят-е-факих” — теория религиозного права шиитов (фикх), согласно которой в ожидании прихода Имама аль-Махди функции правителя уммы осуществляет факих, знаток религиозного права. Эту теорию адаптировал к условиям Ирана аятолла Р. Хомейни в своей книге “Велаят-е-факих” (1970), в которой обосновал нелегитимность монархии в Иране и необходимость перехода к исламскому правлению. См. подробнее: *Вилаят аль-факих. Исламская революция — Вчера. Сегодня. Завтра*, 18.01.2020. Available at: <https://iran1979.ru/vilayat/>

призыв к “торжеству справедливости”, как начало процесса преобразования всего мусульманского мира. “Лидеры иранского режима утверждали, что их революция — не просто историческое событие, которое завершилось в 1979 г., а набор ценностей, восприятий, концепций, высказываний и значений, важных для социальной и политической сфер жизни, которые генерируют новые модели поведения и новое мировоззрение”, — пишет авторитетный исследователь идеологии и практики иранской революции Дженнифер Милликен [6].

Одним из важнейших средств обеспечения “преобразований великого мира Ислама” стала концепция экспорта революции, которая базируется на интерпретации происшедшего в Иране после 1979 г. “как перманентного процесса, который неизбежно направлен одновременно вовнутрь (Ирана. — А.Ш.) и вовне, а потому не ограничивается пределами одной страны” [7]. Успешное продвижение революции считалось аятоллами возможным только в контексте противостояния трем главным противникам в регионе, составляющим единую “Арабо-(суннитскую)-Сионистско-Западную ось” “(*Sunni*) *Arab-Zionist-Western axis*” — *mehvar arabi-hebri-gharbi*) [8]. То есть своими главными врагами аятоллы называли (в порядке значимости) элиты суннитских монархий, Израиль и его “пособников” в регионе (в частности, Египет) и страны Запада во главе с США (“Большой Сатана”). СССР определялся в качестве менее значимого противника — “Малым Сатаной”.

После смерти рахбара (верховного правителя) Р. Хомейни в 1989 г. в руководстве ИРИ развернулись дискуссии, в ходе которых взяла верх точка зрения, отражавшая признание неэффективности и, по сути, провала проводившейся политики экспорта революции: противники ИРИ смогли добиться сокращения ее влияния практически во всех арабских странах с шиитскими общинами (кроме Сирии и Ливана) [9, р. 4]. В условиях явного преобладания суннитских монархий (после международной операции “Буря в пустыне” в 1991 г. и ужесточения администрацией Б. Клинтона политики сдерживания Ирана) в Тегеране было принято решение отказаться от тактики “распространения революции по всему фронту”, чтобы сосредоточиться на прямой силовой и материальной поддержке легальных проиранских организаций (в частности, “Хизбаллы” в Ливане) и подпольных (в основном диверсионных) группировок в арабских странах, рассматриваемых в качестве противника (в частности, на Бахрейне, в Саудовской Аравии и других монархиях Персидского залива) [10]. С этой целью в конце 80-х годов прошлого века при Корпусе стражей исламской революции (КСИР) сформировано элитное подразделение под названием “Аль-Кудс” (“Иерусалим”), подчиненное непо-

средственно рахбару. Помимо Ливана в поле своей приоритетной деятельности Тегеран включает Ирак, где развертывает инфраструктуру противодействия западному присутствию в этой стране после свержения режима С. Хусейна в 2003 г. Опорой инфраструктуры становится подконтрольная Ирану военизированная группировка “Народные силы мобилизации” (*Popular Mobilisation Units, PMU*). С началом же “арабской весны” (2011 г.) наблюдается оживление активности “Аль-Кудс” практически во всех арабских странах с шиитскими общинами, охваченных беспорядками различной степени интенсивности (Бахрейн, Йемен, Саудовская Аравия, Кувейт, Ирак, Сирия). Арабские монархии во главе с Саудовской Аравией мобилизуют свой военный потенциал для подавления восстаний шиитов, полагая, что за ними стоит Иран: в марте 2011 г. они вводят ограниченный контингент войск на Бахрейн, а в феврале 2015 г. начинают боевые действия против хуситов (местных шиитов) в Йемене.

Феномен “арабской весны” рассматривался в Тегеране как продолжение исламской революции в Иране и в целом поддерживался аятоллами. Это понятно, поскольку цепь потрясений начала основательно менять политический ландшафт Ближнего Востока — как в арабском мире, так и, надеялись в Тегеране, вокруг Израиля через восстановление прежней остроты арабо-израильского противостояния. Формально, однако, иранское руководство игнорировало электоральные успехи светских политических сил, подчеркнуто приветствуя появление в обновлявшихся органах власти Туниса, Ливии, Египта и Йемена представителей религиозных (исламистских) группировок. Этот процесс в Иране предпочитали определять термином “Исламское пробуждение” [11]. Как правило, это были организации, связанные с ассоциацией “Братья-мусульмане”. С ними иранские стратеги начали укреплять контакты, несмотря на доктринальные различия. Авторитетный иранский исследователь Садег Зибакалам публично обратил внимание властей на то, что «умеренные исламисты в арабских странах (“Братья-мусульмане”. — А.Ш.) не настроены ни против Запада, ни против США, ни даже против Израиля... Они скорее приближаются к *турецкой модели исламизма, чем к иранской*» [12]. Тем не менее руководство Ирана рассматривало эту организацию как силу, способную подорвать статус-кво в регионе, и прежде всего на Аравийском полуострове [2, р. 19]. В 2014 г. был организован “секретный саммит” на территории Турции, в ходе которого высокопоставленные представители “братьев” и иранской “Аль-Кудс” договорились об объединении усилий в борьбе с Саудовской Аравией, в частности, на территории Йемена [13].

Сами монархии уже несколько десятилетий преследуют сторонников “братьев”, видя в них угрозу стабильности своих политических режимов. *Суть проблемы в том, что доктрина “Братьев-мусульман” предполагает создание государства на основе “базовых принципов ислама”, а именно слияния религии и политики* (как, заметим, это происходит в Иране) *и избираемости органов представительной власти и правителя* (в Иране исполнительная власть и парламент избираются населением). *Это идет вразрез с укоренившейся в монархиях практикой наследственной передачи власти и разделения политики и религии* [14].

Региональная стратегия Ирана основана на трех базовых составляющих: 1) защита единоверцев-шиитов в арабских странах; 2) “мусульманская солидарность” как формальный лозунг, подкрепленный реальным альянсом с суннитскими группировками, ассоциированными с “Братями-мусульманами”; 3) расширение зоны влияния Исламской республики в регионе с учетом возможностей налаживания устойчивой инфраструктуры наземных и воздушных коммуникаций между Ираном и контролируемыми им территориями (иными словами, *неформальной привязки части территорий арабских стран к Ирану*). Это объясняет концентрацию основных усилий “Аль-Кудс” в направлении Сирии, Ирака, Ливана, Йемена и Бахрейна. Такую географическую траекторию иранской стратегии король Иордании Абдалла еще в 2004 г. назвал “шиитским полумесяцем от Бейрута до Персидского залива” [15].

В каждой из этих арабских стран руководство “Аль-Кудс” применяет индивидуальную тактику в рамках единой стратегии достижения преобладающего политического влияния Ирана. В **Сирии** — прямая военная поддержка правящей алавитской (шиитской) верхушки во главе с кланом Башара Асада (силами “Аль-Кудс” и шиитских милиций, в частности “Катаиб Хизбалла”); в **Ираке** — поддержка шиитских политиков и партий, а также создание проиранских военизированных группировок “Силы народной мобилизации” (СНМ — инкорпорирована в армию Ирака и финансируется правительством в Багдаде, а также “Аль-Кудсом”) и “Катаиб Хизбалла” (частично инкорпорирована в СНМ, но финансируется в основном “Аль-Кудсом”); в **Ливане** — полное материальное и финансовое обеспечение военно-политической группировки “Хизбалла”, руководимой из Тегерана; в **Йемене** — оказание военной поддержки хуситским (шиитским) мятежникам, свергнувшим суннитское правительство во главе с аль-Хади; на **Бахрейне** — провоцирование массовых беспорядков с помощью подпольных шиитских группировок, в частности спонсируемых Ираном “Сарая аль-Аштар” и «Военное крыло “Хизбаллы” на Бах-

рейне» [16]. Как видно, во всех странах своего пристального интереса иранские стратеги делают ставку на формирования по типу “Хизбаллы”, которые действуют в конкретных условиях — легально или подпольно. Показательно также, что контролируемые Ираном группировки в арабских странах наращивают антиизраильский нарратив. Если для ливанской “Хизбаллы” это выглядит органичным, то для хуситов в Йемене — весьма искусственным, хотя бы в силу их географической отдаленности от Израиля и несоответствия стоящим перед ними практическим целям и задачам (удержание контролируемых территорий в противостоянии с арабской коалицией) [17]. Тем самым Тегеран демонстрирует неизменность его стратегии и повестки в регионе: борьба одновременно с суннитскими монархиями и “сионистским врагом”.

Причисляя обозначенные выше арабские страны к зоне своих интересов безопасности, иранские элиты нередко апеллируют и к истории. В частности, в их риторике упоминаются Персидские империи, в разные времена существовавшие на территории, определяемой сегодня как регион Большого Ближнего Востока, особенно крупнейшая из них — “Империя сефевидов” (в XVI–XVIII столетиях). Так, в мае 2017 г. министр обороны Ирана Хусейн Дехган заявил, что после 2003 г. Ирак “стал частью Персидской империи и никогда не вернется в арабский мир, никогда больше не станет арабской страной”. И добавил: “Мы (ИРИ. — А.Ш.) — вновь сверхдержава, как были в прошлом. Сегодня это должны понять все. Мы хозяева в регионе — в Ираке, Афганистане, Йемене, Сирии, а скоро станем таковыми и на Бахрейне” [18].

Обращение к “славным страницам истории” становится типичным и для нынешнего руководства Турции, периодически напоминающего о былом “величии Османской империи”.

“НЕООСМАНИЗМ”: ВЕРСИЯ ЭРДОГАНА

В последние два десятилетия Турция, наряду с Саудовской Аравией и Ираном, утвердила себя в качестве самостоятельного центра силы на исламском пространстве Ближнего Востока и Северной Африки с далеко идущими региональными амбициями. Символом внутривосточных перемен и нового геополитического позиционирования страны стало превращение решением Верховного суда Турции и декретом президента Р.Т. Эрдогана в июле 2020 г. собора-музея Святой Софии в Стамбуле в мечеть. Это действие призвано обозначить новый этап в трансформации цивилизационной идентификации страны, подчеркнуть ее историческую и символическую значимость для исламского мира, подобно Саудовской Аравии (хранительницы двух мусульманских святынь в Мекке и Меди-

не) и Ирана (центры шиизма в городах Мешхед и Кум).

В военном отношении (по оснащенности, выучке и боевой мощи) Турция заметно превосходит два других региональных центра силы [19]. Высокий качественный уровень вооруженных сил Турции во многом объясняется почти 70-летним опытом членства страны в Североатлантическом альянсе, ориентацией на принятые вооруженческие и прочие стандарты НАТО. Другая характеристика Турции состоит в том, что лишь в последние два десятилетия ее руководство активно культивирует ближневосточную идентичность страны и ее населения — до того “светская Турция” предпочитала позиционировать себя как часть европейского пространства при сохранении особенностей национальных культуры и традиций.

Столь фундаментальные сдвиги в геополитическом позиционировании Турции связаны с приходом в 2002 г. к власти в Анкаре Партии справедливости и развития (ПСР) во главе с Р.Т. Эрдоганом. Идеологическая платформа партии ассоциирована с феноменом “умеренного исламизма” в духе “Братьев-мусульман”, которую она поначалу пыталась совмещать с установками на развитие демократических процессов в стране (с учетом перспективы вступления в Евросоюз). Это привело к сокращению влияния военных на сферу политики (последним по времени эпизодом в этом отношении стал провал попытки военного переворота 2016 г.).

Позднее — уже в контексте усиления авторитарности режима Эрдогана — обозначилась тенденция к нарастанию осложнений в отношениях Турции с США и странами Евросоюза. Такое развитие событий объективно обуславливало ослабление напряженности в отношениях Анкары с Тегераном, существовавшей в предыдущие десятилетия. Их общение становилось прагматичным с акцентом на торгово-экономические связи, на которые практически не влиял фактор суннитско-шиитских расхождений. Однако “тени прошлого” продолжают нависать над сегодняшним днем: определяя приоритеты своей геополитической стратегии, Эрдоган и его окружение время от времени обращаются к истории, к временам Османского халифата [20].

Столкновение Анкары и Тегерана в Сирии (Турция выступает против режима Б. Асада, а Иран оказывает ему всестороннюю помощь) многие в этих двух столицах склонны воспринимать как подтверждение “исторической закономерности” (“борьбы двух империй”). Это противостояние, однако, не привело к разрыву или даже серьезно осложнению турецко-иранских отношений — правительства обеих региональных держав взаимодействуют, в частности, в рамках астанинского формата (Россия—Турция—Иран) в расчете на ком-

промиссные решения по Сирии. На поле боя же (например, на севере и северо-востоке этой арабской страны) турецкие и иранские военные стремятся избежать прямого столкновения. Тем более что на данном этапе сирийского конфликта Анкара уже не ставит целью свергнуть режим Б. Асада в Дамаске, а пытается обеспечить свои “минимальные интересы” посредством установления “зоны безопасности” на приграничной с Турцией территории северной Сирии с целью предотвратить появление там военизированных формирований, связанных с Курдской рабочей партией, признанной (помимо Турции) Соединенными Штатами и Евросоюзом “террористической организацией”. Частью этого плана обеспечения безопасности остается и сохранение контроля Анкары над сирийской провинцией Идлиб, в том числе с целью предотвратить массовый исход оттуда местного населения, который может значительно усилить и без того мощное миграционное давление на Турцию⁴.

Намного сложнее, судя по всему, развиваются “внутривидовые” отношения между Турцией и ведущими странами арабо-суннитского блока (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Египет). Последние воспринимают политику Анкары как претензию на лидерство в суннитском сегменте Ближнего Востока, претензию, подкрепленную аллюзией и исторической памятью арабов о временах доминирования в их регионе Османской империи. Руководство же сегодняшней Турции не просто апеллирует к этим аспектам истории, но и добавляет к ним свою ставку на идеологию и практику группировок “Братьев-мусульман”, что давно вызывает решительный отпор суннитских монархий. *Если для последних Иран – воплощение внешней (шиитской) угрозы, что способствует сплочению населения в этих странах вокруг правителей, то поддерживаемые Эрдоганом “Братья-мусульмане” воспринимаются монархическими режимами как внутренняя (суннитская) угроза их устойчивости и выживаемости [21].*

Эта линия противоборства внутри суннитского направления в исламе все заметнее проявляется в конфликтах в Сирии и Ливии. Примечательно, что со стороны монархий на переднем плане отчетливо просматривается бóльшая активность ОАЭ, чем Саудовской Аравии, общепризнанного лидера суннитского блока арабских государств. Это связано отчасти с тем, что руководство Эмиратов воспринимается в американском Конгрессе более благоприятно, чем представители Саудовской Аравии (из-за убийства журналиста Д. Хашогги весной 2018 г.) и Турции (из-за сделки с Россией по ЗРК С-400), а также с возможностью ОАЭ договари-

ваться как с США, так и с Россией [22]. Казалось бы, многолетняя общая позиция Турции и арабских монархий против сохранения у власти в Дамаске режима Б. Асада должна была бы служить основой для их взаимопонимания и сегодня. На деле, однако, происходит иное: руководство монархий, судя по всему, восприняло как факт устойчивость режима Асада в ближайшей перспективе (опирающегося на Россию и Иран), а потому изменило свой подход к нему – вместо прежних призывов к отставке Асада Эр-Рияд и Абу Даби говорят о готовности оказать режиму помощь в послевоенном восстановлении, но при жестком условии ухода из Сирии “всех иностранных войск”, в первую очередь иранского “Аль-Кудс” и проиранских шиитских милиций [23].

Эта линия монархий предполагает восстановление суверенитета Дамаска над всей территорией Сирии. Но реализуемая Анкарой установка на создание “зон безопасности” на севере Сирии, сохранение провинции Идлиб под фактическим контролем Турции, а также ее доминирование над обширными участками территории на северо-востоке этой арабской страны (с расположенными там нефтяными месторождениями) воспринимаются монархиями как свидетельство усиления позиций и влияния Турции в регионе “за счет арабского пространства”, а также увязываются ими с возрастанием потенциальной угрозы со стороны “Братьев-мусульман”.

В этом контексте монархии негативно восприняли договоренности между Москвой и Анкарой в октябре 2019 г. о стабилизации положения в сирийской провинции Идлиб, согласно которым эта территория остается де-факто под контролем Турции. В СМИ появилась информация о том, что монархии, в частности ОАЭ, попытались сорвать эти договоренности, якобы пообещав Асаду сумму в 3 млрд долл. за возобновление боевых действий, чтобы как минимум создать проблемы для Турции и отвлечь ее внимание от ливийского конфликта (причем 250 млн долл. наследный принц ОАЭ Мухаммед бен Заид якобы заплатил авансом). Однако российская сторона сорвала этот план [22]. Независимо от того, насколько правдиво данное сообщение, само его появление симптоматично на фоне обширной информации в СМИ об участии ОАЭ и Саудовской Аравии в финансировании Ливийской национальной армии (ЛНА) фельдмаршала Х. Хафтара, которая пыталась свергнуть международно признанное Правительство национального согласия (ПНС) под руководством Ф. Сараджа в Ливии. Открытое же выступление Турции на стороне ливийского правительства в начале 2020 г. сорвало планы Хафтара.

С особой наглядностью раскол в суннитском сегменте региона проявляется именно в ливий-

⁴ Около 4 млн сирийских беженцев размещены в лагерях на территории Турции, финансовое бремя содержания которых разделяет с Анкарой и Евросоюз.

ском конфликте, где задействованы все те же, что и в Сирии, региональные акторы (плюс якобы российские добровольцы, а также вовлечен Иран в скрытой форме) и практически с той же мотивацией (стратегическая значимость Ливии в Средиземноморье, нефтяные запасы, транспортные маршруты и т. д.). Только Турция открыто демонстрирует вмешательство в конфликт в пользу одной из сторон (а именно ПНС) – остальные акторы заявляют о своем формальном нейтралитете. В последнее время все чаще появляется информация и о скрытых попытках иранского “Аль-Кудс” оказать поддержку ПНС и Турции: речь идет о поставках оружия иранскими судами и направлении в Ливию сформированного из иракских шиитов подразделения “Сарая Ансар” [24]. Реальная же поддержка на региональном уровне ливийских протагонистов выглядит следующим образом: на стороне ПНС – Турция, Катар и, весьма вероятно, Иран; на стороне Хафтара – Египет, ОАЭ, Саудовская Аравия и Россия [25]. Все прямо или косвенно вовлеченные в конфликт акторы мотивированы геополитическими интересами, которые у региональных стран (в отличие от России) тесно связаны с религиозным подтекстом. Как отмечалось выше, он сводится к поддержке со стороны Турции (военной силой), Катара (финансово) и Ирана (скрытно) сторонников “Братьев-мусульман” [26], которые входят в структуры ПНС, и, соответственно, неприятию их Хафтаром и его упомянутыми партнерами.

После локальных и спорадических боевых действий на протяжении 2017–2018 гг. между сторонниками ПНС и ЛНА в апреле 2019 г. Хафтар предпринял стратегическое наступление с целью захвата столицы Триполи, но был остановлен сначала вооруженными группировками, выступившими за ПНС, а затем дислоцированными в пригороде столицы в январе 2020 г. подразделениями турецкой армии. Попытка международными усилиями помочь сторонам ливийского конфликта достичь компромисса (конференция в Берлине, январь 2020 г.) не ослабила накала противостояния в этой стране. Весной 2020 г. Хафтар возобновил боевые действия в пригороде Триполи, а 30 апреля провозгласил себя единовластным правителем Ливии “с народным мандатом” [27]. На такой шаг командующий ЛНА мог пойти только при сохранении военной и финансовой помощи, которую оказывают ему обозначенные региональные партнеры.

ВРЕМЯ *AD NOS* АЛЬЯНСОВ

Локальные конфликты (особенно гражданские войны) на Ближнем Востоке чаще всего перерастают в конфликты региональные, становясь точками кристаллизации отношений между основными

центрами силы – Ираном, Турцией и Саудовской Аравией/арабскими монархиями Залива. Изменилось и восприятие многими странами арабо-суннитского блока роли Израиля: в результате трансформации геополитического расклада в регионе и обострения там внутрисламского противостояния это государство, утвердившееся прежде всего благодаря военной мощи, все заметнее превращается из “врага” в потенциального партнера ведущих арабских стран по общей повестке безопасности (противодействие экспансии Ирана). Переломными в этом отношении стали первые годы XXI столетия:

- последствия мегатерактов 11 сентября 2001 г., когда оказавшаяся под огнем критики в США королевская семья Саудовской Аравии (большинство террористов были гражданами королевства) приступила к улучшению своего имиджа через корректировку политического курса, в частности предложив в 2002 г. от имени арабских стран план заключения всеобъемлющего мирного договора с Израилем (“Арабская мирная инициатива”);

- появление в 2002 г. информации о начале разработок Ираном ядерного оружия;

- приход в 2002 г. к власти в Турции партии Эрдогана, связанной с “Братьями-мусульманами”.

В результате заметно активизируются контакты на разных уровнях между Израилем и ведущими арабскими монархиями Залива, а также с рядом значимых арабских стран. Периодически встречаются и налаживают взаимодействие с Израилем представители военно-политических элит Саудовской Аравии, ОАЭ, Бахрейна и других арабских стран, настроенных на жесткую конфронтацию с ИРИ [28]. Например, действия Израиля в Сирии (атаки на военные объекты Ирана там) поддерживаются и одобряются элитами этих стран. По имеющейся информации, в Ливии Израиль негласно оказывает поддержку силам Хафтара и его арабским партнерам (консультации и тренинги офицерского состава, поставка разведанных и т. д.) [24]. Заметим, что укрепление военного альянса между Израилем и арабскими монархиями было важнейшей целью ближневосточной политики администрации Д. Трампа. Символом ее успеха на этом направлении стала обнародованная 13 августа 2020 г. договоренность между израильским премьером Б. Нетаньяху и наследным принцем ОАЭ Мухаммедом бен Зайедом (при участии Д. Трампа) начать процесс полной нормализации отношений между двумя странами, включая установление дипломатических отношений. Таким образом, ОАЭ становится третьим арабским государством, заключившим мирный договор с Израилем (после Египта и Иордании), и первым из монархий Персидского залива. Условием для подписания со-

ответствующих двусторонних соглашений стало обещание израильской стороны воздержаться от объявления аннексии части территории Западного берега реки Иордан, которая по предложенному Д. Трампом плану урегулирования (“Сделка века”) могла бы отойти Израилю [29]. Показательно, что против этой прорывной договоренности, способной основательно повлиять на политический ландшафт в регионе, открыто выступило руководство Турции, пригрозив разрывом отношений с ОАЭ [30]. В Анкаре, по-видимому, считают, что антиизраильская риторика будет благоприятствовать утверждению страны как влиятельного центра силы в регионе.

Важен и тот факт, что из страны – потребителя углеводородной энергии Израиль переходит в категорию экспортеров газа, что делает его игроком уже и на энергетическом поле Ближнего Востока. 19 июля 2020 г. Кнессет окончательно одобрил проект строительства подводного газопровода для доставки “голубого золота” в Европу (в нем участвуют государственные структуры и частные компании Кипрской Республики, Греции и Италии). Этот проект вызывает раздражение и неприятие руководства Турции, поскольку становится альтернативой “Турецкому потоку”, рассматриваемому в Анкаре и как рычаг ощутимого воздействия на страны ЕС [31]. Возрастающая напряженность с Турцией увеличивает привлекательность Израиля как партнера для стран арабо-суннитского блока.

Вовлеченность блока суннитских монархий в конфликты в Сирии, Ливии и Йемене форсировала проявление давно назревавшего кризиса внутри рамочной организации, объединяющей эти страны, – Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива (ССАСПЗ)⁵. Так, в 2017 г. ведущие страны этого блока (Саудовская Аравия, ОАЭ и Бахрейн), а также Египет подвергли бойкоту и изоляции влиятельного члена ССАСПЗ – эмират Катар – по причине лояльного отношения его руководства к ассоциации “Братья-мусульмане”, а также за торгово-экономическое сотрудничество с Ираном. В упрек правящей в эмирате семье ат-Тани монархии ставили и ее особые отношения с Турцией, в частности с Эрдоганом и его партией. Идеологические разногласия между арабскими монархиями и Катаром назревали давно, но обострились они в период “арабской весны”, когда Доха вместе с Анкарой заняли внятную позицию поддержки протестных движений в Тунисе, Египте и Ливии, в результате которых в этих странах были легализованы группировки “Братьев-мусульман” (в Египте после свержения президента Мурси в 2013 г. они вновь были объявлены вне закона).

⁵ В ССАСПЗ входят Саудовская Аравия, ОАЭ, Кувейт, Оман, Бахрейн и Катар.

Партнерство Катара и Турции арабские монархии называют “суннитско-исламистским альянсом” [21]. В условиях арабского бойкота он окреп еще больше, поскольку Анкара начала оказывать Дохе всю необходимую помощь – от поставок продовольствия до укрепления своего военного присутствия в этой стране (заметим, что и Иран предложил Катару помощь, но тот отказался, чтобы избежать демонстрации явных свидетельств сближения с ИРИ). На данный момент острота противостояния между монархиями и Катаром практически не ослабевает. Но Катар при этом формально все еще сохраняет членство в ССАСПЗ.

Конфликт в Йемене внес неожиданную трещину в отношения между, казалось бы, ближайшими союзниками и соратниками по ССАСПЗ – Саудовской Аравией и ОАЭ. Они были главными инициаторами создания арабской коалиции для борьбы с формированиями хуситов в Йемене. Эскалация боевых действий, однако, пока не привела к ощутимым результатам в виде освобождения столицы Йемена и возвращения туда законного правительства Абд Раббо Мансур Хади. Более того, в йеменской армии произошел раскол: часть ее выступила в поддержку сепаратистского правительства на юге страны с административным центром в г. Аден. В то время как Эр-Рияд критикует сепаратистов, настаивает на продолжении военных действий до полного разгрома проиранских сил там, руководство ОАЭ относится к ним скорее положительно [32]. Как бы то ни было, но руководство Эмиратов приступило к частичному выводу своего контингента из Йемена, в том числе и под предлогом, что подразделения правительственной армии набрались опыта, получили вооружения и уже не нуждаются в усиленной поддержке со стороны соседних арабских стран. Да и в подходе к нынешней ситуации в Сирии заметно различие в оценках Эр-Рияда и Абу Даби. Это, однако, пока не мешает им оставаться ближайшими союзниками.

* * *

В условиях весьма турбулентного политического ландшафта Ближнего Востока локальные конфликты там чаще всего трансформируются в региональные, вписываясь в орбиту противоборства трех центров силы: **ирано-шиитский** (Иран, Ливан, Сирия); **турецко-исламистский** (Турция, Катар); **арабо-суннитский** (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн, Оман, Кувейт, Египет). Каждый из этих центров конкурирует с двумя другими, выстраивая свои стратегии на основе сочетания практических равных по своей значимости установок – геополитических и религиозных. Последние не только определяют идеологический фундамент для принятия внешнеполитических решений, но и нередко становятся инструментом их реализации (в частности, ближ-

невосточные акторы, как правило, развивают отношения между собой с учетом приоритета именно религиозного фактора, что часто описывается специфическим термином *Theo politics* [33]. Самый яркий пример этому – расклад региональных сил вокруг ливийского конфликта: определяющим для вовлеченных сторон становится их отношение к ассоциации “Братья-мусульмане”.

Если динамика процессов в первых двух центрах показывает тенденцию к внутренней консолидации в каждом из них (во многом из-за доминирующего влияния структурообразующих государств – соответственно Ирана и Турции) и даже к тактическому взаимодействию между самими этими центрами силы (например, в Ливии), то арабо-суннитский блок пока демонстрирует отсутствие сплоченности. С одной стороны, его элиты только приступают к осторожной формализации связей с Израилем, преодолевая сложившиеся стереотипы враждебности к еврейскому государству в различных социальных слоях (особенно на “арабской улице”), а с другой – руководство монархий не готово окончательно расторгнуть отношения с Катаром, несмотря на то что Доха вза-

имодельствует с противниками ССАСПЗ (Турцией и частично с Ираном). Тем самым ведущие страны этой группы действуют по принципу *ad hoc* (“в зависимости от ситуации”), проявляя функциональную гибкость для решения конкретных задач. Важным шагом на пути потенциального усиления арабо-суннитского блока стала начавшаяся в августе 2020 г. нормализация отношений между ОАЭ, Бахрейном и Израилем.

Вполне вероятно, что вслед за Эмиратами и Бахрейном на подобные шаги решатся и некоторые другие монархии, включая Саудовскую Аравию. Эта линия, разумеется, продиктована политико-стратегическими расчетами арабов и израильтян, но она, заметим, не сильно противоречит также и религиозной составляющей стратегии монархий: набор догматических расхождений между исламом и иудаизмом меньший, чем между исламом и христианством (речь о трех однокоренных монотеистических религиях), а сами эти расхождения традиционно воспринимаются мусульманами менее остро, чем таковые внутри сообществ последователей пророка Мухаммеда в трактовке исламских традиций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *Number of Conflicts in the Middle East and North Africa from 2005 to 2019, by Conflict Intensity*. Available at: <https://www.statista.com/statistics/262940/conflicts-in-the-middle-east-and-north-africa-by-intensity/> (accessed 14.07.2020).
2. Chubin S. *Iran and the Arab Spring: Ascendancy Frustrated*. Gulf Research Center. GRC GULF PAPERS. September 2012. 52 p. Available at: https://carnegiendowment.org/files/Iran_and_Arab_Spring_2873.pdf (accessed 14.07.2020).
3. Hinnebusch R. The Sectarian Revolution in the Middle East. *Revolutions: Global Trends & Regional Issues*, 2016, vol. 4, no. 1, pp. 120-152. Available at: http://revjournal.org/wp-content/uploads/REV4/08_rev4_hinnebusch.pdf (accessed 15.07.2020).
4. *Policy of Zero Problems with our Neighbors, 2011*. Republic of Turkey Ministry of Foreign Affairs. Available at: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa#:~:text=In%20this%20context%2C%20the%20discourse,them%20as%20much%20as%20possible/> (accessed 15.07.2020).
5. Gause F.G. III. Beyond Sectarianism: The New Middle East Cold War. *Brookings Doha Center Analysis Paper*, no. 11, July 2014. 28 p. Available at: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/english-pdf-1.pdf> (accessed 15.07.2020).
6. Milliken J. The Study of Discourse in International Relations: A Critique of Research and Methods. *European Journal of International Relations*, 1999, vol. 5 (2), pp. 225-254. Available at: <https://doi.org/10.1177/1354066199005002003> (accessed 15.07.2020).
7. Экспорт исламской революции. *Исламская революция. Вчера, сегодня, завтра*. 1979, 18.01.2020. [Export of the Islamic Revolution. *Islamic revolution. Yesterday Today Tomorrow*. 1979 (In Russ.)] Available at: <https://iran1979.ru/eksport-islamskoj-revoljucii/> (accessed 14.07.2020).
8. Aarabi K. *Beyond Borders. The Expansionist Ideology of Iran's Islamic Revolutionary Guard Corps*. Tony Blair Institute for Global Change, January 2020. 68 p. Available at: <https://institute.global/policy/beyond-borders-expansionist-ideology-irans-islamic-revolutionary-guard-corps> (accessed 14.07.2020).
9. *Iranian Export of Revolution Doctrine and Implementation*. Lt. Col (rtd.) Roni Cohen. The Interdisciplinary Center, Herzliya, Hudson Institute, Washington DC. Project Leader: Dr. Shmuel Bar. May 1, 2007. 63 p. Available at: <https://www.yumpu.com/en/document/read/35234384/iranian-export-of-revolution-doctrine-and-implementation> (accessed 15.07.2020).
10. Boghardt L.P. *Gulf Fears of Iranian Subversion*. The Washington Institute for Near East Policy, April 2, 2015. Available at: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/gulf-fears-of-iranian-subversion> (accessed 15.07.2020).
11. Lutz M. Iran's Supreme Leader Calls Uprising an “Islamic Awakening”. *Los Angeles Times*, February 4, 2011. Available at: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2011-feb-04-la-fg-khamenei-iran-egypt-20110205-story.html> (accessed 15.07.2020).
12. Sadegh Zibakalam. The Landscape of the Arab Spring. *The Arab Revolutions: Strategic Assessment III*, ed. 16, vol. 10, May 3, 2012. Available at: <http://www.bitterlemons.org/international/previous.php?opt=1&id=378#1536> (accessed 12.07.2020).

13. Aldroubi M. Iran's Quds Force and Egypt's Muslim Brotherhood plotted to form anti-Saudi alliance. *The National (UAE)*, November 18, 2019. Available at: <https://www.thenationalnews.com/world/mena/iran-s-quds-force-and-egypt-s-muslim-brotherhood-plotted-to-form-anti-saudi-alliance-1.939273> (accessed 12.07.2020).
14. Царегородцева И.А. Политико-правовые концепции идеологов египетского движения "Братья-мусульмане". *Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки*, 2013, т. 155, кн. 3, ч. 2, сс. 98-110. Available at: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/304zkhkq6m/direct/101162314.pdf> (accessed 12.06.2020).
15. King Abdullah II of Jordan. In an interview with MSNBC's Chris Matthews, the King talks about the situation in Iraq, and a post-Arafat Palestine. *NBCNews.com – Hardball with Chris Matthews*, December 09, 2004. Available at: http://www.nbcnews.com/id/6679774/ns/msnbchardball_with_chris_matthews/t/king-abdullah-ii-jordan/#.UcV3GZymV9s (accessed 19.07.2020).
16. Belfer M., Alshaikh Kh. *Iran's Clandestine War on the Kingdom of Bahrain: Saraya al-Ashtar and the Military Wing of Hezbollah Bahrain*. King Faisal Center for Research and Islamic Studies, Riyadh, 2019. 32 p. Available at: <https://www.kfcris.com/pdf/09677d7a8899e33b05594dd8c0c433975d69199a5cf98.pdf> (accessed 18.07.2020).
17. Frantzman S.J. Iran is increasingly promoting antisemitic Houthi leader from Yemen. Iran's role in Yemen gives it the ability to project power into the Red Sea and the Bab al-Mandab Strait. *The Jerusalem Post*, May 27, 2020. Available at: <https://www.jpost.com/middle-east/iran-news/iran-is-increasingly-promoting-antisemitic-houthi-leader-from-yemen-629430> (accessed 20.07.2020).
18. Al-Zahid M. Can Iran turn itself into a "neo-Persian Empire"? *Future for Advanced Research and Studies (FARAS)*, May 28, 2015. Available at: <https://futureuae.com/m/Mainpage/Item/1997/far-fetched-goal-can-iran-turn-itself-into-a-neo-persian-empire> (accessed 25.07.2020).
19. *Comparison Results (Turkey vs Iran)*. GFP. Available at: <https://www.globalfirepower.com/countries-comparison-detail.asp?form=form&country1=turkey&country2=iran&Submit=COMPARE> (accessed 20.07.2020).
20. "We will Rise above the Level of Contemporary Civilizations". President Recep Tayyip Erdoğan's speech, 10.11.2016. Available at: <https://www.tcgb.gov.tr/en/news/542/58944/yuce-milletimizle-birlikte-engelleri-asacak-ve-muasir-medenyetler-seviyesinin-ustune-cikacagiz> (accessed 27.07.2020).
21. Cook S.A., Ibish H. *Turkey's Resurgence as a Regional Power Confronts a Fractured GCC*. The Arab Gulf States Institute in Washington (AGSIW), December 18, 2019. 22 p. Available at: https://agsiw.org/wp-content/uploads/2019/12/Steve-Cook_Ibish_Turkey_ONLINE-3.pdf (accessed 20.07.2020).
22. Dorsey J.M. UAE-Turkish Rivalry Wreaks Regional Havoc in Libya and Syria. *Modern Diplomacy*, May 24, 2020. Available at: <https://moderndiplomacy.eu/2020/05/24/uae-turkish-rivalry-wreaks-regional-havoc-in-libya-and-syria/> (accessed 25.07.2020).
23. Hinnebusch R. *The Battle over Syria's Reconstruction*. University of Durham and John Wiley & Sons, Ltd, Issue Online, 28 February, 2020. Available at: <https://doi.org/10.1111/1758-5899.12779> (accessed 25.07.2020).
24. Tsukerman I. *Will Israel Find Itself Facing Down Iran, Turkey, and the US in Libya?* Begin-Sadat Center for Strategic Studies, July 27, 2020. Available at: <https://besacenter.org/perspectives-papers/israel-libya-upport/> (accessed 27.07.2020).
25. UN confirms Russian mercenaries are fighting in Libya: diplomats. *Bangkok post*, AFP, 7 May, 2020. Available at: <https://www.bangkokpost.com/world/1914024/un-confirms-russian-mercenaries-are-fighting-in-libya-diplomats> (accessed 15.06.2020).
26. *Syrian mercenaries in Libya and the Erdogan-Muslim Brotherhood surprise*. MENA Research and Study Center, 27.07.2020. Available at: <https://mena-studies.org/syrian-mercenaries-in-libya-and-the-erdogan-muslim-brotherhood-surprise/> (accessed 28.07.2020).
27. Khalifa Haftar declares himself ruler of Libya with "mandate" from the people. *MiddleEastEye*, 28 April, 2020. Available at: <https://www.middleeasteye.net/news/khalifa-haftar-declares-himself-ruler-libya-mandate-people> (accessed 27.05.2020).
28. The eight Arab states that openly and unabashedly deal with Israel. *TRT World*, 6 February, 2020. Available at: <https://www.trtworld.com/middle-east/the-eight-arab-states-that-openly-and-unabashedly-deal-with-israel-33551> (accessed 26.07.2020).
29. *Joint Statement of the United States, the State of Israel, and the United Arab Emirates*. The White House, August 13, 2020. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/joint-statement-united-states-state-israel-united-arab-emirates/> (accessed 14.08.2020).
30. Butler D., Gumrukcu T. Turkey may suspend ties with UAE over Israel deal, Erdogan says. *Reuters*, August 14, 2020. Available at: <https://www.reuters.com/article/us-israel-emirates-turkey/turkey-says-history-will-not-forgive-uae-for-israel-deal-idUSKCN25A00N> (accessed 14.08.2020).
31. Carpenter S. New Pipeline Deal Gives Europe Access To Eastern Mediterranean Gas Reserves, Angering Turkey. *Forbes*, January 2, 2020. Available at: <https://www.forbes.com/sites/scottcarpenter/2020/01/02/new-gas-pipeline-deal-gives-europe-access-to-eastern-mediterranean-reserves-angering-turkey/#6cecb5111c69> (accessed 20.07.2020).
32. Walsh D., Kirkpatrick D.D. U.A.E. Pulls Most Forces from Yemen in Blow to Saudi War Effort. *The New York Times*, July 11, 2019. Available at: <https://www.nytimes.com/2019/07/11/world/middleeast/yemen-emirates-saudi-war.html> (accessed 21.07.2020).
33. Duran B., Yilmaz N. Islam, Models and the Middle East: The New Balance of Power following the Arab Spring. *PERCEPTIONS: Journal of International Affairs*, 2013, vol. 18, iss. 4, pp. 139-170. Available at: <https://dergipark.org.tr/tr/download/article-file/816037> (accessed 20.07.2020).

MIDDLE EAST CONFLICTS TODAY: BETWEEN RELIGION AND GEOPOLITICS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 50-60)

Received 15.08.2020.

Alexander I. SHUMILIN (mideast@bk.ru),

Institute of Europe, Russian Academy of Sciences (IE RAS), 11/build. 3, Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russian Federation.

The article is an attempt to analyze the genesis of conflicts in the Middle East, the transformation of their nature over the past two decades. While in the first years after the World War II, the chain of the main conflict situations in the region was closed on the confrontation between the Arab countries and Israel, now something different is obvious: the regional centers of power (Iran, Turkey, Saudi Arabia) established by the end of the second decade of the 21st century confront each other in the context of geopolitical rivalry and contradictions associated with their common religion – Islam. This was caused by two titan shifts in the political landscape of the region: the Islamic Revolution in Iran (1979), which sharply exacerbated the confrontation along the Sunnism-Shiism line, and the end of the Cold War, the disappearance of the USSR (1991) as an ideologically motivated factor that influenced the situation in The Middle East and North Africa. The disagreements between the states of the region were significantly aggravated by the events of the Arab Spring. Today, the main conflicts there are developing in the dimension of intra-Islamic confrontation – both between Sunnis and Shiites, and within the Sunni segment of this religion, which is associated with the establishment of Turkey as a third center of power promoting the Islamist concept of the Muslim Brotherhood. The transformation of the Hagia Sophia Museum in Istanbul into a mosque is becoming a symbol of Turkey's political identity as an important part of the Islamic world.

Keywords: Middle East conflicts, Syria, Libya, Turkey, Israel, Saudi Arabia, Islamic Republic of Iran (IRI), Persian Empire, Ottomanism.

About author:

Alexander I. SHUMILIN, Doctor of Political Science, Chief Research Associate, Head of the Center “Euro-Atlantic – the Middle East”.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-50-60

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ И ИЗРАИЛЬ: ПАЛЕСТИНСКИЙ КОНТЕКСТ

© 2021 г. Г. Косач

*КОСАЧ Григорий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор,
Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, РФ, 119991 Москва, Ленинские горы, 1
(g.kosach@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 14.05.2020.

В статье рассматриваются вопросы, связанные с изменением саудовского курса в отношении Израиля в контексте подходов Эр-Рияда к решению палестинской проблемы. Автор подчеркивает, что происходящая в последние годы положительная динамика в эволюции саудовско-израильского взаимодействия определяется внутрисаудовской социально-экономической и политической трансформацией, включая перемены в саудовском общественном мнении в отношении Израиля, как и существенными сдвигами в развитии ближневосточной региональной ситуации, в том числе провозглашенным Объединенными Арабскими Эмиратами (а также Бахрейном) курсом на нормализацию отношений с Израилем. Отмечая, что нынешнее саудовско-израильское сближение во многом определяется общей заинтересованностью в противостоянии Ирану, автор видит важнейшую причину сохраняющейся саудовской неготовности к нормализации отношений с еврейским государством в нерешенности палестинской проблемы на основе принципа “двух государств”. При этом автор считает, что сам этот принцип является инструментом саудовской внешней политики, благодаря которому Эр-Рияд стремится исключить возможность израильской гегемонии в будущем на постконфронтационном Ближнем Востоке.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Израиль, Палестинская Национальная Администрация, ХАМАС, Иран, палестинская проблема, саудовско-израильская нормализация, саудовская внешняя политика.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69

В начале апреля 2018 г. наследник саудовского престола Мухаммед бен Сальман в интервью вашингтонскому *The Atlantic* заметил, что у руководства его страны отсутствуют какие-либо “религиозные возражения”, касающиеся присутствия Израиля на политической карте Ближнего Востока. Однако, подчеркнул он, “у нас есть религиозные опасения по поводу священной мечети в Иерусалиме (мечети аль-Акса. — Г.К.) и прав палестинского народа”. Позиция кронпринца четко артикулировалась: “Я считаю, что палестинцы и израильтяне имеют право на свою землю”. Это не означало немедленной нормализации отношений с еврейским государством: “У нас (арабов и израильтян. — Г.К.) должно быть мирное соглашение, чтобы гарантировать всем стабильность и нормальные отношения”. Выполнение этого условия могло бы вывести ситуацию к многообещающим перспективам: “Израиль — это более значимая, чем его территория, растущая экономика, и в условиях мира мы будем иметь немало совместных интересов” [1].

Выступая в мае 2019 г. в Мекке на открытии XIV саммита Организации исламского сотрудничества, король Сальман бен Абдель Азиз заявлял: “Палестинская проблема будет находиться в центре нашего внимания, пока палестинский народ не обретет свои права, гарантированные международной законностью и арабской мирной инициа-

тивной” [2]. В конце января 2020 г., когда администрация президента Дональда Трампа представила “сделку века” — проект “Мир во имя процветания”, король Сальман заявил: “Королевство стоит на стороне палестинского народа, поддерживая тот его выбор, который отвечает его надеждам и чаяниям” [3].

Стилистические различия высказываний высших фигур саудовского политического истеблишмента очевидны: наследник престола прагматичен, его отец — консервативен. Но различия в риторике не отменяют главного — саудовский политический истеблишмент поддерживает формулу “двух государств”, в рамках которой Восточный Иерусалим должен стать палестинской столицей. Эта поддержка определила тональность саудовского подхода к “сделке века”. Опубликованное в конце января 2020 г. заявление внешнеполитического ведомства подчеркивало: “Королевство ценит усилия администрации президента Трампа, направленные на разработку всеобъемлющего плана мира между палестинской и израильской сторонами”. В нем отмечалось, что “разногласия между этими сторонами по поводу тех или иных аспектов плана должны решаться в ходе переговоров, чтобы направить мирный процесс к достижению соглашения, в рамках которого будут реализованы законные права палестинского народа” [4].

Палестинский контекст саудовской ближневосточной политики не был неизменен. Его определяли региональная ситуация и вытекавшие из нее внутренние и внешние задачи государства.

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КУРС ПОСЛЕ СОЗДАНИЯ ИЗРАИЛЯ

Итоги Палестинской войны 1948–1949 гг. привели к власти в ряде арабских стран “радикалов” (одним из них был Гамаль Абдель Насер) – выходцев из офицерского корпуса. Система региональных международных отношений модифицировалась – из нее было исключено еврейское государство. Панарабизм выглядел орудием пересмотра итогов первой арабо-израильской военной конфронтации. Глобальное советско-американское соперничество провело линии разлома между “радикалами” и “консерваторами” – частью “консервативного” лагеря была Саудовская Аравия. Господство идей Насера исключило возможность саудовского признания Израиля даже *de facto*.

Весной 1964 г. на состоявшемся в Восточном Иерусалиме Палестинском национальном конгрессе была оформлена Организация освобождения Палестины (ООП). Саудовская позиция в отношении вновь возникшей политической структуры была сдержанна – ООП патронировалась насеровским режимом. Только в январе 1989 г. в Эр-Рияде в присутствии Ясира Арафата было открыто посольство Государства Палестина, – саудовскую сторону на церемонии представлял (в то время) губернатор Эр-Рияда Сальман бен Абдель Азиз. Ранее, в ноябре 1973 г., Министерский совет Лиги арабских государств (ЛАГ) принял саудовское предложение о признании ООП единственным законным представителем палестинского народа.

В октябре 1974 г. саудовская дипломатия добилась важного успеха – на основе резолюции № 3210 делегация ООП во главе с председателем ее Исполкома Ясиром Арафатом была приглашена на XXIX сессию Генеральной Ассамблеи ООН, предоставившую (по итогам обсуждения палестинского вопроса) ООП статус постоянного наблюдателя при ООН. Достижение Эр-Рияда определялось не только его дипломатическими усилиями, но и конъюнктурой, складывавшейся на мировом рынке нефти.

Поездка президента Анвара Садата в Иерусалим (ноябрь 1977 г.) заставила Саудовскую Аравию начать поиск формулы урегулирования, которая, как писал саудовский автор, могла бы предложить “минимум приемлемых общерабских условий движения к мирному договору”. Этой формулой стал выдвинутый в августе 1981 г. на XI саммите

ЛАГ в Фесе Фахдом бен Абдель Азизом (в то время наследным принцем) план урегулирования конфликта¹. Основные положения этого плана заключались в “уходе Израиля со всех оккупированных в 1967 г. арабских территорий”, в том числе Восточного Иерусалима, и “ликвидации созданных после 1967 г. поселений”. План подтверждал “право палестинского народа на возвращение и на возмещение для не желающих возвращаться”, а также создание палестинского государства со столицей в Иерусалиме [5].

Это государство должно было стать единственным полем деятельности ООП, исключив в будущем какие-либо связанные с ней антигосударственные акции на территории арабских стран (идентичные тем, которые происходили в Иордании в сентябре 1970 г. и в Ливане в 1975–1990 гг.). Руководствуясь этим, Саудовская Аравия приветствовала принятую в середине ноября 1988 г. XIX (чрезвычайной) сессией Палестинского национального совета Декларацию независимости Государства Палестина на части “исторической Палестины” – Западном берегу и секторе Газа.

Участие Саудовской Аравии в качестве страны-наблюдателя в инициированном в 1991 г. Мадридском мирном процессе означало, по словам высокопоставленного внешнеполитического чиновника, что саудовское руководство “считало необходимым оказывать всемерное содействие движению к миру на Ближнем Востоке, считая, что мир стал стратегическим выбором арабов” [6]. Состоявшийся в конце марта – начале апреля 2002 г. в Бейруте саммит ЛАГ одобрил план (в то время наследного принца) Абдаллы бен Абдель Азиза, получившего статус “арабской мирной инициативы”. План предусматривал вывод израильских войск с оккупированных территорий (на Западном берегу и в секторе Газа должно было возникнуть палестинское государство со столицей в Восточном Иерусалиме) и возвращение к существовавшим до июня 1967 г. линиям перемирия, которые обрели бы статус государственных границ. В ответ на это арабские страны заявляли о готовности установить полноценные отношения с Израилем [7].

Выступая на Бейрутском саммите, Абдалла бен Абдель Азиз подчеркивал: “Позвольте мне сказать израильскому народу, что продолжающееся насилие привело к тому, что этот народ далек от

¹ Положения плана Фахда ранее цитировались автором в работах: Ближневосточный конфликт: историческая ретроспектива, мифы арабизма и сионизма, современность. Тишков В.А., Шнирельман В.А., ред. *Этничность и религия в современных конфликтах*. Москва, Наука, 2012, сс. 263–329; Палестинский национализм: становление и эволюция. Белокреницкий В.Я., Ульянов Н.Ю., отв. ред. *Нации и национализм на мусульманском Востоке*. Москва, ИВ РАН, 2015, сс. 116–129.

того, чтобы жить в безопасности и мире”. Далее он замечал: “Израильский народ должен поверить в возможность мира и понять, что мир и сохранение оккупации — невозможны”. Обращаясь же к палестинцам, будущий монарх был откровенен: “Альтернатива борьбы за освобождение — справедливый и всеобъемлющий мир” [8].

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ: ИЗРАИЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ОБЩЕСТВЕННОГО ВНИМАНИЯ

Время после прихода к власти короля Сальмана бен Абдель Азиза (январь 2015 г.) меняло саудовскую политическую речь и практику. Социально-экономические реформы, наступление на позиции улемов, развивающееся под лозунгом Мухаммеда бен Сальмана “покончить с экстремизмом и вернуться к исламу умеренности” [9], новая реальность в положении женщин — все это позволяло “образованному классу” выражать свою точку зрения на проблемы внешней политики. Речь шла и об Израиле — ранее табуированная тема становилась предметом общественного обсуждения в прессе и социальных сетях.

Первыми связанными с этой темой публикациями в прессе стал цикл статей журналистки Сихам Аль-Кахтани в эр-риядской газете “Аль-Джазира” (появившихся в июле—августе 2016 г.). Их автор пыталась развеять традиционный для арабского общественного мнения миф, связанный с “еврейским заговором”, когда “за любой катастрофой в истории арабов скрываются тайные еврейские деяния”. Она говорила о религиозном оправдании сионистских притязаний, подчеркивая бесспорность коранических утверждений о “богооткровенности” иудаизма, как и содержащихся в Коране реминисценций, относящихся к тому, что в Палестине “существовало великое еврейское царство пророка Сулеймана”, как и “храм Сулеймана”, что, по ее мнению, “освобождало” сионизм “от обвинения в захвате Палестины” [10, p. 17].

Аль-Кахтани считала, что “Израиль — реальность региона”. “Позиция арабов, — писала она, — не влияет на эту реальность, а потому признание [Израиля] — вопрос времени”, несмотря на возникающие в этой связи риски. Среди них — стремление Израиля “сохранить гегемонию в Иерусалиме”, как и “израильское господство над арабской экономикой” [11, p. 17]. Преодоление двусторонних разногласий возможно, если исходить из того, что арабы находятся “между молотом Ирана и наковальней Израиля”. И та и другая региональная сила имеет собственные притязания на арабский мир — «Израиль не забывает о “Великом Израиле от Нила до Евфрата»», Иран же “мечтает о все-

объемлющем региональном господстве”. Из двух “зол” арабы должны выбрать “более полезное”. Это Израиль, с которым «можно вести переговоры на основе принципа “мир в обмен на землю”» и который может стать “щитом, защищающим арабов от иранской экспансии”. Завершая цикл своих статей, Аль-Кахтани писала: “Нормализация станет спасением для всех” [12, p. 17].

Точка зрения Аль-Кахтани выглядела прагматичной и лишенной связи с палестинским контекстом, место которого занимало представление о “пользе” антииранского сотрудничества с еврейским государством. В январе 2019 г. эта точка зрения обрела законченную форму: “Эпоха, когда нормализация отношений с Израилем обретала характер скандала, — заявляла Аль-Кахтани, — когда нормализации нужно было стыдиться, когда нормализация выглядела как преступление, завершилась”. Далее она добавляла: “Израиль — реальность, а отказ его признавать — не более чем эмоциональный лозунг” [13]. Выражая эту точку зрения, Аль-Кахтани оказывалась не одинока.

В начале июня 2017 г. столичная газета “Ар-Рияд” опубликовала статью своего политического обозревателя Мусаида аль-Усейми “Если тебя предал друг, то он твой враг”, также посвященную проблеме Израиля и Ирана. Ее автор был откровенен: “Есть ли более опасный враг для нашей страны, чем Иран? Действовал ли Израиль когда-либо так, как это делает Иран, угрожая нам и сея в отношении нас ненависть и вражду?”. Из этого вытекал основной вывод автора: “Так сосредоточимся на нашем действительном враге. Будем руководствоваться разумом, нашими экономическими, политическими и историческими интересами. Будем исходить из выгоды, сравнивая опасность Ирана и Израиля” [14].

Саудовские социальные сети становились полем противостояния между сторонниками нормализации отношений с Израилем, с одной стороны, и приверженцами “защиты палестинских прав”, с другой. Если первые были представлены активистами движений (не являющихся легальными) за гражданские права, выступавшими и в израильских средствах массовой информации, то вторые — поборниками традиционализма, отнюдь не считавшими, что “иранская угроза” может быть достаточным основанием для “предательства арабского дела”.

Летом 2020 г. саудовские пользователи социальных сетей обсуждали интервью активистки женского движения Суад аш-Шамри израильскому телевизионному каналу “Кан11”, заявившей “нашим врагом является не Израиль, а Иран” [15], как и опубликованные в *Twitter* высказывания блоггера Абдель Хамида аль-Губейна, писавшего о том, что

“мир и союз с Израилем необходимы для отражения иранского вероломства”, и заявлявшего, что “в моем сердце родина — Саудовская Аравия, а не абстрактная Палестина” [16]. Не менее важным событием становилась и публикация в Тель-Авиве статьи Мухаммеда аль-Габана, преподавателя иврита в эр-риядском Университете имени короля Сауда. Эта статья, посвященная отношениям Пророка и иудеев Аравийского полуострова, должна была, по замыслу ее автора, “развеять неверные представления израильтян” о межрелигиозных связях времени, когда началась миссия Мухаммеда. Сторонники “защиты палестинских прав” обвинили ее автора в стремлении “содействовать нормализации отношений с Израилем, используя академическую науку” [17].

В конце июля 2016 г. состоялась поездка на Западный берег, а также в Иерусалим директора базирующегося в Джидде Ближневосточного центра стратегических и юридических исследований генерала в отставке Анвара Эшки (и сопровождавшей его делегации бизнесменов). В Израиле эта поездка рассматривалась как “визит” в еврейское государство, поскольку саудовский аналитик впервые открыто встретился с депутатами Кнессета и чиновниками министерства иностранных дел, обсуждая “возможность урегулирования на основе арабской мирной инициативы” [18]. Сторонники “защиты палестинских прав” потребовали подвергнуть Эшки наказанию. Ответом им стало лишь заявление внешнеполитического ведомства, сообщавшее, что “отдельные люди, среди которых Эшки”, “не выражают точку зрения саудовского правительства” [19].

В связи с поездкой Эшки саудовский автор писал о “начале частной дипломатии” в отношении Израиля. По его мнению, это объяснялось тем, что “израильтяне приходили к выводу о необходимости связей с саудовцами в силу политического веса королевства в исламском мире”. Отсюда вытекало внимание “израильских структур к установлению прямых связей с саудовскими гражданами, даже если они и не обладают какими-либо государственными полномочиями”. Эшки, приходил к выводу цитируемый автор, “не станет единственным гражданином, посетившим Израиль” [20].

Отношение к Израилю становилось частью происходящей в Саудовской Аравии конфронтации между сторонниками и противниками большей модернизации. Если первые апеллировали к личности Мухаммеда бен Сальмана, то вторые, писавшие под заголовком “нормализация—предательство”, — к противникам наследного принца среди членов королевской семьи и к высшему эшелону религиозного истеблишмента.

ПАЛЕСТИНСКИЙ КОНТЕКСТ СЕГОДНЯ: ПРАВЛЕНИЕ САЛЬМАНА БЕН АБДЕЛЬ АЗИЗА

Оценивая события “арабской весны”, сотрудники эр-риядского Центра политических исследований говорили об опасности провоцируемого Ираном “религиозного экстремизма” и о “противостоянии иранской экспансии”. Иран провозглашался “стратегическим противником”. Наступало время “перегруппировки приоритетов” ради “защиты национальных интересов, безопасности и стабильности” [21, р. 9], что относилось и к палестинскому вопросу, прежде всего отношению к ХАМАС.

С момента своего становления ХАМАС получал значительную финансовую помощь саудовских частных благотворительных фондов. Официальная же помощь была эпизодична и ограничивалась временем кризиса вокруг Кувейта, когда Арафат занял проиракскую позицию, что позволило ХАМАС открыть в Джидде полуофициальный офис. События 11 сентября 2001 г. изменили это положение — частные фонды подверглись огосударствлению, а связи с ХАМАС сведены до минимума. Отношения с ХАМАС еще более ухудшились после осуществленного этим движением в 2007 г. захвата власти в Газе. Ориентация ХАМАС на Иран (а после 2017 г. и на Катар) позволила (в то время) главе саудовского внешнеполитического ведомства Адилу аль-Джубейру назвать его “экстремистской и террористической организацией”, подчеркнув его исторические связи с движением “Братья-мусульмане” [22], включенным в саудовский “черный список” террористических структур.

Саудовский подход к решению палестинского вопроса сопрягался с позицией США. Встречая Трампа в мае 2017 г. в ходе его визита в Эр-Рияд, король Сальман² говорил о “важности американского подхода к вопросу палестино-израильского урегулирования”, подчеркивая готовность к “совместной деятельности ради мира между обеими сторонами” [23]. В Эр-Рияде приветствовали израильские удары по позициям “Хизбаллы” и Корпуса стражей Исламской революции в Сирии. По словам саудовского аналитика, в случае “открытого арабо-иранского противостояния” Израиль “безоговорочно войдет в арабский лагерь” [24].

² Здесь и далее автор использовал некоторые положения, содержащиеся в его работах “Саудовская Аравия сегодня: меняющаяся власть, меняющаяся политика” (<http://svom.info/entry/801-saudovskaya-araviya-segodnya-menyayushayasya-vlast>) и “Саудовская Аравия: трансформация власти и политики” (https://www.imemo.ru/index.php?page_id=1248&file=https://www.imemo.ru/files/File/magazines/meimo/04_2019/09_KOSACH.pdf).

Заявление Трампа о признании “единого” Иерусалима столицей Израиля и переносе посольства в этот город не стало поводом для охлаждения двусторонних отношений, хотя и осложнило саудовско-израильское сближение. Как подчеркивал саудовский автор, это определялось “готовностью Ирана пожать плоды гнева”. И далее он добавлял, имея в виду ООП: «Что есть на самом деле палестинский вопрос? Вербально – центральная проблема, на практике – бегство от всех реальных проблем под лозунгом “Путь в Иерусалим”» [25].

Непримирение саудовской стороной высказанного в ноябре 2019 г. государственным секретарем Майклом Помпео заявления о законности израильских поселений на Западном берегу не означало отказа Саудовской Аравии от продолжения контактов с Вашингтоном по палестинскому вопросу. Как заметил саудовский аналитик, «важнее обсуждать эту проблему в контексте разрабатываемой американской администрацией “сделки века”». По его мнению, готовящийся “мирный план может стать величайшим шансом для палестинцев, которые смогут создать свое государство”. Стоило бы говорить, считал он, не о “деталях” американского курса, но о том, «получат ли палестинцы благодаря “сделке” государство или она позволит израильтянам владеть тем, что осталось от Палестины» [26].

В Эр-Рияде считали, что “некоторые аспекты” американского курса укрепляют “израильскую неуступчивость”, но это не должно было означать отказ от контактов с Израилем. Эти контакты, как писал все тот же аналитик, важны в условиях, когда “реализуется агрессивный иранский проект региональной экспансии”. Эр-Рияд понимает, добавлял он, что “Израиль – единственное государство, использующее силу для обуздания Ирана в Сирии”, в то время как Саудовская Аравия “борется с Ираном в Йемене”. Эр-Рияд осознает, что обвинения в “союзе с сионистами” – “заезженная пластинка”. Для него была очевидна невозможность “противостояния Ирану в регионе Залива, в Йемене, Ираке, Ливане, Сирии и в Палестине”, не учитывая израильский фактор. Закljučая свою статью, он же констатировал: “Израиль перестал быть запретным плодом” [27].

Эр-Рияд подталкивала к сближению с Израилем иранская угроза его интересам в ближневосточном региональном пространстве. Как говорил в конце ноября 2017 г. Мухаммед бен Сальман, “тегеранские муллы смогли установить свое доминирование над четырьмя арабскими столицами – Дамаском, Саной, Багдадом и Бейрутом”. При сложившейся ситуации, как он считал, было необходимо создать “фронт противостояния иранскому экспансионизму” и исключить “появление на Ближнем Востоке нового Гитлера”, “умиро-

творение” которого, “как и в Европе 1930-х годов, не приведет к успеху” [28]. В декабре того же года Аль-Джубейр, ставший министром по внешнеполитическим связям, заявил, что его страна имеет «“дорожную карту” установления полноценных дипломатических отношений с Израилем» при условии достижения “мирного соглашения с палестинцами” [29].

Иранская угроза заставляла Эр-Рияд устанавливать контакты с израильской стороной в сфере обмена информацией между представителями специальных служб не только в ходе закрытых двусторонних встреч, но и в процессе совместного участия в работе различных международных политических, экономических и культурных форумов и выставок. В ноябре 2017 г. (в недавнем прошлом) начальник Генерального штаба израильской армии генерал Гади Айзенкот в интервью негосударственному интернет-порталу *Elaph* заявил, что его страна готова предоставить саудовской стороне разведывательную информацию для противодействия Ирану [30].

Все та же иранская угроза позволяла авторам публикаций в саудовской прессе квалифицировать состоявшийся в октябре 2018 г. визит Биньямина Нетаньяху в Оман как “четкую и открытую позицию султаната”, содействующую развитию “политической дифференциации” Ближнего Востока, “исходным пунктом которой выступают конфликты в Сирии и Йемене” [31]. В Саудовской Аравии не было высказано претензий к арабским странам – соседям по региону Персидского залива, на территории которых проходили спортивные, культурные и общественные мероприятия с участием Израиля. В марте 2018 г. самолеты авиакомпании *Air India*, совершающие рейсы в Тель-Авив, получили возможность использовать саудовское воздушное пространство. Вместе с тем в феврале 2020 г. нынешний глава саудовского внешнеполитического ведомства Фейсал бен Фархан опроверг возможность встречи между Мухаммедом бен Сальманом и Нетаньяху, подчеркнув, что “между Саудовской Аравией и Израилем нет отношений, а королевство занимает твердую позицию по вопросу о Палестине” [32].

Эр-Рияд официально не комментировал начавшийся в августе 2020 г. процесс нормализации отношений между Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ) и Израилем, а в дальнейшем и с Бахрейном (хотя и разрешил использовать саудовское воздушное пространство для полетов из Тель-Авива в Абу-Даби и Манаму). Однако Саудовская Аравия не поддержала предложенный палестинской делегацией в начале сентября 2020 г. на обсуждение Министерского совета ЛАГ проект решения об осуждении нормализации эмират-

ско-израильских отношений [33]. Комментируя это событие, саудовский аналитик писал: “Впервые в истории ПНА столкнулась с единогласным арабским отказом, когда палестинскому руководству сказали, что каждое арабское государство, как и сама палестинская администрация, обладает правом самостоятельно принимать решение”. Далее он добавлял: “Плотина рухнула. ОАЭ, Бахрейн, а ранее Египет и Иордания нормализовали отношения. Судан готов это сделать, Оман приветствует происходящий процесс, а саудовское воздушное пространство открыто (для полетов израильских гражданских самолетов. — Г.К.). Пройдет немного времени, и к движущемуся поезду примкнут остальные” [34].

Отсутствие официальной реакции компенсировалось осуждающими палестинскую позицию комментариями саудовской прессы.

Квалифицируя эмиратско-израильское соглашение, один из ведущих обозревателей мирового арабоязычного издания газеты “Аш-Шарк Аль-Аусат” Мшари аз-Заиди писал об “осуществленном ОАЭ огромном политическом, психологическом и связанном с безопасностью региональном прорыве”. Он же ставил знак равенства между решением руководства ОАЭ и “историческим актом великого президента Анвара Садата”, “положившим начало ближневосточному мирному процессу” [35].

В свою очередь саудовский аналитик, в прошлом главный редактор “Аш-Шарк Аль-Аусат” и генеральный директор телевизионного спутникового канала “аль-Арабийя” Абдель Рахман ар-Рашид считал необходимым разделить два аспекта “вопроса отношений с Израилем”. Первый состоит в том, что “ни одна страна не может навязывать палестинцам свое мнение в отношении того, как им решать их проблему” — “решение по Палестине принимают палестинцы, а не катарцы, сирийцы, иранцы или саудовцы”. Второй же аспект связан с тем, что “каждое арабское государство имеет право самостоятельно строить свои международные связи, включая и отношения с Израилем”. Развивая свою мысль, он делал жесткий вывод: “Израильяне посетили все арабские столицы — их официально принимали в качестве дипломатов, спортсменов, сотрудников органов безопасности и журналистов. Проигравшей стороной оказались палестинцы” [36].

Политический комментатор “Аш-Шарк Аль-Аусат” Абдалла аль-Утейби выносил безапелляционный приговор: “В течение семи десятилетий палестинцы опирались на помощь богатых стран Залива, спонсировавших их жизнь, должности, Администрацию и посольства. Священная цель становилась предметом потребления и средством

вымогательства. Сейчас же эта цель теряет святость и поддержку спонсоров” [37].

После заключения бахрейнско-израильского соглашения саудовская пресса развернула кампанию разоблачения “двуличия” палестинского руководства. Начало этой кампании было положено в октябре 2020 г. серией продолжительных интервью бывшего генерального секретаря Совета национальной безопасности и генерального директора Службы общей разведки Саудовской Аравии принца Бандара бен Султана телевизионному каналу “Аль-Арабийя”. Лейтмотивом этих интервью была мысль “нам дорога Палестина, а не ее правители” [38]. Комментируя его высказывания, политический аналитик “Аш-Шарк Аль-Аусат” писал, что “сказанное Бандаром — гневное обличение, произнесенное саудовским народом” [39].

Все же Саудовская Аравия далека от того, чтобы открыто заявить о нормализации отношений с Израилем. На пути такого сотрудничества немало препятствий. Это наследие прошлого, представленное официальной идеологией и стоящим за ней корпусом улемов. Это вызовы и опасности настоящего, воплощаемые в притязаниях и действиях подпольной и апеллирующей к религиозным постулатам внутренней оппозиции, смыкающейся с экстремистами в странах-соседях. Нерешенность палестинского вопроса позволяет оппозиции обвинять власть в следовании в фарватере сионизма — “стратегического противника” ислама. В списке этих препятствий и внешнеполитические обстоятельства — иранский курс создает основу (используя палестинский фактор) для сплочения саудовских региональных противников.

Саудовский истеблишмент вместе с тем активно содействует развитию процесса межрелигиозной толерантности, устанавливая связи с еврейскими организациями Европы и Америки и поддерживая не прямые отношения с Израилем. Основным проводником этого курса выступает созданная в 1962 г. Лига исламского мира (ЛИМ) — патронируемая Саудовской Аравией международная организация, генеральный секретарь которой Мухаммед Аль-Иса ранее занимал пост саудовского министра юстиции³.

Курс на укрепление отношений с еврейскими организациями был подтвержден в 2018 г., когда аль-Иса заявил, что “Холокост был преступлением против человечества” [40]. В сентябре 2019 г. ЛИМ во взаимодействии с еврейскими и христианскими общинами Франции провела в Париже конфе-

³ Некоторые данные о деятельности ЛИМ и ее генерального секретаря были использованы автором в интервью “Независимой газете”, опубликованном под названием “Появится ли синагога в Саудовской Аравии?” (https://www.ng.ru/ng_religii/2020-09-15/9_494_synagogue.html).

ренцию “Иудеи, христиане, мусульмане: совместные действия на благо человека”, подчеркнув важность “взаимопонимания иудеев, христиан и мусульман ради мира и солидарности человечества” [41]. В январе 2020 г. совместная делегация ЛИМ и *American Jewish Committee (AJC)* приняла участие в церемонии по случаю 75-летия освобождения Аушвица, проведя молитву на территории бывшего концентрационного лагеря. Выступая в июне 2020 г. в ходе организованного *AJC* виртуального Международного форума борьбы с расизмом и антисемитизмом, аль-Иса подчеркивал важность “созидания позитивных мусульманско-иудейских отношений” для совместного противостояния “исламофобии и антисемитизму” [42].

ВОЗМОЖНОСТЬ САУДОВСКО-ИЗРАИЛЬСКОЙ НОРМАЛИЗАЦИИ. ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вступая в контакты с еврейским государством, саудовский истеблишмент руководствуется прагматическими соображениями, связанными с сохранением своей региональной гегемонии. Оспаривание этой гегемонии Ираном лежит в основе этих контактов, — они построены не на позитивном желании к сотрудничеству, но на обусловленном факторами времени и места вынужденном взаимодействии. Ни один из случаев нормализации отношений между Израилем и арабскими

странами пока еще не стал примером поступательной эволюции и последовательного углубления. Все они испытали воздействия приводящих факторов, став заложниками палестино-израильского конфликта.

Объективно Израиль может стать ведущим “центром силы” трансформированного региона, что ни в коей мере не будет соответствовать саудовским интересам. Акцент, поставленный королевством на первоочередности решения палестино-израильского конфликта, предполагает не “гуманистическое” удовлетворение палестинских прав, а сохранение собственного регионального господства. Достижение же взаимопонимания станет реальностью лишь в том случае, если израильская региональная политика будет скорректирована таким образом, чтобы не представлять угрозы саудовским интересам.

Говоря о возможности нормализации, Абдель Рахман ар-Рашид замечал, что “наследие политической, культурной и информационной вражды” в отношении Израиля может быть преодолено “сильным государством, способным навязать нормализацию как на официальном, так и на общественном уровне”. Но это преодоление станет реальностью только при условии “изменения израильской позиции в отношении Западного берега”. Лишь “тогда Израиль станет дружественным государством” [43].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Goldberg G. *Saudi Crown Prince: Iran's Supreme Leader "Makes Hitler Look Good"*. Available at: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/04/mohammed-bin-salman-iran-israel/557036> (accessed 03.04.2018).
2. King Salman: we reject the change in the status of East Jerusalem. *Asharq Al-Awsat*, 31.05.2019 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1748376/كللملما-اضفرن-ناملس-كلملما> (accessed 31.05.2019).
3. Saudi Arabia's King Salman affirms “steadfast” support for Palestinian rights. *Al-Arabiya*, 29.01.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2020/01/29/Saudi-Arabia-s-King-Salman-affirms-steadfast-support-for-Palestinian-rights> (accessed 29.01.2020).
4. Saudi Arabia says it backs all efforts toward “comprehensive” Mideast solution. *Al-Arabiya*, 29.01.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2020/01/29/Saudi-Arabia-says-it-backs-all-efforts-toward-comprehensive-Mideast-solution> (accessed 29.01.2020).
5. *Final Declaration of the Twelfth Arab Summit Conference, adopted at Fez on 9 September 1982*. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-176666> (accessed 01.08.2020).
6. Turki bin Mohammad bin Saud. Achievements of King Fahd in solving the Palestinian problem. *Asharq Al-Awsat*, 30.11.2001 (In Arabic). Available at: <https://archive.aawsat.com/leader.asp?section=3&article=68841&issueno=8403#Xz6UXsgzZPY> (accessed 05.08.2020).
7. *United Nations. The Question of Palestine, Arab Peace Initiative*. 24 April 2002. Available at: <https://www.un.org/unispal/document/auto-insert-181223> (accessed 02.08.2020).
8. The Arab initiative ... the solution after 40 years. *Al-Riyadh*, 27.03.2007 (In Arabic). Available at: <http://www.alriyadh.com/236485> (accessed 02.08.2020).
9. Muhammad bin Salman: we will finish with extremism. *Asharq Al-Awsat*, 25.10.2017 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1062851/فرطتلا-ولع-يضرقنسن-ناملس-نبدمحم> (accessed 26.10.2017).
10. Al-Qahtani S. Israel and Arab fundamentalism. *Al-Jazirah*, 23.07.2016 (In Arabic). Available at: http://today.al-jazirah.com.sa/flip/flipxml/index.htm?xml_date=20160723&edition=3 (accessed 24.06.2016).
11. Al-Qahtani S. Arabs and Israel: a crisis of recognition. *Al-Jazirah*, 06.08.2016 (In Arabic). Available at: http://today.al-jazirah.com.sa/flip/flipxml/index.htm?xml_date=20160806&edition=3 (accessed 08.08.2016).

12. Al-Qahtani S. Arabs and Israel: Normalization for Salvation. *Al-Jazirah*, 27.08.2016 (In Arabic). Available at: http://today.al-jazirah.com.sa/flip/flipxml/index.htm?xml_date=20160827&edition=3 (accessed 30.08.2016).
13. Une écrivaine saoudienne appelle à la normalisation avec Israël. *Algérie patriotique*, 28.01.2019. Available at: <https://www.algeriepatriotique.com/2019/01/28/une-ecrivaine-saoudienne-appelle-a-la-normalisation-avec-israel> (accessed 29.01.2019).
14. Al-Oseimi M. If your friend cheats on you, make him with your enemy. *Al-Riyadh*, 06.06.2017 (In Arabic). Available at: <http://www.alriyadh.com/1600304> (accessed 08.06.2017).
15. Suad Al-Shamari: speech by a Saudi activist on an Israeli channel. *BBC Arabic*, 10.07.2020 (In Arabic). Available at: <https://www.bbc.com/arabic/trending-53367956> (accessed 12.07.2020).
16. Saudi Arabia accuses supporter of normalization with Israel of espionage. *Arabi21*, 16.06.2020 (In Arabic). Available at: <https://arabi21.com/story/1278434/> (accessed 17.06.2020).
17. Towards normalization through academic science. *Arabi21*, 13.07.2020 (In Arabic). Available at: <https://arabi21.com/story/1285666/> (accessed 15.07.2020).
18. *Former Saudi General Visits Israel, Meets with Foreign Ministry Director-general*. Available at: <http://www.haaretz.com/israel-news/premium-1.732776> (accessed 22.07.2016).
19. Eshki makes excuses, Foreign Office dissociates. *Al-Marsad*, 28.07.2016 (In Arabic). Available at: <https://al-marsd.com/> (accessed 29.07.2016).
20. Al-Mulhim A.L. Why Eshki accepted an invitation to visit Israel? *Al-Yaum*, 07.08.2016 (In Arabic). Available at: <http://www.alyaum.com/article/4150638> (accessed 08.08.2016).
21. Foreign Policy of the Kingdom of Saudi Arabia: Consistency or Change? *Masarat*, November 2013, 14 p. (In Arabic).
22. Saudi FM: Qatar must stop supporting Hamas, Brotherhood. *Aljazeera*, 7 June 2017. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2017/6/7/saudi-fm-qatar-must-stop-supporting-hamas-brotherhood> (accessed 09.06.2017).
23. Secretary of State: We will redouble efforts to repel Iran in Yemen and Syria. *Asharq Al-Awsat*, 21.05.2017 (In Arabic). Available at: <http://aawsat.com/home/article/931366/> (accessed 25.05.2017).
24. Al-Rashid A.R. How we started to applaud Israel. *Asharq Al-Awsat*, 20.01.2015 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/269696/> (accessed 21.01.2015).
25. Al-Zaidi M. On the way to Jerusalem. *Asharq Al-Awsat*, 11.12.2017 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1109346/> (accessed 12.12.2017).
26. Al-Rashid A.R. Position of governments on the peace plan. *Asharq Al-Awsat*, 25.06.2019 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1783026/> (accessed 26.06.2019).
27. Al-Rashid A.R. Iran blackmails us with Israel. *Asharq Al-Awsat*, 19.02.2019 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1597336/> (accessed 19.02.2019).
28. Muhammad bin Salman: we will not permit to appear a new Iranian Hitler. *Asharq Al-Awsat*, 25.11.2017 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1094146/> (accessed 26.11.2017).
29. *U.S. Mideast peace plan not finalized, but efforts "serious", says Saudi's Jubeir*. Available at: <https://in.reuters.com/article/usa-trump-saudi/u-s-mideast-peace-plan-not-finalised-but-efforts-serious-says-saudis-jubeir-id1NKBN1E81PX> (accessed 14.12.2017).
30. *In first-ever Saudi interview, IDF head says ready to share Intel on Iran*. Available at: <https://www.timesofisrael.com/in-first-ever-saudi-interview-idf-head-says-ready-to-share-intel-on-iran> (accessed 16.01.2017).
31. Al-Rashid A.R. What will follow Netanyahu's visit to Muscat? *Asharq Al-Awsat*, 28.10.2018 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/1440206/> (accessed 29.10.2018).
32. Saudi FM: No meeting planned with Netanyahu, Palestine policy 'firm'. *Al-Arabiya*, 13.02.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/en/News/gulf/2020/02/13/EXCLUSIVE-Saudi-FM-No-meeting-planned-with-Netanyahu-Palestine-policy-firm-> (accessed 10.09.2020).
33. *Arab League: Ministers agree not to condemn UAE-Israel deal*. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2020/9/9/arab-league-ministers-agree-not-to-condemn-uae-israel-deal> (accessed 10.09.2020).
34. Al-Rashid A.R. Embassy left the building. *Asharq Al-Awsat*, 15.09.2020 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/2507996/> (accessed 29.10.2018).
35. Al-Zaidi M. Emirates-Israel agreement – blow against an illusory obstacle. *Asharq Al-Awsat*, 14.08.2020 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/2446691/> (accessed 14.08.2020).
36. Al-Rashid A.R. Emirates and Israel. *Asharq Al-Awsat*, 15.08.2020 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/2448601/> (accessed 15.08.2020).
37. Al-Oteibi A. Emirates and Israel: building peace. *Asharq Al-Awsat*, 16.08.2020 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/2450476/> (accessed 16.08.2020).

38. Full transcript: Prince Bandar bin Sultan's interview on Israel-Palestine conflict. *Al-Arabiya*, 05.10.2020. Available at: <https://english.alarabiya.net/en/features/2020/10/05/Full-transcript-Part-one-of-Prince-Bandar-bin-Sultan-s-interview-with-Al-Arabiya> (accessed 08.10.2020).
39. Al-Dossary S. Bandar's Anger or the Resentment of Saudis? *Asharq Al-Awsat*, 09.10.2020. Available at: <https://english.aawsat.com/home/article/2555106/salman-al-dossary/bandar%E2%80%99s-anger-or-resentment-saudis> (accessed 09.10.2020).
40. MWL Chief: Holocaust Atrocities Shook Humanity to Its Core. *Asharq Al-Awsat*, 27.01.2018. Available at: <https://english.aawsat.com/home/article/1156496/mwl-chief-holocaust-atrocities-shook-humanity-its-core> (accessed 27.01.2018).
41. *Après la conférence pour la paix, ce que proclame le mémorandum signé à Paris entre responsables juifs, chrétiens et musulmans*. Available at: https://www.saphirnews.com/Apres-la-conference-pour-la-paix-ce-que-proclame-le-memorandum-signé-a-Paris-entre-responsables-juifs-chrétiens-et_a26624.html (accessed 19.09.2019).
42. *Muslim World League Secretary General Dr. Al-Issa Addresses AJC Global Forum*. Available at: <https://www.ajc.org/news/muslim-world-league-secretary-general-dr-al-issa-addresses-ajc-global-forum> (accessed 24.01.2020).
43. Al-Rashed A.R. Normalization is not a problem. *Asharq Al-Awsat*, 03.05.2020 (In Arabic). Available at: <https://aawsat.com/home/article/2264481/عقيدضقولالسيلعيبطتلالانشارالانمحلادبع> (accessed 03.05.2020).

SAUDI ARABIA AND ISRAEL: THE PALESTINIAN CONTEXT

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 61-69)

Received 14.05.2020.

Grigorii G. KOSACH (g.kosach@mail.ru),

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation.

The article examines the issues related to the change in the Saudi Arabia's policy towards Israel in the context of Riyadh's approaches to solving the Palestinian problem. The author emphasizes that the positive dynamics taking place in the evolution of Saudi-Israeli interaction in recent years is determined by the intra-Saudi socio-economic and political transformation, including changes in public opinion regarding Israel, as well as significant shifts in the development of the Middle East regional situation, inter alia those proclaimed by the United Arab Emirates (as well as Bahrain) heading towards a settlement with Israel. At the same time, the emergence of a tendency to support the course towards normalizing relations with Israel in the context of the current Saudi internal political situation also marked a public demarcation in relation to initiatives to support the Crown Prince. If his supporters act, among other things, as supporters of normalization, then opponents see contacts with the Jewish state as "a betrayal of Arab national interests". Noting that the current Saudi-Israeli rapprochement is largely determined by a joint interest in confronting Iran, the author, nevertheless, sees the most important reason for the continuing Saudi unwillingness to normalize relations with the Jewish state in the unresolved Palestinian problem on the basis of the "two states" principle. At the same time, the author believes that this principle itself is an instrument of Saudi foreign policy, thanks to which Riyadh seeks to exclude the possibility of Israeli hegemony in the future post-confrontational Middle East. This means, in particular, that the achievement of mutual understanding will become a reality only if the Israeli regional policy is adjusted so as not to pose a threat to Saudi interests.

Keywords: Saudi Arabia, Israel, Palestinian National Administration, Hamas, Iran, Palestinian problem, Saudi-Israeli normalization, Saudi foreign policy.

About author:

Grigorii G. KOSACH, Doctor of History, Professor, Faculty of World Politics.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-61-69

КИТАЙ:
ВНУТРЕННЯЯ И ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА

БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ ПЕКИНА – 2
(взгляд из середины 2020 года)*

© 2021 г. В. Михеев, С. Луконин

МИХЕЕВ Василий Васильевич, академик РАН,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (mikheev@imemo.ru).

ЛУКОНИН Сергей Александрович, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (sergeylukonin@mail.ru).

Статья поступила в редакцию 25.08.2020.

С завершением острой фазы пандемии коронавируса в середине 2020 г. иерархия “болевых точек” точек Пекина снова изменилась. Вопрос о восстановлении китайской экономики остается достаточно актуальным, но не с точки зрения обсуждения “жесткой посадки”, а напротив – в плане темпов восстановления, роста и качества этого роста. На этом фоне первое место по важности вновь заняли американо-китайские отношения. США продолжили постепенно реализовывать угрозы Д. Трампа в отношении КНР, такие как лишение Гонконга статуса особой таможенной территории, ограничение обращения ценных бумаг китайских компаний на американских биржах, запрет на поставки отдельных американских технологий китайским компаниям и др. Пекин действует асимметрично: подтверждает приверженность договоренностям первой фазы американо-китайской торговой сделки, а также реализовывает политику Си Цзиньпина, направленную на открытие китайской экономики и углубление ее интеграции в мировую.

Ключевые слова: мировая экономика, Китай, США, “торговая война”, “торговая сделка”, Гонконг, российско-китайские отношения.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81

ОБЩАЯ ОЦЕНКА ТЕКУЩЕЙ
СИТУАЦИИ В КИТАЕ

Завершение острой фазы борьбы с COVID-19 и начавшееся восстановление китайской экономики к середине 2020 г. привели к **новому изменению соотношения приоритетности важнейших проблем развития Китая**. На первое место вновь вышли темы **китайско-американских отношений и ситуации вокруг Гонконга**, которые китайское руководство рассматривает во взаимосвязи и взаимоувязке. Гонконг, помимо своей внутривнутриполитической значимости для Пекина, стал одним из основных факторов обострения китайско-американских отношений.

Негативные нюансы накапливались и по другим направлениям: относительная послепандемическая экономическая стабилизация не сняла сомнений в отношении ближайшего будущего китайской экономики.

Усилилась **противоречивость внешнеполитического положения Пекина**. С одной стороны, Китай позиционирует себя в роли главного мирового борца с пандемией, с другой – наблюдаются обострения отношений со многими партнерами КНР.

* Статья является продолжением исследования авторами ключевых проблем Китая, которое было опубликовано в № 5 “МЭ и МО” за 2020 г.

Ситуация в Гонконге поступательно накалялась к моменту принятия Пекином 30 июня 2020 г. [1], а вслед за ним в тот же день и гонконгской администрацией “Закона о защите национальной безопасности в специальном административном районе Гонконг” и ожидаемо вылилась в масштабные протесты несогласных с Законом, сопровождавшиеся жесткими столкновениями с полицией, использованием водометов и резиновых пуль, а также массовыми арестами 1 июля – в день отчисления перехода Гонконга под юрисдикцию Пекина – и в последующие дни.

Закон предполагает создание в Гонконге надзорного пекинского органа, который будет наблюдать за ситуацией в отношении четырех видов преступлений: попытки сепарации (*выход Гонконга из состава КНР*), подрывной деятельности, терроризма, вмешательства внешних сил, которые создают угрозы национальной безопасности Китая с территории Гонконга. Закон предусматривает в том числе пожизненные тюремные заключения за его нарушение и экстрадицию обвиняемых в материковый Китай (*это положение Пекин пытался реализовать в 2019 г. в форме “Закона об экстрадиции”, что спровоцировало тогда массовые протестные выступления, которые привели к снятию законопроекта с повестки дня*). Вопрос о легальной экстрадиции имеет особое значение для пекинских правоохранителей, которые видят в созданной по аналогии

с английским прецедентным правом гонконгской правовой системе лазейки для ухода от ответственности китайских преступников – будь то подозреваемые в коррупции и других видах преступлений или оппозиционные политические активисты.

В то же время КНР в целях смягчения негативного восприятия Закона продвигает мысль о том, что его исполнение будет в компетенции гонконгских властей, а практическое вмешательство Пекина в их работу будет осуществляться нечасто и в исключительных случаях.

Связь гонконгской темы с отношениями Китая и США проявилась в следующем. Вашингтон официально и агрессивно-напористо выступил на стороне политических сил в Гонконге, не приемлющих Закона, усматривая в нем “нарушение демократии”, и закрепленных в китайско-английском соглашении о Гонконге от 1984 г. принципов автономии последнего и сохранения независимости его правовой и политической системы в течение 50 лет с момента перехода под юрисдикцию Пекина в 1997 г. Вашингтон ввел визовые санкции против официальных лиц КНР, причастных, по мнению американской стороны, к принятию и исполнению Закона, а также снял и планирует дополнительное снятие ряда торговых и финансовых преференций, которыми располагал Гонконг, по сравнению с Китаем, как независимый субъект мировой экономики.

Аналогичные ответные действия Пекина в отношении соответствующих американских официальных лиц и жесткая пропаганда правомерности и обоснованности действий Китая, “не подрывающих”, а, по его мнению, укрепляющих принцип “одна страна – две системы”, ухудшили двусторонние отношения уже с позиции последнего. В то же время реакция Пекина на экономическую составляющую действий Вашингтона, направленных на “удар” по китайским интересам через экономические ограничения по Гонконгу, была спокойная. В Пекине полагают, что для Китая главный смысл Гонконга – это не его торговые отношения с США (они значительно меньше объемов китайско-американского экономического сотрудничества), а та роль, которую он играет в качестве мирового финансового центра.

Другие новые или “обновленные” негативные нюансы американо-китайских отношений связаны с идеологическими, внутривластными и военными факторами.

В мае–июне 2020 г. американская администрация выступила с рядом заявлений. В них отмечалось, что **Китай – это не просто экономический конкурент США, но и идеологический противник, базовые ценности которого расходятся с американскими демократическими ценностями.** Кроме того,

КНР вместе с Россией были в очередной раз объявлены военно-политической угрозой США [2].

Новый вектор атаки на Китай проявился в области ракетно-ядерных вооружений в связи с отказом последнего присоединиться к российско-американским переговорам по стратегическим наступательным вооружениям, возобновившимся в июне 2020 г. Вашингтон обвиняет Пекин в сокрытии данных о китайском ядерном потенциале, а также высказывает недовольство его позицией, заключающейся в том, что Китай может присоединиться к новому варианту Договора о сокращении стратегических наступательных вооружений только после того, как его ядерный потенциал сравняется с российским и американским [3].

В июне 2020 г. США принимают “Закон о политике в области прав человека в отношении уйгур” (*S.3744*), предполагающий введение визовых и иных санкций против тех китайских официальных лиц, которые, по их мнению, причастны к “ущемлению” прав и свобод уйгур, проживающих в Синьцзян-Уйгурском автономном районе [4].

Соединенные Штаты продолжают критиковать Пекин за “неправильное”, в их восприятии, поведение в период пандемии *COVID-19*, обвиняя Китай в том, что именно он стал “рассадником заразы”, а также в “чрезмерной” военной активности и интенсивных работах по строительству новых искусственных островов в Южно-Китайском море, которые вызывают беспокойство партнеров США из стран АСЕАН.

В Пекине понимают, что подобные нападки связаны в первую очередь со стремлением Вашингтона ослабить международное политическое позиционирование Китая и подобным образом, а не только тарифным и ограничительным торгово-экономическим давлением усилить международные конкурентные позиции самих США, в том числе во все больше ужесточающейся американо-китайской борьбе за нарождающиеся мировые рынки связи, основанные на технологии связи пятого поколения (*5G*).

При этом собственно тарифно-инвестиционная тематика отошла как бы на второй план. Китай, в отличие от внутривластной и военно-политической сфер противостояния с США, где он, следуя новому курсу Си Цзиньпина “вести наступательную и агрессивную внешнеполитическую пропагандистскую линию”, выступает предельно жестко, в экономике идет на уступки. КНР заявляет о приверженности договоренностям по первой фазе торговой сделки и подтверждает готовность увеличить импорт из США на 200 млрд долл. масштабными закупками американской продукции [5]. Причем даже рискуя при этом обострением отношений с Европой, которая опасается, что

быстрое наращивание Китаем импорта американской сельхозпродукции создаст “непреодолимые трудности” в европейско-китайских отношениях (“покупайте и европейские продукты”).

Вместе с тем в Пекине исходят из того, что при новом президенте отношения с Соединенными Штатами могут претерпеть существенные изменения, как в положительном, так и в отрицательном контексте.

В китайской внешней политике к середине 2020 г. выстроилась следующая иерархия проблем и “болевых точек”.

Пекину не удастся “выжать” максимум из “коронавирусной дипломатии”, нацеленной на закрепление его в роли главного мирового спасителя от пандемии. От развитых держав Китай получает критику за “несвоевременное информирование” мира об инфекции, за то, что именно он “стал источником болезни и проблем”, и т. п. От развивающихся государств идет недовольство “недостаточным объемом помощи” с его стороны.

Наиболее острая фаза наступила в развитии **китайско-индийских** отношений после июньского пограничного военного столкновения в спорном районе Гималаев, хотя и обошедшегося без применения огнестрельного оружия, сопровождавшегося гибелью 20 индийских и, вероятно, аналогичного числа китайских военных (Пекин, правда, не раскрывает данные о потерях).

Вооруженный конфликт, по китайской версии, спровоцированный индийскими военными, “неправомерно вторгшимися на китайскую территорию”, как представляется, будет иметь серьезные и далеко идущие последствия для китайско-индийских отношений. В тактическом плане можно ожидать нарастания политической напряженности и военного противостояния в спорном районе. Несмотря на начавшийся военно-политический диалог между Пекином и Нью-Дели по данной проблеме, стороны параллельно развернули активное военное строительство в зоне конфликта, усилили пограничные части, а Китай создал так называемую народную милицию, состоящую из лучших специалистов по рукопашному бою.

В среднесрочном плане конфликт чреват потерями для развития двусторонних экономических отношений. В Индии началась кампания запретов на использование китайских товаров, продуктов, систем программного обеспечения, инвестиций и т. п. Реакция Пекина неадекватна: Китай продолжает линию на прежнее развитие двусторонних связей в экономике. Однако пока этого недостаточно. Экономическое сотрудничество вступило в фазу постепенного сворачивания, по крайней мере до того критического уровня, ког-

да Индия усмотрит так называемый неприемлемый негатив от сокращения торговли и китайских инвестиций.

В аналитических и политических кругах Индии начали обсуждать стратегические последствия нынешнего конфликта. Здесь заговорили о смене стратегии внешней безопасности Индии, имея в виду переход от сегодняшней линии на “равноудаленность” от Китая и США к новой – на сотрудничество с США, странами G7 и другими государствами, заинтересованными в сдерживании Китая.

В этом контексте начинается формирование новой международной структуры, в дополнение к формату *Quadrilateral Security Dialogue (QUAD)*: США, Япония, Австралия, Индия), нацеленной на **глобальное сдерживание Китая**. Эта структура получила в каком-то смысле романтическое название «Сеть “*Blue Dot*”», позаимствованное из истории американских космических исследований: в начале 1990-х годов снимок планеты Земля из глубокого космоса был назван именно так: “*Blue Dot*” (Голубая точка) [6].

Идея предполагает подключение на первом этапе к странам *QUAD* еще нескольких государств: Вьетнама, Южной Кореи и Новой Зеландии – с целью создания “демократической и многосторонней альтернативы” китайской стратегии “Один пояс, один путь”. Реакция Пекина пока наблюдательная. В Китае понимают, что в практическом смысле формирование подобного рода инвестиционной альтернативы “Поясу и Пути” будет делом долгим и непростым: механизмы многосторонних согласований финансирования тех или иных проектов в рамках каких-либо инициатив требуют времени и на деле более сложны в реализации, чем двусторонние связи, на которые делает акцент китайская инициатива. Собственно, и сами индийские авторы новой стратегии понимают уязвимость разрабатываемых будущих многосторонних форматов перед уже широко используемым китайским механизмом финансирования инфраструктуры мировой экономики. И тем не менее Нью-Дели рассчитывает на то, что «Сеть “*Blue Dot*”» сможет нанести по крайней мере имиджевый удар по глобальному позиционированию китайских стратегических инициатив.

Тема Гонконга привела к резкому обострению отношений Лондона и Пекина. Последний недоволен планами Великобритании упростить режим предоставления английского гражданства жителям специального административного района после принятия Закона о безопасности в Гонконге. Китайские власти увидели в этом риски массового исхода населения с негативными последствиями для экономики Гонконга и его роли как международного финансового центра. Раздражение Пекина

усиливается в связи с британскими действиями по подключению к этим планам и других стран союзнического формата “*Five Eyes*” (Великобритания, США, Канада, Австралия и Новая Зеландия) [7].

К концу второго квартала 2020 г. сразу по целому ряду причин **ухудшились отношения Китая со странами ЕС**, поскольку последний:

- присоединился к коллективному мировому давлению на КНР по Закону о национальной безопасности в Гонконге;

- тормозит подписание инвестиционного соглашения с Китаем, добиваясь от него уступок в плане прекращения государственного субсидирования китайских государственных предприятий, обвиняя Пекин в том, что такое субсидирование уменьшает конкурентные преимущества европейских компаний уже и на глобальном, а не только на внутреннем китайском рынке;

- вновь усилил приглушенную было подозрительность к инициативе “Один пояс, один путь”. На этот раз поводами стали: во-первых, использование КНР, по мнению ЕС, ситуации мировой пандемии для дополнительного усиления позиций в странах – участницах своей инициативы; во-вторых, рост задолженности восточноевропейских стран перед Китаем с негативными последствиями для ЕС в плане усиления китайских позиций в Европе против интересов европейского бизнеса;

- озабочен политикой КНР по выполнению своих торговых обязательств перед США с точки зрения увеличения импорта американской сельхозпродукции, что в европейском восприятии подрывает интересы аграрного бизнеса ЕС.

В отношениях **со странами Африки** обострилась старая долговая проблема: несмотря на то что Китай идет на рассрочки в погашении африканцами китайских кредитов, Африка этим не довольна. Стараясь “выжать” по максимуму из современного этапа китайско-американской конкуренции за мировое влияние, в том числе за лидерство в борьбе с *COVID-19*, африканские должники КНР говорят, что одних отсрочек мало, что Китай должен больше идти на уступки и оказывать еще большую финансовую помощь [8].

Летом 2020 г. Пекину были предъявлены новые претензии со стороны **АСЕАН**, связанные с существующими территориальными спорами. Наиболее жесткие обвинения в “незаконном строительстве” островов в Южно-Китайском море ему были предъявлены Вьетнамом и Малайзией. И хотя на данный момент (середина 2020 г.) сторонам удается избегать прямых вооруженных столкновений, уровень военно-политической напряженности в регионе сохраняется.

Китай занял традиционную для последнего времени нейтрально-пассивную позицию по корейской проблематике, в данном случае – по факту нового резкого обострения в июне 2020 г. отношений между **Северной и Южной Кореей**. Пхеньян тогда выразил недовольство активизацией пропагандистской кампании неправительственных организаций Юга против Севера (*заброс листовок, флеш-накопителей с антисеверокорейскими материалами на территорию Севера при помощи воздушных шаров*). За этим последовали раздраженные военные жесты Севера в отношении Юга, включавшие демонстративный подрыв расположенного на северокорейской территории здания представительства связи Южной Кореи. Китай призвал к “сдержанности и разрешению разногласий мирными методами”.

Более благополучно развиваются отношения Китая с **Латинской Америкой**, куда Пекин продолжает направлять большие финансовые ресурсы, в том числе для борьбы с пандемией в Бразилии [9].

ГОНКОНГ: АХИЛЕССОВА ПЯТА КИТАЯ?

В случае если новая администрация реализует угрозы Д. Трампа в адрес Гонконга (*лишение статуса особой таможенной территории в торгово-экономических взаимосвязях с США*), негативный экономический эффект в отношении материкового Китая будет, скорее всего, минимальным. Особый таможенный режим со стороны Соединенных Штатов действует только в отношении товаров, произведенных на территории самого Гонконга. В отношении всех остальных товаров, например экспортированных с территории материкового Китая или из других стран в Гонконг и реэкспортированных далее, в соответствии с Законом о политике между США и Гонконгом от 1992 г. (*S.1731*), действует обычный режим, как и для всех американских торговых партнеров в рамках ВТО [10].

Общий объем гонконгского экспорта в США оценивается примерно в 45 млрд долл., и теоретически повышение пошлин на отдельные группы товаров до 25% (*аналогично пошлинам, действующим в отношении товаров, произведенных в материковом Китае*) может привести к “краху” экономики Гонконга. Однако на практике, в соответствии с указанным выше законом *S.1731*, от американских тарифных санкций пострадает лишь около 1% гонконгского экспорта, поскольку приблизительно 99% всех товаров произведено в других юрисдикциях, откуда они экспортируются в Гонконг, а затем реэкспортируются в США. В денежном выражении 1%-я доля составляет не более 450 млн долл. На оставшиеся 99% “гонконгских” товаров уже действует повышенная пошлина [11]. Конечно, 450 млн долл. – это не так мало, но не сокруши-

тельно для гонконгской экономики, которая пострадала гораздо сильнее от *COVID-19*.

Вместе с тем на фоне торгово-экономической войны и массовых акций протеста в Гонконге Китай предпринимает действия, направленные на усиление роли Макао как финансового центра взамен Гонконгу. Одна из целей Пекина – создать в Макао биржу, на которой будут торговаться финансовые инструменты, номинированные в юанях. На первом этапе это будут преимущественно облигации, выпущенные провинциальными материковыми властями и китайскими государственными компаниями. Далее, как предполагается, биржа должна превратиться в полноценное подобие американской *NASDAQ*, на которой будут котироваться ценные бумаги, выпущенные высокотехнологичными компаниями, расположенными в формируемом регионе Большого залива (провинция Гуандун – САР Гонконг – САР Макао) [12].

Вместе с тем китайские власти могут столкнуться с определенными трудностями на пути превращения Макао в международный финансовый центр. Во-первых, почти вся 400-тысячная рабочая сила в этом САР занята в сфере услуг, а не финансов. Во-вторых, в Макао недостаточны развиты секторы экономики, которые необходимы для поддержания Гонконга в качестве мирового финансового центра: юриспруденция, бухгалтер, разнообразное рейтингование и др. В-третьих, в Макао неразвита финансовая инфраструктура: работают всего 29 малых банков и 24 страховых компании. В-четвертых, в отличие от гонконгского доллара, юань до сих пор не является полноценно свободно конвертируемой валютой, а объем конвертируемых офшорных юаней, обращающихся в Макао, составляет всего примерно 1.25% (в Гонконге – 72%) от общей их суммы. В-пятых, более 70% ВВП Макао формируется специфическим образом: за счет азартных игр, гостиниц и ресторанов [13].

В целом вклад финансовой отрасли в ВВП Макао достигает примерно лишь 7%, и увеличить его хотя бы до 30–40% в кратко- и среднесрочной перспективе может быть достаточно сложно.

ДВЕ СЕССИИ

В мае 2020 г. в Пекине прошли перенесенные с марта из-за пандемии так называемые две сессии Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая (ВК НПКСК) и Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП). Экономический фон сессий был двойственным. После падения ВВП КНР в первом квартале 2020 г. на 6.4% во втором квартале был отмечен рост на 3.2% [14].

По итогам первого полугодия 2020 г. китайская экономика стала постепенно восстанавливаться после провала в первом квартале: большая часть экономических показателей демонстрировала хотя и низкий, но все-таки прирост. В то же время естественно, что по итогам первых шести месяцев в целом отдельные статистические показатели находятся в отрицательной зоне. ВВП сократился на 1.6% по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.

На сессии ВСНП премьером Госсовета Ли Кэцяном был представлен доклад о работе правительства в 2019 и первом квартале 2020 г. [5].

Базовый тезис первой части доклада может быть представлен в следующем варианте: “Мы справились с эпидемией, однако борьба не окончена”. Страна столкнулась с серьезными проблемами: мировая экономика переживает глубокий спад, затруднено функционирование производственных и логистических цепочек, уменьшаются объемы мировой торговли и инвестиций, сохраняется высокая степень неопределенности на мировых рынках. Эти негативные факторы привели к снижению внутреннего китайского потребления, падению объема инвестиций как частных китайских, так и привлекаемых иностранных, а также к сокращению объема китайского экспорта. Из-за этого в Китае обострились проблемы на рынке труда и значительно ухудшилось положение частных средних и малых предприятий. Кроме того, усугубились дисбалансы между доходами и расходами провинциальных властей, продолжают накапливаться риски в финансовой и других сферах.

Китайские аналитики обращают внимание на то, что премьер открыто отметил недочеты в работе властей – это формализм и бюрократизм. Ли подчеркнул, что **“некоторая часть кадровых работников либо боится брать на себя ответственность и бездействует, либо вообще не умеет работать и даже своевольничает”**, **“в некоторых сферах наблюдаются частые случаи коррупции”**, а в **“ходе борьбы с эпидемией было выявлено немало слабых звеньев в управлении чрезвычайными ситуациями в области общественного здравоохранения и других сферах”**.

Во второй части доклада правительство утвердило и представило основные социально-экономические ориентиры и планы на 2020 г. Главная цель остается прежней – построить “среднезажиточное общество”. Его характеристики включают в себя:

- уровень ВВП на душу населения – выше 3 тыс. долл.;
- чистый доход на душу населения в городах – выше 18 тыс. юаней в год (примерно 2550 долл.);
- чистый доход на душу населения в сельской местности – выше 8 тыс. юаней в год (около 1100 долл.);

- коэффициент Энгеля должен составить ниже 40%;
- жилплощадь на душу населения в городах – 30 кв. м;
- уровень урбанизации – выше 50% населения страны;
- доля обладателей компьютеров – выше 20% населения страны;
- количество принятых в вузы от общей численности граждан соответствующей возрастной группы – выше 20%;
- количество врачей на 10 тыс. человек – не менее 28;
- охват населения социальным обеспечением – выше 95% [15].

Тактические цели и социально-экономические ориентиры на 2020 г. с учетом корректировок после пандемии были следующими:

- создать более 9 млн рабочих мест в городах и сельской местности;
- поддерживать безработицу на уровне примерно 5.5%;
- сохранять темпы прироста индекса потребительских цен примерно на уровне 3.5% в год;
- поддерживать стабильность импорта и экспорта, а также обеспечивать повышение их качества;
- окончательно ликвидировать бедность в сельских районах;
- снизить удельную энергоёмкости ВВП и суммарные выбросы основных видов загрязняющих веществ;
- приложить усилия для выполнения целевых показателей, намеченных в 13-м Плате социально-экономического развития КНР на 2016–2020 гг.

Ли Кэцян особо подчеркнул: **“Мы не определили конкретные цифры годовых темпов роста экономики”**. По его словам, **“это объясняется главным образом тем, что из-за большой неопределенности в глобальной эпидемической и торгово-экономической ситуации появились некоторые непредсказуемые факторы на пути развития нашей страны”**. Ли также отметил, что необходимо **“найти новую модель развития, которая позволит эффективно противостоять негативным воздействиям и обеспечить бесперебойную циркуляцию экономики”**.

Первая составляющая новой модели – увеличение производства высокотехнологичного оборудования. Пекин планирует инвестировать примерно 1.4 трлн долл. до 2025 г. в создание и развитие сетей связи пятого поколения, беспроводные сети связи, разработку систем искусственного интеллекта для промышленности, систем безопасности и т. д.

Ставка делается на национальные китайские компании: *Alibaba, Huawei, SenseTime, Tencent* и др. [16].

Вторая составляющая – продолжение осуществления инфраструктурных инвестиций в рамках программы развития западных и центральных провинций КНР (*в том числе новые высокоскоростные железные дороги, хранилища энергоносителей, крупные промышленные предприятия и т. д.*).

Третья составляющая – это традиционное расширение внутреннего спроса как один из способов предотвращения внешнеэкономических шоков.

В августе 2020 г. новая модель была формализована: Политбюро ЦК КПК рассмотрело и утвердило стратегию “двойной циркуляции”, основные положения которой Си Цзиньпин представил еще в мае 2020 г. Главная идея стратегии заключается в развитии внутреннего рынка и расширении потребительского спроса и, кратко, может быть выражена формулой **“производить в Китае для Китая”** [17].

Объем бюджетного дефицита в 2020 г. составил 3.6% ВВП (*увеличение примерно на 140 млрд долл. по сравнению с 2019 г.*). Дополнительно были выпущены специальные гособлигации также на сумму примерно 140 млрд долл. для финансирования борьбы с пандемией. В бюджеты провинциальных властей суммарно перечислено 280 млрд долл. для балансировки их доходов и расходов. Был создан специальный механизм трансфертов, предназначенный для прямого перечисления средств в городские и уездные бюджеты, чтобы деньги шли напрямую предприятиям и населению. Трансфертные перечисления были направлены преимущественно на обеспечение занятости, поддержание базового благосостояния населения и оказание помощи субъектам рынка, в том числе в целях сокращения налогов и денежных сборов, снижения арендной платы и процентных ставок по кредитам, расширения потребления и увеличения инвестиций и т. д.

Ли отметил, что власти **«ни в коем случае не допустят их “распила” и нецелевого расходования»**. В КНР **“строго запрещаются строительство новых административных зданий, правительственных гостиниц и других комплексов, транжирство и расточительность”**. Несрочные и необязательные расходы были сокращены более чем на 50%.

Выполнение экономических задач, поставленных на 2020 г., имеет повышенное **политическое значение** для китайского руководства. Согласно долгосрочным планам и планам последней 13-й пятилетки (2016–2020 гг.), в 2020 г. должно быть полностью построено общество “среднего достатка” (*“сяокан”*), о котором шла речь выше. Сегодня уже достигнуты многие основные показатели уровня

“сяокан”, например ВВП на душу населения КНР превышает 10 тыс. долл., почти решен вопрос бедности, городское население составляет — более 50% и т. д. Однако Пекину важно показать, что, несмотря на пандемию, показатели “сяокан” будут полностью “покорены”. Для этого темпы прироста ВВП Китая в 2020 г. должны быть на уровне, представляющемся нам реальным, в 2.5–3.0%.

АМЕРИКАНО-КИТАЙСКОЕ “РАЗЪЕДИНЕНИЕ” В ФИНАНСОВОЙ СФЕРЕ

Полноценного “разъединения” США и КНР в финансовой сфере пока не происходит. Угрозы Д. Трампа запретить размещение и остановить обращение ценных бумаг, выпущенных китайскими компаниями на американских фондовых биржах в случае, если они не соблюдают налоговое законодательство Соединенных Штатов, пока остаются нереализованными (*хотя, скорее всего, со временем ситуация изменится в худшую для Китая сторону*).

Ряд американских компаний, несмотря на риторику Трампа, расширяет свое присутствие в КНР. Например, в последнее время:

- PayPal приобрела 70% китайской GoPay, став первой иностранной компанией, предоставляющей услуги онлайн-платежей в КНР;
- Goldman Sachs получила одобрение от китайских властей на увеличение своей 33%-й доли в совместной компании Goldman Sachs Gao Hua Securities Co. до 51%;
- Morgan Stanley получила одобрение увеличить свою 49%-ю долю в совместной Morgan Stanley Huaxin Securities Co. до 51%;
- JP Morgan получила право учредить компанию, торгующую ценными бумагами на китайском рынке, с полностью иностранным капиталом;
- American Express получила право стать первой иностранной компанией, которая совместно с китайской будет предоставлять клиринговые услуги (Visa и MasterCard подали заявку на предоставление им такого же права);
- S&P Global учредила полностью иностранную компанию на китайском рынке, предоставляющую рейтинговые услуги на внутреннем китайском рынке ценных бумаг;
- подразделение Fitch получило право присваивать рейтинги китайским банкам, небанковским финансовым институтам и другим финансовым компаниям [18].

Масштабного переноса производства из КНР в США также не происходит. Опрос, проведенный в марте 2020 г. Американской торговой пала-

той в Китае, показал, что более 80% американских компаний не планируют переносить производство в другие страны [19]. Конечно, по итогам 2020 г. можно ожидать сокращения американских инвестиций в Китай. Однако такое сокращение произойдет скорее в рамках рецессии из-за пандемии, а не из-за заявлений Д. Трампа.

Пока одним из немногих свидетельств американо-китайского “разъединения” в финансовой сфере остается резкое сокращение китайских инвестиций в Соединенные Штаты: в 2016 г. их объем достиг своего пика — в 46.5 млрд долл., а в 2019 г. упал до 4.8 млрд [20]. К “разъединению” в области инвестиций может добавиться и одностороннее “разъединение” в сфере ценных бумаг.

По состоянию на конец второго квартала 2020 г. примерно 230 китайских компаний с общей капитализацией в 1.8 трлн долл. разместили свои акции на американской Нью-Йоркской фондовой бирже и NASDAQ [21]. 20 мая 2020 г. американский Сенат утвердил Закон об ответственности иностранных компаний (S. 945), который обяжет китайские компании, не соответствующие стандартам американского Совета по надзору за бухгалтерским учетом открытых акционерных компаний, прекратить размещение своих ценных бумаг в течение трех лет [22].

РОССИЙСКО-КИТАЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

На фоне негативного для Китая развития событий на внешнеполитическом направлении нюансы появились в **российско-китайских** отношениях.

В **военно-политическом** плане обе стороны продолжали использовать взаимные отношения “всестороннего стратегического партнерства” в целях усиления своего собственного позиционирования в противостоянии с США. Объединяющим моментом здесь являлось очередное обозначение в своих последних документах России и Китая как “угрозы” американским интересам. Обе страны делают акцент на “совместности” в противодействии Соединенным Штатам, оказывают друг другу поддержку в вопросах, которые не требуют “личных жертв”, стараются избегать выражения недовольства там, где позиции Москвы и Пекина расходятся.

РФ официально поддержала Китай в тех вопросах, в которых он был особенно заинтересован: в критике действий США по Гонконгу, подчеркивая, что происходящее в данном САР — это “внутреннее дело КНР”; в связи с принятием американцами Закона о политике в области прав человека в отношении уйгуров, — характеризуя это как недопустимое “вмешательство во внутренние дела китайской стороны”.

Китай продолжал оказывать России помощь в борьбе с коронавирусом. Си Цзиньпин 8 июля в телефонном разговоре с российским президентом выразил поддержку голосованию в РФ по поправкам к Конституции. Подчеркнул важность взаимодействия в противодействии “внешнему саботажу и вмешательству”, в “защите собственного суверенитета”. Предложил следующие первоочередные направления сотрудничества: сферы высоких технологий, разработок вакцины и лекарственных препаратов, биологической безопасности.

Вместе с тем Россия приняла позицию Китая, который отказался присоединиться к российско-американским переговорам по сокращению стратегических наступательных вооружений под предлогом, что его ядерный потенциал значительно меньше американского и российского. Пекин в свою очередь смирился с нейтральной и взаимно-отдаленной позицией Москвы по нынешнему военному конфликту Китая с Индией.

Новые моменты проявляются в сфере **экономики**. В торговле наметилось естественное в условиях пандемических ограничений замедление роста взаимного товарооборота.

На фоне обострения китайско-американских отношений в российских политических, дипломатических и экспертных кругах развернулись дискуссии о роли Китая в мировой экономике, рисках и новых возможностях для России от финансового и экономического “разъединения” КНР и США. Часть экспертов склонна искать **выгоды** в ухудшении китайско-американских финансово-экономических отношений. Таким образом, ими рассматриваются риски и возможности, открывающиеся для России в связи со стремлением США “внести кардинальные изменения” в характер и структуру двусторонних финансово-экономических связей с Китаем.

Авторы этого подхода исходят из того, что, как им представляется, происходящая в мире “тенденция деглобализации” и прогнозируемая ими “расцепка” американо-китайского хозяйственного тандема – в результате линии Д. Трампа на перенос производства в США – могут иметь далеко идущие последствия как для мировой экономики и международной политики, так и китайско-американских отношений. Они полагают, что Китай обязательно будет жестко отвечать на развернутую против него политику сдерживания с американской стороны в финансово-экономическом измерении. Он будет стремиться к уменьшению роли доллара США как основной резервной валюты и средства расчетов в международной торговле, к повышению своего влияния на деятельность МВФ, ВТО и других международных институтов. Такие новые тенденции,

по их мнению, могут быть использованы Россией против американского влияния.

Сторонники другого подхода, к которым авторы статьи причисляют и себя, обращаясь сначала к концептуальной стороне проблемы, считают неверными рассуждения о “кризисе” глобализации, о “деглобализации” и о том, что глобализация сводится к таким показателям, как доля торговли в ВВП, или к таким шагам, как выход или не выход страны из международных договоров и организаций. Они предлагают рассматривать глобализацию как **объективную тенденцию** и как **сознательную политику** государства. Как объективная **тенденция** глобализация означает, что мир становится информационно и коммуникационно более близким, что все большее число проблем переходит на глобальный уровень видения и требует объединения мировых усилий для решения. Регионализм предлагается также рассматривать в двух вариантах: как переход той или иной проблемы на региональный уровень видения и, соответственно, новую ступеньку в развитии глобализации при движении снизу вверх; либо как региональную или локальную альтернативу глобализации, когда региональный или национальный подход кажется более приемлемым для нахождения решения. Как **политика государства, политика глобализации может быть более или менее активной**. В крайнем варианте может приводить к “самоизоляции”.

Исходя из такого видения глобализации, **сторонники второго подхода** отмечают, что действия США последнего времени (*например, их выход из переговоров по заключению коллективных торговых-экономических договоров, использование различных механизмов для защиты национально рынка и т. д.*), которые могут восприниматься как проявление **деглобализации**, целесообразно рассматривать скорее как вариант американской “политики глобализации”, направленной на получение более выгодных условий сотрудничества в рамках глобализации или, если угодно, – **реглобализации**. В том смысле, что США не останавливают этот процесс, а пытаются создать новые глобальные “правила игры”, более выгодные для себя.

Нетрадиционные угрозы, например пандемия *COVID-19*, с которыми возможно справиться только совместными усилиями на глобальном уровне, актуализируют потребность в глобализации.

Курс на “**расцепку**” американо-китайского **хозяйственного тандема** представляется, скорее, предвыборной риторикой Д. Трампа и может быть реализован только в ограниченном масштабе. Ни одна страна мира в полной мере не может заменить Китай как производственную базу. Существенные изменения в глобальных производственных цепоч-

ках (замещение КНР другими странами) могут произойти в среднесрочной перспективе, однако скорее не из-за пандемии или американо-китайской торговой войны (поиск новых надежных поставщиков конечной продукции или полуфабрикатов может занимать от одного года и более), а из-за промышленной политики самого Китая, направленной на расчистку пространства для модернизации национальной экономики (выдавливание устаревших производств за пределы страны).

При этом КНР под давлением США не противодействует, а старается адаптироваться и постепенно реформировать национальные экономические нормы в соответствии с лучшими мировыми практиками. Китай готов к торговым компромиссам. Одновременно с этим он, как отмечалось выше, очерчивает круг вопросов, по которым уступок не будет: национальная безопасность, общественно-политический строй и система управления, территориальная целостность.

Кроме того, стремление США внести кардинальные изменения в характер и структуру двусторонних финансово-экономических связей проявляется в отношении не только с Китаем, но также и с Евросоюзом, Японией, Южной Кореей, Канадой, Мексикой и другими странами. Они и здесь “выбивают” более выгодные условия для своего лидерства в рамках уже существующих финансово-экономических связей.

Вместе с тем, предположив, на наш взгляд, маловероятное развитие событий, когда Соединенные Штаты пойдут на реальные агрессивные блокирующие действия в отношении Китая в **финансово-экономической сфере**, следует признать,

что степень готовности Пекина **отвечать на политику сдерживания со стороны Вашингтона** на данный момент достаточно низка. КНР является частью существующей финансово-экономической инфраструктуры, в которой доминирующее положение (по совокупному капиталу, репутации и другим характеристикам) занимают западные финансовые институты.

Китай только приступил к созданию собственной глобальной финансово-экономической системы, в основе которой Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути, сеть своп-договоров со странами проекта “Один пояс, один путь”, расширение торговли и кредитования в национальных валютах (интернационализация юаня) и прочие действия. При этом подобные китайские инициативы существуют в рамках сложившейся финансово-экономической системы, а не заменяют ее. Нынешние же позиции Китая в мировой финансовой сфере еще весьма слабы. Доля юаня в международной торговле по-прежнему незначительна, темпы ее прироста низки (рис. 1).

Юань пока не может оспаривать **роль доллара как основной резервной валюты и средств расчетов в международной торговле** из-за нестабильности, отсутствия “положительной” истории, удобства применения (несмотря на включение юаня в корзину валют МВФ). Мировые центробанки опасаются вложений в нестабильные валюты (рис. 2), а китайские частные компании предпочитают осуществлять операции в долларах.

В целом Китай пока не стремится к **дедолларизации** мировой экономики – на данном этапе это невозможно. Китайские финансовые инициативы

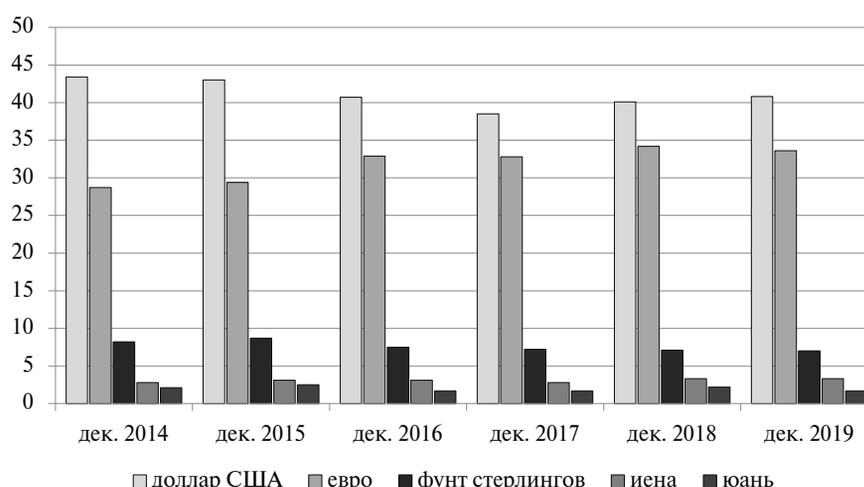

Рис. 1. Доля валют в общем объеме международных платежей за декабрь 2015 г. – декабрь 2019 г., %

Составлено авторами по данным Международной межбанковской системы передачи информации и совершения платежей (SWIFT). Available at: <https://www.swift.com/insights/press-releases?year%5B2019%5D=2019#topic-tabs-menu> (accessed 20.07.2020).

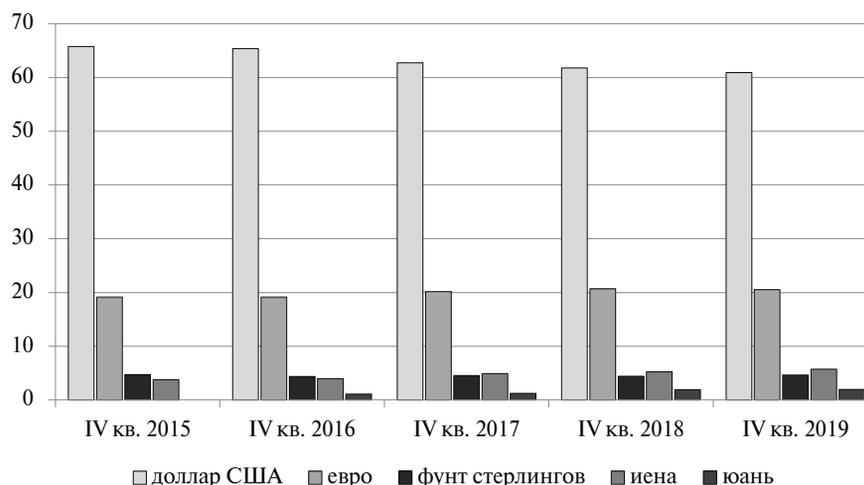

Рис. 2. Доля валют в общем объеме золотовалютных резервов в IV кв. 2015 г. – IV кв. 2019 г., %

Составлено авторами по данным МВФ. Available at: <https://data.imf.org/regular.aspx?key=41175> (accessed 20.07.2020).

и институты не подменяют собой МВФ, Всемирный банк или ВТО. Наоборот, Китай постепенно приближается к практикам, используемым глобальными финансово-экономическими организациями, для повышения своей национальной конкурентоспособности.

Наконец, представляется более обоснованным тот взгляд, согласно которому развитие отношений соперничества и сотрудничества КНР и США в экономике оказывает **незначительное влияние на российскую экономику**. Возможности использования американо-китайских противоречий в пользу РФ ограничены: во-первых, из-за американских санкций, пугающих китайский капитал при выстраивании стратегии его взаимодействия с Россией; во-вторых, из-за российских собственных экономических проблем (низких темпов экономического роста, относительно малой емкости российского рынка, сырьевой структуры экономики и т. п.).

Отдельные российско-китайские межгосударственные проекты могут быть реализованы на условиях расчетов в национальных валютах. Однако это может привести к формированию сверхзависимости российского рынка от поставок разнообраз-

ных товаров из КНР и ограничению возможностей маневра для экономики России. При получении выручки от внешнеэкономических операций в юанях российские компании будут вынуждены приобретать китайские товары и фактически субсидировать экономику Китая, так как закупка товаров в других странах потребует дополнительных расходов на конвертацию юаней в иную валюту.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть двойственность, складывающуюся сегодня на финансово-экономическом и военно-политическом пространствах российско-китайских отношений. В экономике Китай полагает возможным лишь ограниченное использование России как карты в своей игре на укрепление конкурентных позиций в отношении соперничества и сотрудничества с США. В вопросах внутренней и внешней политики, исходя из значимой военно-политической роли России в мире, Пекин рассчитывает на большую поддержку Москвы и на значительно более активное, чем в экономике, использование российской карты в отношениях с Вашингтоном.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. 中华人民共和国香港特别行政区维护国家安全法 [Law of the People's Republic of China on Safeguarding National Security in the Hong Kong Special Administrative Region (In Chin.)] Available at: <http://www.npc.gov.cn/npc/c30834/202007/3ae94fae8aec4468868b32f8cf8e02ad.shtml> (accessed 01.08.2020).
2. *The Chinese Communist Party's Ideology and Global Ambitions*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/briefings-statements/chinese-communist-partys-ideology-global-ambitions/> (accessed 02.08.2020).
3. Власти Китая назвали условие участия в переговорах по ядерным вооружениям. TACC, 08.07.2020. [Chinese authorities have called the condition of participation in negotiations on nuclear weapons. TASS, 08.07.2020 (In Russ.)] Available at: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8909563> (accessed 02.08.2020).
4. S.3744 – Uyghur Human Rights Policy Act of 2020. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/3744> (accessed 20.07.2020).

5. Доклад о работе правительства. *Russian.people.com*, 05.06.2020. [Report on the work of the government. *Russian.people.com*, 05.06.2020. (In Russ.)] Available at: <http://russian.people.com.cn/n3/2020/0605/c95181-9697762.html> (accessed 20.07.2020).
6. Jagannath P. Panda. India, the Blue Dot Network, and the “Quad Plus” Calculus. *Journal of Indo-Pacific Affairs*, 2020. Available at: <https://idsa.in/system/files/news/india-bdn-quad-plus.pdf> (accessed 25/07/2020).
7. Five Eyes Alliance: Everything You Need to Know. *Business Leader*, September 20, 2019. Available at: <https://www.businessleader.co.uk/five-eyes-alliance-everything-you-need-to-know/73523/> (accessed 20.08.2020).
8. Ezekwesili O. Aid is no longer enough: China must pay Africa for pandemic damages. *The Globe and Mail*, April 17, 2020. Available at: <https://www.theglobeandmail.com/opinion/article-aid-is-no-longer-enough-china-must-pay-africa-for-pandemic-damages/> (accessed 25.08.2020).
9. Latin America seeks Chinese medical aid to fight coronavirus. *Brazilian Report*, April 12, 2020. Available at: <https://brazilianreport/latin-america/2020/04/12/china-latin-america-medical-aid-fight-coronavirus/> (accessed 15.08.2020).
10. S.1731 – *United States-Hong Kong Policy Act of 1992*. *Congress Gov*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/102nd-congress/senate-bill/1731> (accessed 20.08.2020).
11. Lardy N.R. Trump’s latest move on Hong Kong is bluster. *PIIE*, June 1, 2020. Available at: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/trumps-latest-move-hong-kong-bluster> (accessed 10.08.2020).
12. 中共中央 国务院印发 “粤港澳大湾区发展规划纲要” [The Central Committee of the Communist Party of China and the State Council issued the “Outline of Development Plan for the Guangdong-Hong Kong-Macao Greater Bay Area” (In Chin.)] Available at: http://www.gov.cn/zhengce/2019-02/18/content_5366593.htm#allContent (accessed 21.08.2020).
13. Huang T. *China thinks Macau can replace Hong Kong as an international financial hub*. *PIIE*, May 29, 2020. Available at: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/china-thinks-macau-can-replace-hong-kong-international-financial-hub> (accessed 01.08.2020).
14. *Preliminary Accounting Results of GDP for the Second Quarter and the First Half Year of 2020*. National Bureau of Statistics of China, June 17, 2020. Available at: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202007/t20200717_1776596.html (accessed 21.08.2020).
15. 全面建成小康社会 [Build a well-off society in an all-round way (In Chin.)] Available at: <https://baike.baidu.com/item/全面建成小康社会> (accessed 20.08.2020).
16. China has new US \$1.4 trillion plan to seize the world’s tech crown from the US. *South China Morning Post*, 21.05.2020. Available at: <https://www.scmp.com/tech/policy/article/3085362/china-has-new-us14-trillion-plan-seize-worlds-tech-crown-us> (accessed 01.08.2020).
17. 习近平主持中央政治局常务委员会会议分析国内外新冠肺炎疫情防控形势 研究部署抓好常态化疫情防控措施落地见效 研究提升产业链供应链稳定性和竞争力 [Xi Jinping presided over the meeting of the Standing Committee of the Political Bureau of the Central Committee. Analyzed the situation of prevention and control of the new crown pneumonia epidemic at home and abroad (In Chin.)] Available at: http://www.gov.cn/xinwen/2020-05/14/content_5511638.htm (accessed 20.07.2020).
18. Lardy N.R., Huang T. *Despite the rhetoric, US-China financial decoupling is not happening*. *PIIE*, July 2, 2020. Available at: <https://www.piie.com/blogs/china-economic-watch/despite-rhetoric-us-china-financial-decoupling-not-happening> (accessed 30.07.2020).
19. *2020 Business Climate Survey*. AmChamChina. Available at: <https://www.amchamchina.org/policy-advocacy/business-climate-survey/> (accessed 15.08.2020).
20. Schott J., Chorzempa M., (Lucy) Lu Zh. *Investment from China into the United States Has Fallen to Nearly Zero*. *PIIE*, May 21, 2019. Available at: <https://www.piie.com/research/piie-charts/investment-china-united-states-has-fallen-nearly-zero> (accessed 20.08.2020).
21. Matthews Ch. Bill that could delist Chinese companies from U.S. stock exchanges to see “swift passage” in House, analyst says. *Capitol Report*, May 21, 2020. Available at: <https://www.marketwatch.com/story/bill-that-could-delist-chinese-companies-from-us-stock-exchanges-to-see-swift-passage-in-house-analyst-says-2020-05-21> (accessed 14/08/2020).
22. S.945 – *Holding Foreign Companies Accountable Act*. *Congress Gov*. Available at: <https://www.congress.gov/bill/116th-congress/senate-bill/945> (accessed 12.08.2020).

BEIJING’S PAIN POINTS – 2 (Glance from mid-2020)

(*World Economy and International Relations*, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 70-81)

Received 25.08.2020.

Vasily V. MIKHEEV (mikheev@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation;

Sergei A. LUKONIN (sergeylukonin@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

In China, the topics of pandemic and economic recovery gradually lose their importance and give place to another deterioration in U.S.–China relations due to pressure from the United States on Hong Kong, Xinjiang Uygur Autonomous region, and the insufficient, according to the American side, pace of implementation of China's first phase of commercial transactions with the United States. Beijing takes Washington's threats to deprive Hong Kong of the status of a special customs territory in trade and economic cooperation with the U.S. quite seriously. However, Chinese experts note that the implementation of these threats will not lead to the collapse of the Hong Kong economy, since the most-favored-nation regime applies to about 5% of Hong Kong's exports to the United States. At the same time, Beijing is trying to find an alternative to Hong Kong as a financial center in the face of Macao. However, the main characteristics of the Macao economy do not yet allow us to seriously talk about a full-fledged replacement, since most of the GDP of this special administrative region is formed by the gaming, tourism and restaurant industries. To a certain extent, the "position" of Hong Kong is claimed by Shanghai, but the extent of its claims is limited by the Chinese legal system, which is less flexible and liberal than that of Hong Kong. In May 2020, the so-called "Two sessions" were held in Beijing: the national Committee of the People's Political Consultative Council of China (CPPCC) and the National People's Congress (NPC). The latter presented a report on the government's work in 2019 and the first quarters of 2020. The report contains the main guidelines and targets for the country's socio-economic development for the current year, as well as a list of measures to support the economy in the so-called "post-crisis" period. Most of the mechanisms for stimulating growth are of a fiscal nature: the authorities do not want to inflate the amount of debt owed by public and private companies too much, and they go, first of all, for tax breaks. At the same time, the Central budget deficit is expected to increase to 3.6% due to reduced tax revenues because of quarantine measures and increased government spending to support consumer demand. At the same time, Beijing announced a reduction in spending by the central and provincial governments on "unimportant" and "non-priority items": construction of buildings, business trips, celebrations, etc. The report on the government's work reflected the desire of the Chinese leadership to accelerate the ongoing work on "launching" a new economic model of China's development, aimed not at achieving high growth rates, but at quality indicators. For the first time, the NPC session did not specify the expected GDP growth rate in 2020. However, the main characteristics of this model have not yet been fully clarified. In the first approximation, it is a bet on the production of high-tech products, the implementation of traditional infrastructure projects within China and the expansion of domestic consumption – while maintaining the strategy of going outside in the format of the "Belt and Road" (or the "Silk Road Economic Belt"). The so-called "separation" of China and the United States in the financial and economic spheres, which is widely discussed in the world press, has not yet taken place. D. Trump's "return of American business to the United States" is not yet perceived by the American private business itself, which is interested in expanding its presence in Chinese financial and other markets. China, for its part, by opening previously closed sectors of its economy is trying to provide new business opportunities to American companies in a "compromise" way, in contrast to military and political issues, where Beijing acts extremely harshly. In Russian-Chinese relations, there is still a trend to deepen strategic partnership in the military-political sphere and, if possible, in the economy – taking into account the negative consequences of the pandemic and adjusting for the scale of the Russian economy.

Keywords: world economy, China, USA, "trade war", "trade deal", Hong Kong, Russian-Chinese relations.

About authors:

Vasily V. MIKHEEV, Doctor of Economics, Full Member of RAS, Member of Directorate, Head of Research at the "Center for Asia Pacific Studies";

Sergei A. LUKONIN, Candidate of Economics, Head of Section.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-70-81

ФОРМУЛА БЕЗОПАСНОСТИ СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ (Больше НАТО, меньше ЕС, давление на Россию)

© 2021 г. К. Воронов

*ВОРОНОВ Константин Валентинович, кандидат исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (kvoronov@mail.ru).*

Статья поступила в редакцию 19.02.2020.

В статье проанализированы опасные изменения, произошедшие после 2014 г., повлекшие за собой существенный пересмотр национальных политик пяти северных стран в сфере безопасности и обороны. Зафиксировано не только укрепление трансатлантических связей северных стран – членов НАТО (Дании, Норвегии, Исландии), но усиление практической кооперации со структурами альянса формально неприсоединившихся (Швеции и Финляндии). Северное оборонное сотрудничество (в рамках *NORDEFSCO*) стало также приобретать проатлантическую тональность на фоне сохранения ограниченного значения Евросоюза в военно-политической сфере.

Ключевые слова: северные страны, Дания, Норвегия, Исландия, Швеция, Финляндия, Россия, страны Балтии, НАТО, ЕС, *NORDEFSCO*.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-82-89

Через драматических геостратегических событий после 2014 г., особенно деятельность России и последующие акции “коллективного Запада” (переход Крыма в РФ, война на Донбассе, санкции против Москвы из-за якобы вмешательства в президентские выборы в США в 2016 г., “дело Скрипалей” в Британии, “отравление” блогера А. Навального, кризис в Белоруссии после президентских выборов в августе 2020 г. и т.д.) с большой тревогой были восприняты в странах Северной Европы. Эти тревожные международные события подтолкнули к переосмыслению внешней и оборонной политики государств Северного субрегиона. Ощущение возрождения “российской угрозы” после 2014 г., их непосредственная географическая близость к РФ активировали, помимо прочего, более тесное военно-политическое сотрудничество в субрегионе (например, деятельность специального органа в сфере безопасности и обороны – *NORDEFSCO*). Трансформации, корректировки, модификации международного курса северных соседей имеют, безусловно, существенное значение для России, особенно определение новых параметров их политики обороны и безопасности. Займет ли НАТО все пространство безопасности на Севере зарубежной Европы? Приобретет ли Евросоюз в субрегионе какие-либо новые, дополнительные рычаги влияния в военно-политической области? Станут ли субрегиональные оборонные структуры неким дополнением западных союзов или превратятся в автономные органы с самостоятельным профилем?

СЕВЕР В БУРНОЙ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ

Российские северные соседи восприняли указанные международные события как вызов всей

прежней геостратегической ситуации на континенте (прецедент Косово здесь рассматривают в категориях “особого случая”). Впервые соседняя восточная держава, которая непосредственно граничит с Финляндией и Норвегией, вступила на “путь ревизионизма”, присоединила, как здесь считают, часть другого, соседнего государства с использованием силовых методов. Помимо подрыва международно-правовых оснований в северных странах были крайне обеспокоены возможностью повторения крымского или донбасского сценариев (что бы под этим ни понимать) в новых независимых государствах (ННГ) Балтии – Эстонии, Латвии и Литве. Об этих настроениях многократно декларировали официальные лица прибалтийских государств, в которых немало серьезных проблем: в Латвии, Эстонии от 1/4 до 1/3 неграждан – русских и русскоязычных с особым ограниченным статусом; массовая эмиграция из-за экономических неурядиц; сохраняющаяся социально-культурная двуобщинность; ограничения права меньшинств обучать своих детей на родном языке и т.д. Хотя правительства Швеции, Финляндии, Норвегии, Дании и Исландии постоянно декларируют, что они стремятся к сохранению прагматичных добрососедских отношений с Россией, им все же пришлось в рамках западных союзов (НАТО, ЕС) пойти на поддержку властей в Киеве, осуждение “силовых действий” Москвы, присоединиться к санкционной политике Запада и т.д. Иная их реакция сигнализировала бы, считает руководство в северных столицах, молчаливое признание, гипотетическую возможность применения подобных методов “гибридной войны” в Прибалтике [1, pp. 3-4].

В совместном заявлении министров иностранных дел восьми государств (пяти северных и трех

прибалтийских) с пафосом было заявлено, что Запад “никогда не бросит Крым и не забудет его незаконной оккупации” [2]. Несмотря на северную идентичность, субрегиональную общность и географическую близость, их политика безопасности и обороны до сих пор, как известно, заметно отличалась друг от друга: Норвегия, Дания, Исландия – страны – члены НАТО, а Швеция и Финляндия – формально неприсоединившиеся, евронейтралы в составе Евросоюза [3, pp. 6-34].

Различные военно-политические курсы (при многих нюансах и специфических чертах) северных стран служили препятствием для эффективного субрегионального оборонительного сотрудничества, которое в биполярный период было не только неофициальным, но и необязывающим. Рост внешней угрозы после 2014 г., особенно способность ВС РФ эффективно использовать систему *A2/AD*¹ на Балтике не только изменили условия для северного оборонного сотрудничества, но и привели к внешнему возврату политики безопасности в субрегионе к ситуации, подобно той, которая сложилась в первые годы холодной войны.

Независимо от своего формального статуса отношений с НАТО все северные страны после 2014 г. пошли, очевидно, по пути: 1) интенсивного укрепления своих политических отношений с альянсом и 2) дальнейшего расширения практического военно-технического сотрудничества со структурами союза для повышения уровня гарантий своей безопасности. Северяне стали играть более важную роль в планах и операциях НАТО по противодействию сценариям крымского типа в Балтийском субрегионе [4, pp. 76-80]. Приходится признать, что общее стратегическое значение Северной Европы в кризисной обстановке значительно выросло как в политическом, так и военно-техническом отношении.

После событий на Майдане, последовавшего за этим незаконного вооруженного переворота на Украине в феврале–марте 2014 г. Кремль столкнулся с реальной перспективой появления баз ВМС США в Крыму (после 2017 г. большой российско-украинский договор, обеспечивающий военное присутствие на полуострове, автоматически утрачивал свою силу), “планового” вступления страны в НАТО. Правящие в Вашингтоне элиты руководствовались универсальной, на их взгляд, геостратегической формулой З. Бжезинского о том, что только с Украиной Россия может вернуть себе имперский статус, с ней она – сверхдержава, а без

нее – обычная региональная страна. Превентивные как политические, так и силовые шаги Кремля по парированию последствий кризиса на Украине в условиях угроз со стороны США и НАТО, естественно, не получили понимания на Западе, который попытался односторонне представить нынешний российский курс как “агрессивные действия”. Тем более что США/НАТО отказались обсуждать с Кремлем опасения относительно нарушения стратегического баланса, расширения альянса на восток [5, pp. 18-20].

Эта грозная геополитическая обстановка была умножена на спонтанный, порой противоречивый международно-политический курс Соединенных Штатов при администрации Д. Трампа. Одним из ее первых деяний была громкая декларация Белого дома об отказе от автоматического выполнения союзнических обязательств США перед европейскими партнерами из-за нарушения ими своих обещаний по утвержденным военным расходам в НАТО на уровне 2% ВВП. Этот демарш Вашингтона вызвал, как известно, бурную реакцию малых европейских союзников, в частности в Прибалтике².

В этот период усилиями Вашингтона была воссоздана, возвращена в 2016 г. в Исландию военно-воздушная база ВМС США в Кефлавике, силы и средства которой призваны отслеживать деятельность российских субмарин в Северной Атлантике [4, pp. 74-78]. К тому же Пентагон еще раз добился восстановления своей организационно-штатной структуры – Второго флота ВМС США в Атлантическом океане, игравшего большую роль в военном противоборстве сверхдержав еще в годы холодной войны. Подобное “возрождение” военной структуры является четким сигналом о том, что Вашингтон намерен действовать “мощнее и убедительнее” в Северной Атлантике.

Глобальный, региональный контекст был бы неполным, если не упомянуть, что в нынешний посткрымский период углубился кризис в Европейском союзе. В числе важнейших факторов, приведших к этой ситуации, стала наглядная его дисфункция в сфере внешней и оборонной политики. Евросоюз 27 (после окончательного выхода из его состава Великобритании 30 января 2020 г.), с точки зрения правящих кругов Севера, так и не стал подлинным “центром силы”, оказался не готовым подставить свое “союзническое плечо” ведущей организации Запада в сфере евробезопасности – НАТО [6, pp. 96-97].

¹ *A2AD, A2/AD (anti-access and area denial* – ограничение и воспрепятствование доступа и маневра) – широко применяемый термин с момента разработки Россией и КНР ракетных и иных систем, которые создают “защитную сферу”, в которую ОВС НАТО и США не могут проникнуть без риска неприемлемого ущерба.

² Крайне негативно в субрегионе восприняли также скандальное предложение главы Белого дома в августе 2019 г. купить датскую автономию о. Гренландия за 600 млн долл. и сделать ее территорией Соединенных Штатов, что привело к отмене официального визита президента Д. Трампа в Копенгаген.

ФИНЛЯНДИЯ И ШВЕЦИЯ НА ПЕРЕДОВОМ РУБЕЖЕ

Финляндия немедленно отреагировала на решение Москвы включить Крым в состав РФ, поддерживая сторону официального Киева. Было опубликовано заявление о поддержке политического диалога сторонами, посреднической роли Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) как ключевого медиатора. В течение 2014 г. Финляндия также увеличила свою финансовую поддержку и количество наблюдателей, вовлеченных в миссию ОБСЕ на Украине. Суоми с 2 млн евро и 19 наблюдателями оказалась в тот период одним из крупнейших спонсоров этой миротворческой (вернее, по наблюдению) миссии ОБСЕ. Со своей стороны Хельсинки был достаточно аккуратен, когда Москва подверглась экономическим санкциям из-за Украины. Финская политика безопасности и обороны внешне продолжала оставаться неизменной. Вследствие тяжкого опыта истории (Зимней войны 1939–1940 гг. и Войны продолжения 1941–1944 гг.), географической близости и протяженной общей границы с Россией (1200 км) в финляндском стратегическом мышлении прочно закрепилось ощущение главной потенциальной угрозы с востока [7, сс. 64–70]. Текущие события на Украине привели, согласно воззрениям руководства страны, к очередному осложнению проблем, связанных с ее безопасностью. Вместе с тем благодаря предпринятым в рамках “инициативы Саули Ниинистё” (президента страны. — **К.В.**) мерам удалось вдвое снизить долю полетов военной авиации всех государств с выключенными транспондерами над Балтикой.

Укрепление геостратегических позиций, самостоятельная внешняя линия России возродили дискуссии о стратегии и обороне Финляндии, особенно относительно возможности ее членства в НАТО. Хотя идея о вступлении в альянс пока не получила поддержки большинства населения страны, в посткрымский период появилась готовность среди широкой общественности вновь обсудить этот чувствительный вопрос. “Опасные” действия России на международной арене подкрепили позиции тех, кто выступает в пользу присоединения страны к НАТО, кто продолжает считать, что национальные способности к самообороне явно недостаточны, а в России, мол, уже считают Финляндию участником альянса де-факто. Напротив, противники вступления обеспокоены тем, что членство в НАТО де-юре может поставить Суоми перед необходимостью жестко зафиксировать Россию в качестве прямого, непосредственного врага, а это автоматически вызовет неприятные ответные меры Кремля [8, сс. 85–87]. Эти аргументы и контраргументы как часть текущих общественных дебатов регулярно появляются в подготавливаемых до-

кладах по политике безопасности национальным Министерством обороны.

В то время как финляндские Силы самообороны находятся в процессе вялотекущей модернизации и реформ, Доктрина обороны страны все еще основывается на прежних, проверенных историей принципах обеспечения национальной безопасности, где упор сделан на территориальную оборону и всеобщую воинскую повинность. Следует отметить противоречащий пункт, который состоит в том, что Финляндия должна стремиться иметь свою сильную оборону от нападения, когда в Старом Свете абсолютно независимая национальная оборона повсеместно, похоже, больше не рассматривается в качестве жизнеспособной категории.

В соседней *Швеции* в законопроекте об обороне 2015 г. проблема Украины была описана как самый большой вызов европейской безопасности. В свете российских “ревизионистских действий” в посткрымский период шведское правительство подчеркнуло потребность в сильном европейском сотрудничестве в рамках Евросоюза, который был одним из инициаторов создания миссии консультаций ЕС на Украине. Для Швеции европейские и трансатлантические соглашения по поддержке официального Киева были важны как поддержка обороны ННГ Балтии, в качестве принципиальной политики противодействия России. Стокгольм также внес свой вклад в финансирование, выделил персонал в миссию по наблюдению ОБСЕ. Особое беспокойство здесь было вызвано тем, что РФ продемонстрировала свою способность быстро мобилизовать военные ресурсы, выполнить силовые операции без какого-то любого предупреждения [2].

“Крымский сценарий” обострил дебаты в Стокгольме относительно боеготовности шведских ВС, возвращения их присутствия на острове Готланд. Была расконсервирована выведенная из эксплуатации полтора десятилетия назад военная база на острове Мускё, куда переместилось в 2020 г. “кризисное” управление ВС страны. После событий на Украине, с точки зрения Швеции, Балтийский субрегион стал представлять собой чувствительную область, где возможна разнородная деятельность ВС РФ в категориях “гибридной войны”. Российский фактор в виде специфического “полтавского синдрома” исторически давно оказывает негативное влияние на внутреннюю шведскую политику³.

³ Воронов К. “Полтавский синдром” Швеции: тяжкое политисторическое наследие. *Мировая экономика и международные отношения*, 2018, т. 62, № 12, сс. 75–82. [Voronov K. “Poltavskii sindrom” Shvetsii: tyazhкое politistoricheskoe nasledie [Sweden’s “Poltava Syndrome”: a serious political legacy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, vol. 62, no. 12, pp. 75–82.] DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-12-75-82

Как полагают в Стокгольме, кризис в военной сфере, вероятность возникновения конфликтной ситуации вблизи шведских границ возможны также в связи с ограниченным оборонительным потенциалом стран Балтии и относительной близостью усилившейся России, что повышает потребности Запада быстро перемещать воинские подразделения. В условиях когда Дания теперь фокусируется на защите соседних, близлежащих областей, Швеции приходится больше обращать свое внимание на восточное направление, в сторону северо-запада России [9, pp. 30-31].

С 2013 г. Швеция участвует как полноценный партнер в Силах гибкого реагирования НАТО (*NATO Response Force, NRF*). Кроме того, в 2014 г. она подписала (как и Финляндия) соглашение с альянсом относительно поддержки принимающей стороны, позволяющее теперь без препятствий размещать подразделения стран – членов блока (пока в рамках учений) на шведской территории. Правительство страны (левоцентристский кабинет Стефана Лёвена – Социал-демократическая рабочая партия Швеции, СДРПШ) рассчитывает приумножить шведское участие в самых продвинутых и крупномасштабных комплексных военных учениях НАТО, прежде всего в рамках *NRF* в субрегионе. Несмотря на распространение пандемии *COVID-19*, в этот период шведские ВС были задействованы в крупнейших совместных маневрах НАТО в Европе *Defender Europe* весной – летом 2020 г.

В постбиполярный период шведские ВС подверглись существенным сокращениям, однако цель их модернизации (Закон об обороне 2009 г.) состояла в том, чтобы завершить переход к гибкой, профессиональной и компактной армии, которая была бы в состоянии решать проблемы безопасности во взаимодействии со своими международными партнерами [10, ss. 116-118]. Закон об обороне 2015 г. сместил эти приоритеты назад к прежней “тотальной”, территориальной системе защиты, где главная задача национальных ВС по-прежнему состоит в том, чтобы предотвратить внешнее вооруженное нападение, хотя бы в начальной фазе. Теперь оборона малой страны оперативно учитывает как зону Балтийского моря, так и более широкий европейский контекст безопасности.

ДАНИЯ – СТРАЖ БАЛТИКИ

Параметры ответа Дании на события в Крыму и восточной Украине были заданы, безусловно, статусом страны как полноправного члена ЕС и НАТО. Для Копенгагена было важно строго следовать союзнической линии, а также показать, что односторонние силовые действия России будут иметь для нее негативные последствия в субреги-

оне. В то же самое время датские власти подчеркнули необходимость поддержания диалога между Москвой и Брюсселем [11, pp. 12-20].

Датский военный ответ на кризис в Украине был предпринят в рамках структур НАТО: были введены шесть самолетов-истребителей *F-16* в состав Балтийской воздушной миссии по размещению коалиционных сил блока в прибалтийских государствах на ротационной основе. Копенгаген провел несколько военных маневров на их территории, которые ранее обычно проходили в датской Ютландии. Роль и значение Дании в альянсе заметно выросли, поскольку страна обладает исключительным местоположением в Балтийском субрегионе – своего рода “пробка”, запирающая всю акваторию [12, pp. 36-37].

Характерно, Россия не отмечена в качестве прямой военной угрозы датской территории, что было зафиксировано в соглашении о программе обороны страны на период 2013–2017 гг. Принцип обороны национальной территории не будет, вероятно, восстановлен официальным Копенгагеном, но фокус его внимания теперь будет больше обращен на страны Балтии. В отличие от периода холодной войны стратегическая граница Дании в постбиполярный период далеко переместилась в восточном направлении после расширения НАТО на Восток в 2004 г. [13, ss. 39-40].

Дания была изолированной частью процесса северного оборонного сотрудничества из-за специфических взглядов ее элиты на проблемы безопасности скандинавских соседей, особенно вследствие различий в подходах к их глобальным перспективам. В настоящее время, после 2014 г., Копенгаген ищет более широкого военного сотрудничества с северными соседями. В 2015 г. страна подписала стратегическое соглашение со Швецией о расширенном военном сотрудничестве, которое позволяет датским военным самолетам и кораблям взаимодействовать с партнерами в шведском воздушном и морском пространствах [11, pp. 24-25]. Дополнительным стимулом на этом направлении, как неизменно подчеркивают в Копенгагене, стал рост российской военной активности на Балтике.

НОРВЕГИЯ И ИСЛАНДИЯ: ЗАЩИТНИКИ ДАЛЬНЕГО СЕВЕРА И АРКТИКИ

С восстановлением стратегической роли ВВБ в Кефлавике Исландия вернулась к выполнению своей генеральной геополитической функции – “непотопляемого авианосца” США/НАТО в Атлантике. Здесь отмечают, что, как в годы холодной войны, российские подлодки стали чаще выходить в морские акватории на учения, боевое дежурство и т.д. Эксперты полагают, что в 2017–2019 гг. общий

уровень наплаванности экипажей по сравнению с предыдущими годами вырос более чем в 2 раза. Только в 2018–2019 гг. российские боевые корабли приняли участие примерно в 500 маневрах. При этом одним из главных направлений строительства ВМФ РФ является создание современных ПЛАРБ четвертого и проектирование подлодок пятого поколения [14].

В отличие от крайне удаленной Исландии, *Норвегия* (ее сухопутная граница с Россией 97 км) оказалась в более сложном, двойственном положении. В Осло, как и других столицах северных стран, почувствовали в присоединении Крыма, действиях Москвы на Донбассе особый “маркер” изменения политической ситуации и параметров безопасности в Европе. Норвежское правительство также присоединилось к экономическим санкциям ЕС в отношении России, осудив ее “опасные акции” вместе с другими странами субрегиона. В военном отношении Норвегия, как и Дания, ответила на напряженную ситуацию полной поддержкой коллективной линии стран – членов альянса. На протяжении 2014 г. норвежские вооруженные силы принимали участие в постоянных силах НАТО по проведению разминирования в Балтийском море. В конце этого же года сухопутные войска страны участвовали в долгосрочном пребывании в Латвии на ротационной основе, сигнализируя о своей непосредственной поддержке союзников в Балтии. Кроме того, ВВС Норвегии совместно со Швецией проводили наблюдательные полеты над украинской территорией во время кризиса в Крыму [5, ss. 12–16].

В официальных норвежских документах Россия редко описывается как непосредственная угроза. В последнее время Осло все чаще обращает пристальное внимание на Крайний Север и Арктику. После окончания холодной войны из-за усиливающегося страха, что ведущие союзники НАТО утратили интерес к северному флангу альянса, северо-западная Атлантика стала его главной заботой. Для руководства Норвегии события вокруг Крыма показали, что у России есть способность использовать силовые методы для достижения политических целей за пределами своих границ. Комбинация “имперских” устремлений РФ, наличие соответствующих вооружений, комплекса баз на Кольском полуострове и интереса Кремля к северным областям представляют для Осло потенциальный вызов будущей стабильности Крайнего Севера⁴.

В ведущихся дебатах об обороне страны есть три базовых установки. Во-первых, Норвегия – малое государство, граничащее с великой державой в качестве непосредственного соседа. Во-вторых, способность защитить страну Фьордов зависит на-

прямую от военной помощи ее евро-атлантических союзников. В-третьих, северное королевство, в отличие от других государств, обладает обширными океанскими акваториями (они в 2.5 раза превышают площадь ее континентальной территории), которые расширились из-за всеобщего признания Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. [5, ss. 16–18]. Поскольку Россия является ключевым фактором в норвежской политике безопасности и обороны, то вполне закономерно, по мнению руководства Норвегии, что военное присутствие последней на Крайнем Севере необходимо не только сохранить, но и усилить [15, pp. 21–22].

ВОЗМОЖЕН ЛИ СЕВЕРНЫЙ ВОЕННЫЙ СОЮЗ?

Военно-политическое сотрудничество между северными странами в годы холодной войны было, как известно, достаточно ограничено, поскольку субрегиональные органы (Северный совет с 1952 г. и Совет министров северных стран с 1971 г.) вводили определенные меры запретительного характера. Однако Дания, Норвегия и Швеция неофициально сотрудничали по ряду практических военных вопросов, таким как подготовка кадров, отдельные аспекты разведки, воздушные и морские операции и т.д. Более того, как сейчас подтверждено, Швеция, несмотря на свою официально декларируемую политику нейтралитета, успешно тайно плотно кооперировалась с НАТО для отражения потенциального советского нападения [16, ss. 468–484].

С концом биполярной конфронтации Финляндия и Швеция возвратили себе свободу маневра в своей внешней политике и политике безопасности. В 1994 г. они присоединились к программе НАТО “Партнерство ради мира”, а в 1995 г. стали полноправными членами ЕС [17]. Кроме того, ограничения на координацию внешней политики в Северном совете были сняты в 1991 г., позволяя тем самым усилить полномасштабное северное сотрудничество в области обороны и безопасности. Здесь были созданы новые органы и учреждения, прежде всего для проведения и координации зарубежных военных операций по поддержанию мира.

Подлинно новым, самостоятельным институтом в этой сфере стало Северное оборонительное сотрудничество (*Nordic Defence Cooperation, NORDEFCO*) – организация, созданная в ноябре 2009 г. для содействия кооперации в военных областях в целях поддержки национальных оборонительных структур, их развития и планирования. В этом органе все принимаемые решения основаны на консенсусе, одобрении и согласии всех участников. У каждого партнера есть возможность выбора приоритетного направления в любых сфе-

⁴ Там же.

рах деятельности, а также в том или ином проекте [18, ss. 32-38].

Основанием для создания *NORDEFCO* послужили в том числе определенные финансовые соображения: потребность экономии ресурсов партнеров, во избежание дублирования тесная военно-техническая кооперация и т.д. В постбиполярный период ВС всех четырех стран (Исландия не имеет вооруженных сил) подверглись болезненным реформам, хотя в разное время и с различной скоростью. Северяне подчеркивают, что цель субрегиональной военной интеграции – прагматичная гармонизация и экономия военных бюджетов, а не автоматическое их наращивание, как добивается НАТО [18, ss. 38-40].

Скандинавские страны с прикидкой на свой периферийный субрегион всегда пристально наблюдали за деятельностью державы-соседа на востоке. После 2014 г. планы и намерения России рассматриваются здесь как самый большой вызов безопасности для стран Севера. Кроме того, заметно выросла озабоченность относительно стабильности Балтийского субрегиона. Несмотря на единое географическое пространство и совместные проблемы, скандинавские приоритеты национальной безопасности существенно расходятся. Каждое государство субрегиона стоит перед общим вызовом, который диктует различия в их ориентации и стратегии поведения. Российские действия в восточной Украине после Крыма значительно изменили условия для военно-политического, оборонного сотрудничества между скандинавскими странами. Теперь они имеют общее северное представление о том, что ситуация, связанная с безопасностью вблизи их границ, значительно осложнилась [19, pp. 24-25].

События, последовавшие после 2014 г., видимо, сблизили различные геополитические перспективы скандинавских стран. В настоящее время Дания сконцентрирована на обороне соседних с ней областей, а Швеция все больше внимания уделяет безопасности на восточном (российском) направлении. Как представляется, в финской политике обороны возросла необходимость в подтверждении внешней поддержки коллективного Запада. Норвегия сосредоточена на проблемах защиты Крайнего Севера и Арктики, что нашло отражение в территориальной обороне, интересе к удаленным территориям, а также в свободе судоходства (в частности, СМП). В этих условиях северные страны намерены значительно усилить субрегиональное оборонительное сотрудничество, особенно путем совместного использования информации, общей военной подготовки и кадров, координации военных операций, патрулирования и т.д. Более того, сейчас речь уже идет о том, чтобы скандинавское оборонное сотрудничество нашло

свое место в рамках структур НАТО и ЕС, делается акцент на поддержании взаимосвязей *NORDEFCO* с соответствующими органами и подразделениями альянса [4, ss. 68-76].

Усиление приоритетов, перефокусировка НАТО на Европу, на северный фланг в частности, произошла после того, как состоялся “знаменательный” саммит альянса в Уэльсе в 2014 г. Его документы и решения непосредственно затронули не только северных членов – Данию и Норвегию, но также и формально неприсоединившиеся страны – Финляндию и Швецию, которые с тех пор участвуют (как наблюдатели без права голоса) практически во всех последующих Советах НАТО. Общественные и политические споры по поводу возможного членства в альянсе Финляндии и Швеции накалились, хотя вероятность его в ближайшее время крайне мала. Несмотря на то что их вступление в НАТО может вызвать жесткую реакцию Москвы, с которой в настоящее время ни та, ни другая страна не хотели бы сталкиваться, оба правительства уполномочили свои МИД и Минобороны подготовить доклады о потенциальном значении и возможных последствиях подобного шага [8, ss. 87–88]. В связи с этим любые силовые акции в одной из стран Балтии, вероятно, могут послужить поводом для изменения как баланса сил, так и “правил игры” в субрегионе. Если “крымский и восточно-украинский” сценарии будут повторены, особенно в какой-то из стран Балтии, то, как представляется, вначале Швеция, а затем Финляндия моментально присоединятся к НАТО.

* * *

Градус военно-политической напряженности на Севере Европы после 2014 г. значительно увеличился, конфликтность повышается из-за дополнительного размещения в рамках так называемого усиления “восточного фланга” альянса – трех батальонных групп ОВС и вооружений НАТО (в частности, систем ПВО и ПРО) в ННГ Балтии и Польше. Но стратегическую стабильность в зоне прямого соприкосновения альянса и РФ пока удается сохранить. Международно-политическая обстановка в субрегионе также заметно ухудшилась в результате санкционной политики США, НАТО и ЕС против России, а также укрепления трансатлантических взаимосвязей северных стран в рамках единой блоковой политики Запада.

Проявление “атлантической солидарности” северными странами в связи с введением Западом санкций против РФ после 2014 г. показало не только ограниченность их политической и дипломатической маневренности, но и бесперспективность данного курса. В нынешней обстановке северная пятерка склонна решать проблемы своей безопас-

ности и обороны, во-первых, путем более широкого сотрудничества с НАТО с учетом ограниченной военно-политической роли Евросоюза, во-вторых, продолжая давление на Россию с целью ограничить ее влияния, в особенности на Балтике. Акцент на военную составляющую разрешения кризиса от-

четливо прорисовывают линии разделения между государствами – членами альянса и РФ. Вопрос членства в НАТО для Швеции и Финляндии может оставаться нерешенным до тех пор, пока, видимо, не получат опасного развития те или иные события, в частности в ННГ Балтии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Brommesson D. Non-allied states in a changing Europe: Sweden and its bilateral relationship with Finland in a new security context. Oslo, NUPI. *Policy in Brief*, 2016, no. 31, pp. 1-4. Available at: <http://www.nupi.no/en/Publications/CRISTin-Pub/Non-allied-states-in-a-changing-Europe-Sweden-and-its-bilateral-relationship-with-Finland-in-a-new-security-context> (accessed 14.10.2018).
2. Petersson M. *Swedish Security Policy after the Ukraine crisis*. The Macdonald-Laurier Institute, Canada's, Ottawa, March 26, 2018. Available at: <https://www.macdonaldlaurier.ca/swedish-security-policy-ukraine-crisis-magnus-petersson-inside-policy/> (accessed 28.03.2018).
3. Simonyi A., Cagan D., eds. *Nordic Ways*. Center for Transatlantic Relations, Washington, 2016. 340 p.
4. Lindvall F., Winnerstig M. *Väpnad solidaritet – USA: s militära närvaro i Europa fram till 2020*. Stockholm, 2017, FOI-R-4428. Available at: <https://www.foi.se/nyheter-och-press/nyheter/2017-05-17-vapnad-solidaritet--usas-styrkor-i-europa.html> (accessed 01.03.2018).
5. Traavik K. *Samhandling for sikkerhet – En ny sikkerhetslov for en ny tid*. Den norske Atlanterhavskomitee, Oslo, 2017, no. 1. 20 s. Available at: <https://www.atlanterhavskomiteen.no/files/dnak/Documents/Publikasjoner/2017/Sikkerhetspolitisk%20bibliotek/SPB%20nr.%201-2017.pdf> (accessed 10.10.2019).
6. Fägersten B., von Sydow G., eds. *Perspectives on the Future of the EU*. Stockholm, April 2019. 123 p. Available at: <https://sieps.se/GLOBALASSETS/PUBLIKATIONER/2019/ANTOLOGI-WEB.PDF> (accessed 20.11.2019).
7. Килин Ю. М. Нейтральные государства на распутье: проблема вступления в НАТО Финляндии и Швеции. *Современная Европа*, 2017, № 2 (74), сс. 65-76. [Kilin Yu. M. Neutral'nye gosudarstva na rasput'e: problema vstupleniya v NATO Finlyandii i Shvetsii [Neutral states at a crossroads: the problem of joining to NATO Finland and Sweden]. *Contemporary Europe*, 2017, no. 2 (74), pp. 65-76.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220176576>
8. Воронов К. Северный нейтраллизм в XXI веке: исторический финал или новая трансформация? *Современная Европа*, 2018, № 1 (80), сс. 80-89. [Voronov K. Severnyi neutralizm v XXI veke: istoricheskii final ili novaya transformatsiya? [Nordic neutralism: Historical Finale or a Transformation?]. *Contemporary Europe*, 2018, no. 1 (80), pp. 80-89.] DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>
9. Dalsjö R. *Trapped in the Twilight Zone? Sweden between neutrality and NATO*. Helsinki, FIIA Working Paper 94, April 2017. 33 p. Available at: <https://ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/resources/docs/FIIA-Trapped%20in%20the%20Twilight%20Zone.pdf> (accessed 10.10.2017).
10. Воронов К. Швеция–НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета. *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 5, сс. 110-120. [Voronov K. Shvetsiya–NATO: konspirativnaya uniya pod leiblom neutraliteta [Sweden-NATO: conspiracy unite under the label of neutrality]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 5, pp. 110-120.]
11. Fisher K., Mouritzen H., eds. *Danish Foreign Policy Yearbook*. Copenhagen, DIIS, 2017. 192 p. Available at: <https://www.diis.dk/en/research/danish-foreign-policy-yearbook-2017> (accessed 10.10.2018).
12. Larsen J. *A Small State Addressing Big Problems. Perspectives on recent Danish foreign and security strategy*. DIIS Report, Kobenhavn, 2020. 44 p. Available at: <https://www.diis.dk/node/23836> (accessed 10.09.2020).
13. Ringsmose J., Rynning S. *NATO og Rusland mellem strategisk konfrontation og stabilitet. Danmarks myligheder for at fremme kontinental dialog*. DIIS, Copenhagen, 2019. 48 s.
14. Hermann R. Die Nato will den "Flugzeugträger Island" wieder mehr nutzen. *Neue Zürcher Zeitung*, 13.02.2018. Available at: <https://www.nzz.ch/international/die-nato-will-den-flugzeugtraeger-island-wieder-mehr-nutzen-ld.1356585?reduced=true> (accessed 20.10.2019).
15. Svendsen Ø., Weltzien Å. Norwegians adapting to a changing world. *NUPI Report*, nr. 9, 2020, Oslo. 24 p. Available at: https://www.nupi.no/nupi_eng/Publications/CRISTin-Pub/Norwegians-adapting-to-a-changing-world (accessed 01.09.2020).
16. Holmström M. *Den dolda alliansen. Sveriges hemliga NATO-förbindelser*. Atlantis, Stockholm, 2011. 659 s.
17. Pyykönen J. *Nordic Partners of NATO. How similar are Finland and Sweden within NATO co-operation?* The Finnish Institute of International Affairs, Helsinki. 140 p. Available at: https://www.fii.fi/wp-content/uploads/2017/04/report48_finland_sweden_nato.pdf (accessed 11.10.2017).
18. Olsson P. och Nordlund P. *Effektiv materielförsörjning. Nordiska länders strategi, organisation och försvarsindustri*. Stockholm, 2017, FOI-R-4452. 40 s. Available at: <https://www.foi.se/rest-api/report/FOI-R-4452-SE> (accessed 08.03.2018).
19. Mouritzen H. *Between Putin and Trump: from divergence to convergence of Nordic security policies*. DIIS, Copenhagen, 2019, 30 p. Available at: <https://www.diis.dk/publikationer/putin-trump-norden-faar-mere-nordisk-sammenhold> (accessed 10.10.2019).

SECURITY MODUS OPERANDI OF THE NORTHERN EUROPE
(More NATO, less EU, Pressure on Russia)

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 82-89)

Received 19.02.2020.

Konstantin V. VORONOV (kvoronov@mail.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The article analyses the complex influence of dangerous changes, which took place after 2014 in the international political environment in Europe, on the ongoing transformations, suggests essential revision of national policies of the five Nordic countries (Denmark, Norway, Iceland, Sweden and Finland) in the field of their security and defence. The degree of military and political tension in the North of Europe has increased significantly after 2014. The conflict is escalating due to additional deployment within the so-called reinforcement of the "eastern flank" of the Alliance with three allied battalions, and NATO weapons in the Baltic States and Poland. However, great strategic stability in the zone of direct contact between NATO and Russia is still possible to maintain. The international political situation in the subregion has also deteriorated markedly as a result of the U.S., NATO and EU sanctions policy against Russia, strengthening of transatlantic relations of the Nordic countries, and reinforcement of allied ties within the framework of the Western bloc policy as a whole. It noted signified not only a revision in favor of further strengthening of transatlantic ties in the policy of bloc allegiance of the Nordic countries – members of NATO (Denmark, Norway, Iceland), but also an obvious intensification of practical cooperation between formally non-aligned states (Sweden and Finland) with the Alliance structures. The Nordic Defence Cooperation (NORDEFCO) has also started to acquire a risky pro-Atlantic style, losing its previous autonomous subregional nature. Apparently, in the present complex situation, the Nordic Five is disposed to solve security and defence problems by: 1) having a greater many-sided cooperation with NATO; 2) giving a real, limited meaning to the European Union in the military-political sphere; 3) continuing to bear pressure upon Russia for the purpose of limiting Russian influence in the subregion, especially in the Baltic region. In the near future, the problem of NATO accession for Sweden and Finland may remain in the same precarious condition unless some dangerous force majeure circumstances occur in the Baltic region.

Keywords: Nordic countries, Denmark, Norway, Iceland, Sweden, Finland, Russia, the Baltic countries, NATO, EU, NORDEFCO.

About author:

Konstantin V. VORONOV, Candidate of History, Head of Section.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-82-89

ПОЛИТИКА РОССИИ НА БАЛКАНАХ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. К. Худoley, Е. Колосков

*ХУДОЛЕЙ Константин Константинович, доктор исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
(k.khudoley@spbu.ru).*

*КОЛОСКОВ Евгений Андреевич, кандидат исторических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет, РФ, 199034 Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9
(e.koloskov@spbu.ru).*

Статья поступила в редакцию 23.03.2020.

В статье рассматриваются современное состояние и перспективы политики России на Балканах. Официально Балканы не отнесены к приоритетам российской внешней политики, но именно там проходит одна из линий “прохладной войны” с Западом. Она проявляется в стремлении РФ противодействовать расширению НАТО и ЕС, создать инфраструктуру для транспортировки энергоресурсов, а также во введении санкций и контрсанкций. На Балканах выделяется пять групп государств по их уровню отношений с Россией. В будущем возможны три сценария: ослабление позиций РФ, сохранение их на нынешнем уровне или укрепление. Это будет во многом зависеть от степени конфронтации с Западом и активности самой России, особенно в экономической и гуманитарной сферах.

Ключевые слова: внешняя политика России, Балканы, “прохладная война”, США, НАТО, Европейский союз, Китай, Сербия.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99

В течение двух веков Россия является активным участником политических процессов, происходящих на Балканском полуострове. В конце XX – начале XXI в. внимание РФ к Балканам неоднократно менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Сейчас оно несколько возросло ввиду конфронтации с Западом.

В последнее время появилось значительное число исследований, посвященных политике России на Балканах на современном этапе. Среди них представляется возможным выделить три основных течения. К первому относятся такие исследователи, как П. Кандель [1], Е. Пономарева [2], которые считают, что политика, проводимая российским руководством на Балканах, в наибольшей степени соответствует национальным интересам, но, как правило, не рассматривают вопросы ее эффективности. Представители второго течения – Е. Энтина, А. Пивоваренко [3], М. Ковачевич [4] – исходят из того, что позиции РФ на Балканах постепенно слабеют, но полагают, что это является результатом не объективных процессов, а субъективных факторов и желания Запада выдавить Россию из этого региона. При этом они не ставят под сомнение общий курс российской политики, но критически оценивают ряд ее шагов. Обе группы авторов концентрируют свое внимание прежде всего на проблемах политики и безопасности, кроме киберпространства, и в меньшей степени – экономики и гуманитарной сферы, а также в той или иной

степени исходят из того, что Балканы – это передовой рубеж России в современной конфронтации с Западом. Наконец, третье течение – Д. Бечев [5], М. Саморуков [6] – рассматривает российскую политику на Балканах как дестабилизирующий фактор.

Целью данной статьи является анализ внешней политики РФ на Балканах в условиях современной конфронтации России и Запада и определение возможных сценариев дальнейшего развития событий. При этом наиболее точным для характеристики противостояния представляется термин “прохладная война”, так как она отличается от холодной войны по содержанию, направлениям и остроте, хотя и ведется теми же методами и инструментами.

В научной и общественно-политической литературе имеется несколько точек зрения на то, что считается Балканами, причем единого подхода к определению нет ни среди самих государств региона, ни среди их соседей. Согласно одной из них, Балканы – это те территории, которые в XVI–XIX вв. входили в состав Османской империи [7, сс. 5-6]. Такое мнение распространено в Западной и Центральной Европе, а также в Словении и Хорватии, но не разделяется в других балканских странах. Так, в Стратегическом плане внешней политики Северной Македонии на 2019–2021 гг. к одному региону, помимо иных балканских государств, отнесены все страны, возник-

шие после распада Югославии, включая Словению и Хорватию [8].

В России также отсутствует единое понимание “региона Балканы”. Во всех энциклопедических изданиях [9, сс. 510-512; 10] говорится о географическом понятии “Балканский полуостров” и странах, которые полностью или частично расположены на нем. Какая-либо историко-культурная общность или общность политических судеб практически не отмечается. Балканские войны рассматриваются, скорее, в контексте истории международных отношений, а не истории государств региона. В некоторых современных работах российских балканистов отмечается, что различие между бывшими социалистическими странами Европы постепенно увеличивается: они распадаются на успешную Центральную Европу и отстающие Балканы [11, с. 9]. При этом в будущем этот разрыв станет еще больше. Поскольку данная статья посвящена российской политике на Балканах, то к данному региону, который используется снять синоним понятия “Юго-Восточная Европа”, отнесены страны, рассматриваемые в качестве “балканских” во внешнеполитических кругах РФ, то есть Албания, Болгария, Босния и Герцеговина, Греция, Румыния, Северная Македония, Сербия (включая Косово), Словения, Хорватия и Черногория. Визит министра иностранных дел С. Лаврова в 2011 г. в Сербию, Македонию, Черногорию, Боснию и Герцеговину, а также в Словению характеризовался в официальных сообщениях “балканским” [12]. Работа по развитию отношений с десятью вышеперечисленными странами отнесена к ведению одного структурного подразделения МИД России – Четвертого Европейского департамента. В Москве понимают тесную связь Турции с государствами Балканского полуострова, тем не менее эта страна воспринимается как нечто особенное и отношения с ней имеют свою повестку (Сирия, Ливия и т. д.). Наиболее четко это прозвучало в речи президента В. Путина в Стамбуле в январе 2020 г., где он заявил, что по второй ветке “Турецкого потока” газ “пойдет транзитом через территорию Турции на Балканы” [13]. “Газпром” также различает два взаимосвязанных проекта – “Турецкий поток” и “Балканский поток”, а в материалах Торгово-промышленной палаты все государства, образовавшиеся на территории бывшей Югославии, относятся к Балканам.

В качестве методологии исследования используются анализ внешней политики РФ на Балканах и метод построения сценариев. Российская политика здесь рассматривается в контексте происходящих изменений и выявления основных тенденций развития. Основой для внешнеполитического анализа послужили официальные документы РФ, заявления президента В. Путина, а также мате-

риалы, касающиеся внешней политики балканских государств и других международных акторов, позволяющие выявить динамику развития российской политики на Балканах и особенности взаимодействия с конкретными балканскими государствами. Метод построения сценариев будущих отношений базируется на оценке влияния как внутренних факторов (степень сохранения стабильности), так и региональных (участие РФ в урегулировании имеющихся в этом регионе проблем) и глобальных факторов (степень конфронтации России и Запада, последствия пандемии и экономического кризиса).

БАЛКАНЫ: НОВАЯ РАССТАНОВКА СИЛ И ИНТЕРЕСЫ РОССИИ

В XXI в. на Балканском полуострове идут сложные и порой противоречивые процессы перегруппировки сил, которые в перспективе могут привести к складыванию качественно новой ситуации. Среди них надо особо выделить:

- укрепление существующих государств и постепенную стабилизацию обстановки на Балканском полуострове;

- стремление России сохранить свои позиции на Балканском полуострове и противостоять усилению позиций Запада;

- постепенное включение постсоциалистических балканских стран в евро-атлантические и европейские структуры, что требует от них внесения существенных изменений не только во внешнюю, но и во внутреннюю политику;

- снижение значения религиозного фактора как элемента международных отношений в рамках региона;

- превращение Турции в самостоятельного игрока, борющегося за усиление своего влияния в этом регионе;

- активизацию Китая, который на данном этапе действует преимущественно в сфере экономики.

Россия имеет на Балканах значительные интересы в самых различных сферах. Так, в области энергетики она почти полностью покрывает потребности стран этого региона в природном газе (100% – Сербии, Северной Македонии, Боснии и Герцеговины, 97 – Болгарии, 72 – Словении, 66% – Греции) [14, pp. 51-52] и в значительной степени – в нефти (70% – Сербии, 36 – Болгарии, 64 – Румынии, 9% – Греции) [15, с. 2]. Москва заинтересована в сохранении этого рынка, особенно в условиях обострения конкурентной борьбы. Еще более важной задачей для России в регионе является создание мощной энергетической инфраструктуры. Особые надежды возлагаются на “Турецкий

поток” и его соединение с газопроводами ЕС, а также создание крупного хаба “Газпрома” в Сербии. В других отраслях российский капитал активен значительно меньше, хотя точные размеры инвестиций определить сложно – в ряде случаев он предпочитает действовать через третьи страны и другие, формально не связанные с Россией фирмы.

Ощутимо российское влияние на Балканах в гуманитарной сфере. В РФ для многих регион до сих пор, как и во времена Льва Толстого, является “одним из тех модных увлечений”. У России и балканских государств значительно меньше исторических споров, чем со странами Центральной Европы и Балтии. Важное значение имеет память о поддержке Россией борьбы балканских народов за независимость против турецкого господства. В оценках периода социализма внутри самих этих стран нет однозначно негативных, как в Польше, Чехии и Венгрии. Лишь в Румынии преобладает определенный негатив в дискуссиях по истории отношений с Россией. Историческая память в целом играет здесь в пользу сотрудничества. К тому же некоторые представители старшего поколения учились в СССР, изучали русский язык, хорошо знакомы с классической русской литературой. Традиционно России симпатизирует православное население Балкан. В целом соотношение исповедующих православие, католичество и ислам остается в регионе примерно постоянным. Однако в последнее время в Албании не только увеличивается число католических храмов, что является важным маркером ориентации на Западную Европу, но был открыт и православный храм в Тиране. В 2018 г. состоялся первый в истории визит патриарха Русской православной церкви Кирилла в Албанию. Опросы общественного мнения показывают, что значительная часть жителей Сербии, Греции, Северной Македонии, Болгарии, Словении, Греции, а также Республики Сербской (автономии Боснии и Герцеговины) относятся к РФ доброжелательно или нейтрально. Так, 27% опрошенных в феврале 2020 г. сербов считают Россию главным донором помощи стране [16, р. 48]; в целом положительное отношение к ней у 48% боснийцев, 60 – македонцев, 66 – черногорцев, 87 – сербов [16], 58 – греков и 74% болгар [17].

Россия, претендующая на роль великой державы, хотела бы видеть некоторые балканские страны тесно связанными с ней политически или по меньшей мере нейтральными. Она стремится укрепить свое политическое влияние в первую очередь в Сербии, а также в Республике Сербской. Важную роль играет фактор президента В. Путина, который лично очень популярен среди населения Сербии, Греции, Северной Македонии, Болгарии, Словении, Греции, Республики Сербской, причем в Болгарии рейтинг его доверия достигает 62%, в Греции –

52% [17], а в Сербии его популярность напрямую влияет на исход выборов [18]. Необходимо отметить, что российские политические партии также имеют партнеров на Балканах. Например, “Единая Россия” сотрудничает с Сербской прогрессивной партией, Союзом независимых социал-демократов в Боснии и Герцеговине, Внутренней македонской революционной организацией – Демократической партией за македонское национальное единство, болгарской “Атакой”. В то же время среди политиков и общественности балканских государств распространено мнение, что РФ пытается затянуть процесс признания Косово, дестабилизировать обстановку с целью затруднить расширение НАТО и ЕС [19].

В сфере обороны и безопасности влияние России после вывода войск с Балкан (2003 г.) постепенно падает. Военно-техническое взаимодействие со странами региона, кроме Сербии, невелико. По словам министра обороны РФ С. Шойгу, сотрудничество с Белградом вышло на принципиально новый уровень [20]. Россия также содействует обучению полицейских в Республике Сербской. Вступление ряда балканских государств в НАТО не сказалось сколько-нибудь заметно на соотношении сил блока и РФ, но позволяет альянсу использовать их территорию.

Таким образом, у России – существенные интересы на Балканах, которые ей приходится отстаивать в условиях серьезной перегруппировки сил, имеющей далеко идущие последствия.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ НА БАЛКАНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Даже в 1990-е годы, когда между РФ и Западом существовало наибольшее взаимопонимание, разногласия по поводу ситуации на Балканах были значительными. Это привело к первому после окончания холодной войны острому противостоянию РФ и НАТО во время косовского кризиса 1999 г. Затем интерес России к Балканам уменьшился. Так, в Концепции внешней политики РФ 2008 г. страны Юго-Восточной Европы были поставлены в один ряд с государствами Центральной и Восточной Европы, то есть всеми постсоциалистическими государствами без указания на их какую-либо специфику [21]. Внимание к Балканам вновь возросло после возвращения В. Путина на пост президента в 2012 г. В Концепции внешней политики РФ 2013 г. уже более четко заявлялось, что “Россия нацелена на развитие всестороннего прагматичного и равноправного сотрудничества с государствами Юго-Восточной Европы. Балканский регион имеет для России важное стратегическое значение,

в том числе как крупнейший транспортный и инфраструктурный узел, через территорию которого осуществляется доставка нефти и газа в страны Европы” [22]. В Концепции внешней политики РФ 2016 г. Балканы вновь не упомянуты. Однако сейчас они превратились в один из важных регионов “прохладной войны”.

На первом месте, несомненно, стоит борьба по вопросу экспорта российских энергоносителей. При этом Москва преследует как экономические цели — диверсификация путей транспортировки и повышение рентабельности, так и политические — свести к минимуму транзит газа через Украину. В 2012 г. было начато строительство “Южного потока”, который планировалось проложить через территорию Болгарии, Греции и Сербии с последующим выходом на другие европейские страны [23]. В связи с этим у балканских государств появилась надежда на крупные российские инвестиции, а у пророссийских кругов — и на возвращение российского политического влияния. Имела место даже определенная конкуренция между правящими кругами Словении, Македонии и Хорватии за участие в нем на наиболее выгодных условиях. Однако “Южный поток” вызвал сильное противодействие руководства ЕС. В декабре 2014 г. проект был официально закрыт [24]. Это привело к росту разочарования и непонимания среди политических и деловых кругов, заинтересованных в сближении с Россией. Они были удивлены, что Москва не предупредила партнеров об отказе от проекта. Скептики, предрекавшие неудачу, торжествовали [25]. Вскоре РФ предприняла новую попытку строительства газопровода, хотя и в несколько уменьшенном масштабе. “Турецкий поток” был в основном успешно завершен в январе 2020 г. Первый газ по нему пошел в Болгарию, Грецию и Северную Македонию. В дальнейшем предполагается его продолжение — “Балканский поток” — через территорию Болгарии в Сербию, Румынию и другие страны. Однако этот проект вызывает на Балканах меньший интерес. Одновременно возрастает внимание к альтернативным источникам поставки энергоносителей. Так, по оценке А. Печинар, одним из важнейших факторов, который определит развитие Юго-Восточной Европы в ближайшие десятилетия, будет доступность энергоносителей из богатых ими, но политически нестабильных регионов Каспия, Арабского Востока и Ирана [26, pp. 336-337].

Не оправдалась надежда и на развитие торговли сельскохозяйственной продукцией после начала санкционного противостояния России и ЕС. Не участвующие в войне санкций Сербия и Македония очень надеялись на возможность увеличить реализацию своей пищевой продукции на россий-

ском рынке. Но снижение интереса к импорту пищевой продукции вышеуказанных стран (Сербии уже в 2015 г., Македонии — в 2016 г.) со стороны РФ [27] вместе с опасениями относительно повторения судьбы черногорских товаров, попавших под контр-санкции в случае колебания политического курса, вызвало прекращение роста объема торговли.

Другой важной задачей российской внешней политики на Балканах в условиях “прохладной войны” стало противодействие расширению НАТО и ЕС. Сдержать расширение альянса на Балканах не удалось — вне блока остаются Сербия, Босния и Герцеговина, которые граничат только со странами НАТО и не могут не учитывать их позиции. Расширение Европейского союза идет медленнее, чем надеялись балканские постсоциалистические страны. Но это в основном связано с внутренними проблемами ЕС и сложностью приведения балканских государств в соответствие с критериями Евросоюза, а не с демаршами российской дипломатии. Обращение РФ к Албании и Северной Македонии, столкнувшимися с затягиванием начала переговоров о членстве в ЕС, с предложением присоединиться к Евразийскому экономическому союзу не было воспринято [28]. Главной причиной, по которой России не удастся сдерживать расширение ЕС и НАТО на Балканах, является то, что в глазах значительной части правящих кругов и общественности региона сотрудничество с ними более выгодно, чем с РФ. Однако некоторые проблемы были связаны с тем, что российская тактика не была оптимальной. Попытки заставить балканские страны сделать выбор между Россией и Западом объективно подталкивали их к сближению с более сильной стороной. Москва могла бы добиться больших результатов, если бы действовала гибко, предлагая компромиссные решения. Имело место и определенное преувеличение того, что конфликты между государствами и внутри государств — кандидатов на вступление в НАТО и ЕС — могут стать серьезными препятствиями на этом пути. В целом жесткое противостояние с альянсом и Евросоюзом, скорее, ослабило, чем укрепило позиции РФ на Балканах. Негативное впечатление на балканские политические и общественные круги произвели высказывания российских официальных лиц о возможности распада некоторых балканских государств, например Македонии [29, с. 1].

При оценке значимости для РФ проблемы безопасности на Балканах определенную роль играют и вопросы противодействия наркотрафику, незаконной миграции, транснациональной преступности и т. д.

“Прохладная война” мало коснулась гуманитарной сферы, но и в этой области некоторый спад

очевиден. Многие университеты России и балканских стран поддерживают связи друг с другом. Однако точек соприкосновения между ними не так уж много, поэтому сотрудничество развивается лишь по отдельным направлениям и основывается в большей степени на личных связях, чем на институциональных соглашениях. Сокращение в РФ числа научных центров, где ведется комплексное изучение балканских стран (сейчас это институты РАН – ИМЭМО, Институт славяноведения, Институт Европы, а также МГУ, СПбГУ), с сожалением воспринимается в академических и общественных кругах Балкан.

Важную роль в российской политике в этом регионе играли и неправительственные организации. Однако их активность в последнее время несколько уменьшилась. Отношения Российской православной церкви с православными церквями балканских стран в большинстве случаев конструктивные. Однако есть и негативные симптомы, связанные с проблемой создания национальных церквей и обретения ими автокефалии. Так, конфликт РПЦ с Константинопольским патриархом и Греческой церковью связан с украинским томосом. РПЦ выступает против попыток передать имущество Сербской ПЦ в пользу Черногорской и Македонской ПЦ, где также происходит борьба за автокефалию национальных православных церквей.

Хотя проекты, реализуемые Россией на Балканах, особенно в сфере экономики, предусматривают участие, как правило, нескольких стран, это не исключает необходимости дифференцированного подхода к каждому балканскому государству. Представляется возможным выделить следующие критерии для определения групп балканских стран применительно к уровню их отношений с РФ:

– наличие встреч на высшем уровне, поскольку именно они являются показателем готовности партнеров к серьезным переговорам и развитию отношений;

– участие того или иного балканского государства в акциях НАТО и ЕС, направленных против политики России (наиболее важными показателями здесь, по мнению авторов, являются участие в санкционном противостоянии, голосование в Генеральной Ассамблее ООН по Крыму, степень участия в дипломатических демаршах и пропагандистских кампаниях);

– общее состояние и тенденции развития экономических, гуманитарных и иных связей.

На основании этих критериев можно определить пять групп балканских государств по уровню их отношений с Россией. Первая – это Сербия. Белград эпохи Николича–Вучича является несо-

мненным лидером в выстраивании позитивного образа российско-балканских связей. Сербия лидирует по числу контактов на высшем уровне, экономическому, военно-техническому и культурному сотрудничеству. Примером может служить российская помощь этой стране в связи с пандемией. Сербия использует образ РФ как своего ключевого партнера. “Сербия всегда может попросить помощи у России”, – заявлял первый вице-премьер Сербии И. Дачич [30]. И этот аспект прекрасно понимают на Балканах. Как отмечал известный албанский историк П. Мило, Сербия была и является эпицентром влияния РФ на Балканах [31]. Это, несомненно, дает Москве определенные преимущества, но и создает некоторые проблемы. В глазах и правящих кругов, и общественности большинства балканских государств (в первую очередь Албании, Хорватии, Косово, Словении, Боснии и Герцеговины) именно Белград является ответственным за большую часть кризисов и конфликтов последних десятилетий. Тесное сотрудничество РФ и Сербии рождает у них определенные подозрения, что Москва намерена развивать отношения только со славянскими и православными странами. Этот подход явно не разделяется в Болгарии. Ввиду исторически сложившихся сложных взаимоотношений с Сербией в Софии также с настороженностью следят за контактами Москвы и Белграда [32].

Вторая группа – это Словения и Греция. Отношения России с ними можно характеризовать как умеренно позитивные. Проходят встречи на высшем уровне, в основном сохраняются нормальные дипломатические отношения (российских дипломатов не высылали в связи с “делом Скрипалей”, а Греция сделала это из-за подозрений, что российское посольство пыталось сорвать достижение соглашения Афин со Скопье), развивается торгово-экономическое и гуманитарное взаимодействие. Однако, в отличие от Сербии, эти страны ввели санкции ЕС и постепенно прекращают военно-техническое сотрудничество с РФ. В то же время в них есть влиятельные политики, выступающие за улучшение отношений с Россией, а общественное мнение в целом благожелательно к ней. Таким образом, определенный потенциал во всех сферах, кроме военно-технической, имеется.

Третья группа – это Болгария, Босния и Герцеговина, Северная Македония и Хорватия. Их отношения с Россией можно оценить как нейтральные, хотя в случае с Боснией и Герцеговиной имеется определенная двойственность: они нейтральные с властями Сараево, но хорошие с автономной Республикой Сербской. Встречи на высшем уровне проходят, хотя и эпизодически; в дипломатических связях значительно больше проблем (Болгария, Северная Македония и Хорватия высылали

российских дипломатов из-за “дела Скрипалей”, а Болгария также из-за обвинений в незаконной разведывательной деятельности); торгово-экономические взаимоотношения развиваются неровно, хотя к санкциям ЕС примкнули только Болгария и Хорватия; гуманитарные контакты в целом сохраняются. Военно-техническое сотрудничество практически прекращено. Время от времени в СМИ России и этих стран вспыхивает полемика. Скорее всего, отношения РФ с этими государствами в ближайшее время останутся на прежнем уровне.

Четвертая группа – это Румыния, Албания и Черногория, отношения России с которыми можно охарактеризовать как умеренно негативные. Коммуникация на высшем уровне почти отсутствует: премьер-министр Албании Э. Рама посетил Москву 26 февраля 2020 г. в качестве действующего председателя ОБСЕ, но во время переговоров с С. Лавровым были рассмотрены и вопросы двусторонних отношений. Албания и Черногория так же, как и Румыния, присоединились к санкциям ЕС против РФ, хотя и не являются членами Евросоюза. В Москве резко критикуют размещение в Девеселу (Румыния) элементов ПРО США [33]. Некоторые российские политики опасаются поглощения Молдовы Румынией [34]. Отношения РФ и Албании осложняются непризнанием Россией Косово [35, сс. 264-265]. На российско-черногорские отношения негативное воздействие оказывают подозрения Подгорицы о наличии “русского следа” в попытке государственного переворота 2016 г. и определенная обидка влиятельных кругов России из-за вступления Черногории в НАТО. Однако негативный политический фон, кроме санкций, не нарушает торгово-экономические и гуманитарные связи. Ни одна из этих стран не сворачивает сотрудничество с РФ: они готовы развивать его в экономической, гуманитарной и – в несколько меньшей степени – политической сферах. В перспективе отношения с Албанией и Черногорией могут существенно улучшиться, а с Румынией, как минимум, не ухудшиться.

Пятая группа – Косово, с которым Россия не признает дипломатических отношений. Личный контакт В. Путина и президента самопровозглашенного Косово Х. Тачи в Париже в ноябре 2018 г. не привел к каким-либо изменениям, а приглашение российскому президенту посетить Приштину осталось без ответа. Сдвиг в отношениях Москвы и Приштины вряд ли возможен без урегулирования всех спорных вопросов между Белградом и Приштиной.

Таким образом, России лишь частично удалось сохранить свои позиции. Ее влияние ограничено и дифференцировано в зависимости от отношений с отдельными странами.

СЦЕНАРИИ НА БУДУЩЕЕ

Представляется возможным выделить три сценария последующего развития событий – ослабление влияния России на Балканах, сохранение современного состояния и укрепление позиций РФ. Главными факторами, от которых зависит влияние России на Балканах, скорее всего, станут:

- степень конфронтации России и Запада как в глобальном, так и в региональном масштабе;
- степень взаимодействия с региональными организациями балканских государств;
- степень интенсивности отношений России с отдельными балканскими государствами;
- восприятие России широкими кругами общественности балканских стран;
- эффективность работы российских неправительственных организаций, состояние связей между городами-побратимами, церквями, университетами и школами, культурного и молодежного обменов и т. д.;
- инициативность и целенаправленность внешней политики России, ее способность выдвигать реалистичные проекты и программы, воплощение которых в жизнь могло бы заинтересовать балканские страны.

При построении данных сценариев подразумевается сохранение внутривосточной стабильности как в РФ, так и в балканских государствах.

Первый вариант – влияние России на Балканах будет уменьшаться. Это может произойти в случае обострения отношений между РФ и Западом, перерастания нынешней “прохладной войны” во второе издание холодной. Конечно, современный Запад не так сплочен, активен и настроен на борьбу, как в годы холодной войны, но ввиду превосходящего потенциала он может эффективно проводить политику выдавливания России с Балкан. В этом случае косовский кризис будет урегулирован под эгидой ЕС и США без участия РФ. Вступление в НАТО Сербии, Косово, Боснии и Герцеговины маловероятно, хотя они в большей степени будут вовлечены в орбиту альянса. В случае усиления конфронтации России и Запада возможности для маневрирования у Белграда будут сведены к минимуму. Вашингтон возьмет на себя вопросы обеспечения кибербезопасности всех балканских государств, кроме, быть может, Сербии. Белград вряд ли открыто будет выступать против Москвы, но сотрудничество, помимо экономической и гуманитарной сфер, будет ограниченным. Албания, Северная Македония, Черногория и с несколько меньшей вероятностью – Сербия, Косово, Босния и Герцеговина или войдут в состав Евросоюза (Брюссель в случае конфронтации с Москвой мо-

жет ускорить этот процесс), или будут теснейшим образом связаны с ним. Региональные организации балканских государств будут еще более активно взаимодействовать с НАТО и ЕС или даже просто растворятся в них. Какие-либо контакты с РФ у них будут отсутствовать. Двусторонние связи России и балканских государств сохранятся, но будут значительно более формализованы, чем сейчас. Возникший под влиянием пандемии экономический кризис, несомненно, скажется на торговых связях, но в ближайшее время Балканам не обойтись без поставок российских газа и нефти. Однако в дальнейшем ситуация может измениться в неблагоприятную для РФ сторону из-за уменьшения спроса на энергоносители и появления альтернативных путей их поставок. При этом потери от сокращения торговли энергоносителями не компенсируются увеличением торговли другими товарами. Произойдет и значительная переориентация общественных настроений на Балканах. Официально деятельность российских неправительственных организаций вряд ли ограничат, но они будут постоянно находиться под подозрением и обвиняться в попытках вмешательства во внутренние дела. РПЦ придется противостоять Константинопольскому патриархату, который постарается усилить свое влияние на православные церкви Албании, Болгарии, Греции, Румынии и даже Сербии.

Второй вариант — во влиянии России на Балканах не произойдет качественных изменений, но тенденция к его медленному угасанию сохранится. В условиях “прохладной войны” линией Запада будет сдерживание, а не выдавливание России. Курс на расширение НАТО и ЕС останется прежним, но он не будет приоритетным для Вашингтона и Брюсселя. К странам-кандидатам будут выдвигаться те же требования, что и к другим, без каких-либо исключений. Запад, скорее всего, не пойдет на обострение отношений с РФ из-за Балкан и начнет действовать достаточно гибко. Региональные организации балканских стран продолжат дальнейшее сближение с НАТО и ЕС, но это не будет иметь открытой антироссийской направленности. Контакты России с региональными организациями станут эпизодическими и по совершенно конкретным вопросам. Двусторонние отношения РФ и балканских государств в основном сохранятся на нынешнем уровне. Проблема Косово не будет урегулирована: переговоры продолжатся без успеха или с минимальным продвижением вперед. В условиях экономического кризиса торговые связи на какое-то время сократятся, но затем частично восстановятся. Экспорт энергоносителей все больше будет сталкиваться с падением спроса и ростом конкуренции, а торговля другими товарами в лучшем случае сохранится на нынешнем уровне. Деятельность неправительственных организаций, городов-побратимов, уч-

реждений образования, науки и культуры продолжится, но в меньших масштабах из-за сокращения финансирования и ослабления внимания российской общественности к Балканам. Православные церкви сохранят связи с РПЦ, но будут избегать вовлеченности в конфликт между Московским и Константинопольским патриархатом.

Третий вариант — это усиление влияния России на Балканах. Он наиболее вероятен не в плане превращения Балкан в российский форпост, а в контексте возможного улучшения отношений России с Западом. После вступления в НАТО и ЕС балканских государств Запад считает их “своими”, но и в восприятии российских политиков и общественного мнения они не являются “вражескими”. Поэтому — даже с учетом ограниченности их политического влияния — Балканы могут стать одним из мостиков, связывающих Россию и Запад. РФ и региональные организации, как, например, Процесс сотрудничества в Юго-Восточной Европе (ПСЮВЕ), начнут постоянный диалог. Возможно, что на некоторые из проводимых ими совещаний и мероприятий РФ будет приглашаться в качестве наблюдателя. Двусторонние связи, включая диалог на высшем уровне, активизируются, но их эффективность будет во многом зависеть от сбалансированности отношений России со всеми балканскими странами. Сохраняя привилегированное партнерство с Сербией, для РФ в то же время целесообразно повысить уровень своих отношений с Грецией, Словенией и, возможно, Северной Македонией. Необходимо будет учитывать всю палитру взаимоотношений балканских государств между собой, которая в большинстве случаев возникла в результате местных, а не глобальных факторов. Проблема Косово будет урегулирована. Основную роль в этом сыграют США и Евросоюз, но Россия не будет полностью игнорироваться. После окончания экономического кризиса торговля получит развитие за счет увеличения списка товаров, так как возможный предел экспорта энергоносителей уже достигнут.

В условиях современного международного развития — как глобального, так и регионального — наиболее вероятным представляется второй вариант.

Влияние России на Балканах будет во многом определяться тем, насколько быстро и успешно ее политика сможет адаптироваться к новым условиям, которые складываются под влиянием пандемии и экономического кризиса. Скорее всего, в новой обстановке произойдет значительное усиление внимания к проблеме общественного здравоохранения и медицины, а также развитию информационных технологий во всех сферах — государственном управлении, бизнесе, образовании и т. д. Это в свою очередь может дать толчок к появлению новых социальных слоев, связанных

с этими изменениями, значение которых будет постепенно возрастать. Если Балканы не смогут добиться существенного продвижения вперед в этих сферах, то их отставание от Западной и Центральной Европы еще больше увеличится. Поэтому правящие круги и общественность балканских стран будут пытаться получить международную помощь для ускорения своего развития. Россия могла бы заметно укрепить свой авторитет, стимулировав сотрудничество с балканскими государствами именно в сферах общественного здравоохранения, медицины и информационных технологий, включая дистанционное образование, и наладив практические контакты без какой-либо политической и идеологической окраски с новыми социальными слоями, появляющимися в результате этих изменений. Это могло бы стать шагом и в привлечении симпатий, по крайней мере, части балканской общественности.

* * *

Подводя итог исследованию, представляется возможным сделать вывод, что России приходится действовать на Балканах в условиях неблагоприятного соотношения сил, которое вряд ли изменится

в обозримом будущем. Процесс интеграции Балкан в европейские и евро-атлантические структуры, вероятно, необратим, но не абсолютен – динамичное балансирование ведущих игроков и самих балканских государств сохранится. Это даст Москве определенное поле для маневра. Возможности РФ на Балканах во многом будут зависеть от развития международных отношений в глобальном масштабе. Переход от “прохладной войны” к разрядке напряженности и, тем более, партнерству создаст для России благоприятные перспективы. Много будет зависеть от активности и инициативности российской дипломатии. Для РФ целесообразно не только избегать шагов, которые могут быть восприняты на Балканах как желание спровоцировать столкновения или конфликты, но и, наоборот, выступать в качестве стабилизирующего фактора – страны, предлагающей решения существующих проблем. Ей важно найти новых партнеров среди тех политических сил и социальных слоев, которые выходят на первый план в балканских государствах. Таким образом, российское влияние будет определяться не только общим развитием международных отношений, но и вкладом в дело стабильности и развития Балкан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Кандель П. Западные Балканы и трансформация ЕС. Громыко Ал.А., Федорова В.П., ред. *Европа между трех океанов*. Москва, Нестор-История, 2019, сс. 235-256. [Kandel' P. Zapadnye Balkany i transformatsiya ES [Western Balkans and the Transformation of the EU]. Gromyko Al.A., Fedorova V.P., eds. *Evropa mezhdru trekh okeanov* [Europe between Three Oceans]. Moscow, Nestor-Istoriya, 2019, pp. 235-256.]
2. Пономарева Е.Г. *Балканский рубеж России. Время собирать камни*. Москва, Книжный мир, 2018. 320 с. [Ponomareva E.G. *Balkanskii rubezh Rossii. Vremya sobirat' kamni* [Balkan Border of Russia. Time to Collect Stones]. Moscow, Knizhnyi mir, 2018. 320 p.]
3. Entina E., Pivovarenko A. Russia's Foreign Policy Evolution in the New Balkan Landscape. *Politička misao: časopis za politologiju*, 2019, vol. 56, no. 3–4, pp. 179-199. DOI: 10.20901/pm.56.3-4.08
4. Kovačević M. Understanding the Marginality Constellations of Small States: Serbia, Croatia, and the Crisis of EU–Russia Relations. *Journal of Contemporary European Studies*, 2019, vol. 27, iss. 4 (December), pp. 409-423.
5. Bechev D. *Rival Power: Russia in Southeast Europe*. Yale, University Press, 2017. 320 p.
6. Samorukov M. *Can Russia and the EU Overcome Their Differences in the Balkans?* Available at: <https://carnegie.ru/commentary/78128> (accessed 17.03.2020).
7. Езерник Б. *Дикая Европа*. Москва, Лингвистика, 2017. 358 с. [Ezernik B. *Dikaya Evropa* [Wild Europe]. Moscow, Lingvistika, 2017. 358 p.]
8. *Стратешки план 2019–2021*. [Strategic Plan 2019–2021 (In Mac.)] Available at: <https://www.mfa.gov.mk/en/document/469> (accessed 20.03.2020).
9. *Большая советская энциклопедия*. Москва, Советская энциклопедия, 1926. 800 с. [Great Soviet Encyclopedia. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1926. 800 p. (In Russ.)]
10. *Балканский полуостров*. [Balkan Peninsula (In Russ.)] Available at: <https://bigenc.ru/geography/text/5661870> (accessed 20.03.2020).
11. *Центральная и Юго-Восточная Европа. Конец XX – начало XXI вв. Аспекты общественно-политического развития. Историко-политологический справочник*. Москва, Санкт-Петербург, Нестор-История, 2015. 480 с. [Central and Southeast Europe. The End of XX – Beginning of XXI Centuries. Aspects of Socio-Political Development. Historical and Political Reference Book. Moscow, Sankt-Petersburg, Nestor-Istoriya, 2015. 480 p. (In Russ.)]
12. *Working Visit of Russian Foreign Minister Sergey Lavrov to the Republic of Slovenia*. Available at: https://www.mid.ru/web/guest/maps/si/-/asset_publisher/WoZiTN0Oqzhu/content/id/209794?p_p_id=101_INSTANCE_WoZiTN0Oqzhu&_101_INSTANCE_WoZiTN0Oqzhu_languageId=en_GB (accessed 21.03.2020).
13. *Ceremony to Launch TurkStream Gas Pipeline*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/62553> (accessed 21.03.2020).

14. Jirušek M. *Politicization in the Natural Gas Sector in South-Eastern Europe: Thing of the Past or Vivid Present?* Brno, Masarykova univerzita, 2018. 288 p.
15. *Специальный обзор по рынку российской нефти*. [Special Review of the Russian Oil Market (In Russ.)] Available at: <https://www.argusmedia.com/-/media/Files/white-papers/fsu/published/russian-crude-market-special-report.ashx> (accessed 15.03.2020).
16. *Western Balkans Regional Poll. February 2, 2020 – March 6, 2020*. Center for Insights in Survey Research. Available at: https://web.archive.org/web/20200719072952/https://www.iri.org/sites/default/files/final_wb_poll_for_publishing_6.9.2020.pdf (accessed 20.03.2020).
17. *Russia and Putin Receive Low Ratings Globally*. Available at: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2020/02/07/russia-and-putin-receive-low-ratings-globally/> (accessed 20.03.2020).
18. *Vučić verovatno pre izbora sa Putinom*. [Vucic Was Probably Negotiating with Putin (In Serb.)] Available at: <http://www.politika.rs/sr/clanak/376540/Vucic-verovatno-pre-izbora-sa-Putinom> (accessed 15.03.2020).
19. Vuksanovic V. Serbs Are Not “Little Russians”. *The American Interest*, July 26, 2018. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2018/07/26/serbs-are-not-little-russians/> (accessed 15.03.2020).
20. *Russian and Serbian Military Departments Interaction Reaches New Level*. Available at: http://eng.mil.ru/en/news_page/country/more.htm?id=12276399@egNews (accessed 15.03.2020).
21. *Концепция внешней политики Российской Федерации*. 15 июля 2008 года. [The Concept of Foreign Policy of the Russian Federation. July 15, 2008. (In Russ.)] Available at: <http://kremlin.ru/acts/news/785> (accessed 15.03.2020).
22. *Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation*. 18 February 2013. Available at: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/122186?p_p_id=101_INSTANCE_CptICkB6BZ29&_101_INSTANCE_CptICkB6BZ29_languageId=en_GB (accessed 15.03.2020).
23. *South Stream Will Ensure Reliable Russian Gas Supplies to Main Consumers in Europe*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/17086> (accessed 21.03.2020).
24. *Telephone Conversations with Hungarian Prime Minister Viktor Orban and President of Serbia Tomislav Nikolic*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/47187> (accessed 21.03.2020).
25. Ваксберг Т. *Краят на тайните около “Южен поток”*. [Vaksberg T. The End of the Secrets around the South Stream (In Bulg.)]. Available at: <https://p.dw.com/p/1Bwre> (accessed 15.03.2020).
26. Pećinar A. The Paris Peace Conference – Contemporary Balkans’ Perspective. *Вестник СПбГУ. Международные отношения*, 2019, т. 12, вып. 3, сс. 327-339. [Pećinar A. The Paris Peace Conference – Contemporary Balkans’ Perspective. *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, 2019, vol. 12, iss. 3, pp. 327-339.]
27. *Внешняя торговля России*. [Russian Foreign Trade (In Russ.)] Available at: <https://russian-trade.com/> (accessed 20.03.2020).
28. *Skopje Rejects Russian Invitation to Join Eurasian Economic Union*. Available at: <http://www.gazetatema.net/en/skopje-rejects-russian-invitation-to-join-eurasian-economic-union/> (accessed 15.03.2020).
29. Андреев А. *Защо Лавров заговори за подялба на Македония – при това само между България и Албания?* *Deutsche Welle*, 21.05.2015. [Andreev A.A. Why Lavrov Discusses Macedonia’s Partition – Only Between Bulgaria and Albania? *Deutsche Welle*, 21.05.2015. (In Bulg.)] Available at: <https://p.dw.com/p/1FTbu> (accessed on 20.03.2020).
30. Dačić: *Putinova poseta podrška, čekamo i Makrona, uputili smo poziv i Trampu*. *Новости*, 06.01.2019. [Dacic: Putin’s Visit Is Support, We Are Also Waiting for Macron, We Have Sent an Invitation to Trump as Well. *Novosti*, 06.01.2019. (In Serb.)] Available at: <https://www.novosti.rs/vesti/naslovna/politika/aktuelno.289.html:770043-Dacic-Putinova-poseta-podrskacekamo-i-Makrona-uputili-smo-poziv-i-Trampu> (accessed on 15.03.2020).
31. Milo P. *Fuqitë e Mëdha dhe çështja shqiptare*. [Milo P. The Great Powers and the Albanian Question. (In Alban.)] Available at: <http://www.panorama.com.al/fuqite-e-medha-dhe-ceshtja-shqiptare/> (accessed 15.03.2020).
32. *Diplomatic Tensions Between Bulgaria and Serbia*. Available at: <https://www.novinite.com/articles/198371/Diplomatic+Tensions+Between+Bulgaria+and+Serbia> (accessed 20.03.2020).
33. *Defence Ministry Board Meeting*. Available at: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/59431> (accessed 20.03.2020).
34. Агумава Ф. *Владимир Дзхабаров: Румынии нужно пригрозить санкциями*. [Agumava F. *Vladimir Dzhahbarov: Rumynii nuzhno prigrozit' sanktsiyami*] Available at: <https://www.pnp.ru/politics/vladimir-dzhabarov-rumynii-nuzhno-prigrozit-sankciyami.html> (accessed 20.03.2020).
35. Махмутай Н.М. Современное состояние албанско-российских отношений в политической сфере. *Власть*, 2019, т. 27, № 4, сс. 260-270. [Makhmutai N.M. Современное состояние албанско-россиискх отношений в politicheskoi sfere [The Current Albanian-Russian Relations in the Political Sphere]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 4, pp. 260-270.] DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i4.6640>

RUSSIAN POLICY IN THE BALKANS: CURRENT SITUATION AND PERSPECTIVES

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 90-99)

Received 23.03.2020.

Konstantin K. KHUDOLEY (k.khudoley@spbu.ru),

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

Evgenii A. KOLOSKOV (e.koloskov@spbu.ru),

St. Petersburg State University, 7/9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

The article discusses the current situation and prospects of Russian policy in the Balkans. Officially, today, the Balkans are not assigned to the priorities of the Russian foreign policy, but there is one of the lines of the “Cool War” against the West. It is Russia’s desire to oppose the expansion of NATO and the EU, to create an infrastructure for the transportation of energy resources; it is also the emergence of sanctions and counter-sanctions. The purpose of this article is to characterize the foreign policy of the Russian Federation in the Balkans in the context of the current confrontation between Russia and the West. The authors try to identify possible scenarios for further development of international relations in the region. The term “Cool War” is used as the most accurate for characterizing the confrontation between Russia and the West, because – the authors believe – it differs from the “Cold War” in content, directions and its severity, although it is waged with the same methods and tools. The analysis of the Russian foreign policy in the Balkans and the method of constructing scenarios are used in the article as a research methodology. In this paper, five groups of states are distinguished in the Balkans according to their relations with Russia. Also it is assumed that three scenarios are possible in the future: weakening of Russia’s position, its maintaining at the current level, and its strengthening. This will largely depend on the confrontation degree and Russia’s activity, especially in the economic and humanitarian spheres.

Keywords: foreign policy of Russia, Balkans, “Cool War”, USA, NATO, European Union, China, Serbia.

About authors:

Konstantin K. KHUDOLEY, Doctor of History, Professor, Head of Department of European Studies, School of International Relations.

Evgenii A. KOLOSKOV, Candidate of History, Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, School of International Relations.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-90-99

СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ И ГЛОБАЛЬНАЯ ТУРБУЛЕНТНОСТЬ: ПЕРЕЗАГРУЗКА МЕЙНСТРИМА

© 2021 г. В. Мартьянов, Л. Фишман

*МАРТЬЯНОВ Виктор Сергеевич, кандидат политических наук, доцент,
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
(martianov@instlaw.uran.ru).*

*ФИШМАН Леонид Гершевич, доктор политических наук, профессор РАН,
Институт философии и права УрО РАН, РФ, 620137 Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
(lfishman@yandex.ru).*

Статья поступила в редакцию 01.08.2020.

После крушения биполярного мира в глобальной иерархии социальных наук сложился неолиберальный мейнстрим, выстроенный на *трех аксиоматических китах*: господстве Запада, капитализме (свободный рынок) и либерализме (ценность индивидуальной автономии). В настоящее время все чаще можно наблюдать процессы критики и распада мейнстрима, претендовавшего на универсальность описаний и легитимации современных обществ, достигших *конца истории* в виде рыночных либеральных демократий *открытого доступа*. Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, каким образом трансформации господствующих политико-экономических порядков, конфигурации субъектов геополитического доминирования и легитимирующих их метафор определяют направления изменений обществоведческого мейнстрима. Обосновывается гипотеза, что превалирующие принципы стратификации и распределения общественных ресурсов будут все реже ценностно и институционально связаны с капитализмом, рынком, демократией, так как апелляция к последним на практике не ведет к росту доступных возможностей для большинства населения.

Ключевые слова: социальные науки, мейнстрим, метафора, альтернатива, кризис легитимации, центр–периферия, рента, рентное общество, социальная онтология, социальная стратификация.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113

Имеет место устойчивая точка зрения, согласно которой “поскольку наука интересуется устойчивым и типичным, основная задача языка любой науки, наряду с собственно коммуникативной, подготовка предмета исследования к математическим методам интерпретации. Вне таких методов современная наука не существует” [1, с. 68]. Представляется, что такие редукционистские утверждения применимы только к естественным наукам, нацеленным на поиск истины, в которых возможно полное разделение субъекта и объекта. Если общественные науки претендуют на определение *блага* для общества и/или человека, которые неизбежно являются включенными в объект исследования, то подобная редукционистская задача неразрешима в принципе. Более того, эта задача неразрешима даже в квантовой физике, в которой измерение объекта одновременно является его изменением.

Ключевая цель общественных наук — предложение вариантов урегулирования насущных социальных проблем, исходя из результатов осмысления социально-политических феноменов и процессов. Решая подобные задачи, общественные науки одновременно выполняют функции легитимации политического порядка, а это их специфическая функция, которая напрямую отсутствует

у наук о природе [2, с. 251]. Доминирующая парадигма, в рамках которой осуществляются такое осмысление и легитимация, будет далее называться социально-политическим или обществоведческим мейнстримом. Политология, социология, экономика и в целом науки об обществе имеют общие метапарадигмальные основания, сформировавшиеся до их дисциплинарного разделения, из которых проистекают совместные базовые представления о человеке и обществе, сакральном и профанном [3]. Мейнстрим в качестве ценностного ядра образуется на пересечении всех проблемных полей общественных наук в конкретно-историческое время, характеризуясь синтетической природой. Существует не всегда очевидная связь социологических, экономических, политологических парадигм с определенными идеологиями и утопиями, политико-экономическими порядками, с интересами определенных социальных групп, а также участниками борьбы за классовое и геополитическое доминирование. По мере утраты доминирующих позиций классовыми, геополитическими, экономическими субъектами, исходя из интересов которых были сформулированы парадигматические основания мейнстрима, предлагаемые последним постановления исследовательских вопросов и решения разного рода задач становятся все менее

адекватными. В то же время с уменьшением влияния прежних субъектов доминирования, утратой эвристичности отвечающих их интересам научных теорий появляются предпосылки для формирования новых научных парадигм. Тем самым мейнстрим репрезентирует общество, воспринятое сквозь призму классовых интересов доминирующих групп и их представлений, определяющих в данный исторический момент социальную норму и основания социально-политического и экономического порядка [4].

Таким образом, социальные теории и идеологии являются результатом наблюдения и оценки социальной реальности глазами неких субъектов, действующих в этой реальности. Социальные сдвиги/изменения напрямую связаны с изменением состава этих субъектов, которые начинают смотреть на социальную реальность по-другому, менять привычные представления о ней. В подобной перспективе фоновыми факторами расширения пространств *гетерархии* и запуска социальных изменений выступают социальная онтология и стратификация, а также идеологии коллективных субъектов, связанные с их интересами и фиксируемые в идеях определенного ценностного спектра [5]. Востребованные *поднимающимися* социальными группами идеи, концепции, идеологии усиливают свое влияние в иерархии политического знания и обретают научный статус взамен развенчанных теорий бывших гегемонов, которые девальвируются до *ложного сознания*, идеологий и мифов. Поэтому становление и упадок обществоведческого мейнстрима обусловлены конфигурацией следующих основных факторов: господствующий в глобальном масштабе политико-экономический порядок и легитимирующие его идеологии; конкретно-исторический характер геополитического доминирования и его субъект.

ФАКТОРЫ ВЗЛЕТА И ПАДЕНИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО МЕЙНСТРИМА

В представленном выше методологическом контексте период с середины XIX в. до начала 1990-х годов в глобальном масштабе определялся: 1) господством капитализма (после Великой Октябрьской революции и Второй мировой войны – не безраздельным); 2) геополитическим господством Запада; 3) высокой степенью плюрализма политических порядков и легитимирующих их идеологий как внутри самого Запада, так и за его пределами, притом что после Второй мировой войны такое разнообразие существенно снизилось. Все это предопределило развитие национальных обществоведческих школ, прежде всего в СССР (в виде развития марксистской теории и построения некапиталистического общества), ключевых

европейских странах (Великобритания, Франция, Германия и др.) и США, которое в течение большей части XX в. препятствовало формированию глобального мейнстрима. Однако к концу XX столетия произошла значительная унификация глобального экономического и политического порядка. При общем доминировании капитализма потерпели крушение или интегрировались на правах периферии в глобальную капиталистическую мировую систему страны, ранее пытавшиеся построить альтернативный ей мировой экономической порядок. В идеологическом и геополитическом контекстах к концу XX в. потерпели поражение СССР, его сателлиты и общая идеология коммунизма. На некоторое время установилось никем не оспариваемое геополитическое доминирование США, гласное или молчаливое признание идеи саморегулируемого конкурентного рынка как самой эффективной модели экономики, либеральной демократии – наилучшим из политических режимов, а либерально-демократической идеологии – наиболее отвечающей интересам подавляющего большинства жителей планеты.

Тем не менее следует особо подчеркнуть, что неолиберальный дискурс с самого начала был атрибутивным дискурсом, отталкивающимся от ущербности, от констатации *порчи капитализма*. Он исходил из того, что настоящий, *здоровый* капитализм фундаментально испорчен государственным регулированием рынков, левыми идеями государства всеобщего благосостояния, высокими налоговыми нагрузками на бизнес. В результате западные общества утратили базовые буржуазные добродетели и “достижительную” протестантскую этику, которые можно *отыграть обратно* волевыми усилиями и соответствующей политикой. Иными словами, это с самого начала была гибкая и прагматичная разновидность более общего дискурса *ремонта капитализма*.

В условиях доминирования дискурсов *транзита, модернизации, саморегулируемого рынка, неограниченного роста и конца истории* сложился неолиберальный мейнстрим – иерархия глобального знания, выстроенная на *трех своеобразных китах*: господстве Запада, капитализме и либерализме. Уже в самом начале апологии западной однополярности было наивно полагать, что глобальный триумф США и шире – Запада продлится долго, так как мировая история, экономика и политика не знают вечных победителей. Даже в рамках самих дискурсов транзита и модернизации подразумевалось, что такое господство не может быть вечным, поскольку ранее отстающие страны обречены перенимать институты, идеологии и практики стран-лидеров с вытекающими отсюда последствиями. В настоящее время все основания постбиполярного мейнстрима оказались критически уязвимы в силу из-

менения равновесия классовых и геополитических субъектов. Релевантность его ключевых понятий и концепций падает, так как ценностно-институциональные основания политико-экономического порядка глобального общества продолжают изменяться.

1. Капитализм все чаще обнаруживает глобальные пределы модели бесконечного экономического роста и признаки исчерпания свободных рынков, конкуренция на которых постоянно обостряется и все чаще регулируется вне рыночными методами. Таковы, например, глобальные рынки природного сырья (нефти, металлов, золота, алмазов), медикаментов, технологий, регулируемые транснациональными олигополиями производителей или даже межгосударственными картельными соглашениями типа «ОПЕК+», чье существование прямо противоречит принципам свободной конкуренции. Кризис саморегулируемых рынков и нарастающая критика идеи свободного рынка как слева, так и справа, который обещал рост доступных возможностей для всех, но фактически обеспечил его лишь для немногих социальных слоев и обществ капиталистической миросистемы [6, с. 47], становится фоном для разворачивания альтернативных теорий рентного общества [7] и посткапитализма [8]. Эта критика усиливается на фоне повсеместного сокращения ресурсов и механизмов социального государства.

Явные глобальные пределы свободных рынков обуславливают поворот от справедливости, связанной с потенциальным ростом доступных возможностей для всех участников конкурентной борьбы на рынках капитала, товаров и рабочей силы, к левой модели справедливости, связанной с установлением более эгалитарного доступа для всех к уже имеющимся ресурсам. Чувствительность современных обществ к подобным идеям растет с середины 1970-х годов, будучи обусловлена тенденцией увеличения доходного и имущественного неравенства граждан, а также стагнацией реальной покупательной способности зарплат работающего населения Европы и США [9]. Более того, ресурсные, технологические, демографические и иные пределы роста диктуют стратегию не просто перераспределения, но и все более устойчивого политического передела этих ресурсов. Политическая логика передела набирает легитимность как в геополитическом измерении – между уходящими и поднимающимися гегемонами, так и внутри современных обществ. Все популярнее становятся прогрессивные налоги на наследство и крупную собственность. Последние до недавнего времени были *священной коровой* капитализма, но даже в США находят все больше сторонников в результате коммунистического поворота, диктуемого экономической стагнацией.

В настоящее время передел конечных жизненных ресурсов все чаще начинает осуществляться по внеэкономическим, политическим сценариям, которые пишутся вовсе не *невидимой рукой рынка*, но вполне земными политическими субъектами, чьи интересы далеки от универсальности. Кроме того, выясняется, что «успешный опыт Китая и Индии, а до них – Японии и “восточноазиатских тигров”... может мало сообщить об относительных преимуществах рыночного либерализма и социал-демократии» [10, с. 42]. Экономические и идеологические трансформации рыночного капитализма все интенсивнее проявляются в формировании языка описания общества с позиций новых социальных субъектов: прекариата (Г. Стэндинг), бегущей буржуазии (Д. Брукс), креативного класса (Р. Флорида), *множеств* (А. Негри, М. Хардт), *андеркласса*, *NEET* (*Not in education, employment nor training* – люди без образования, занятости и трудовых навыков) и т. д. Новые понятия фиксируют необратимые изменения социальной онтологии, но в то же время указывают на аморфность и неустойчивость возникающих социальных групп, которые пока являются скорее следствиями распада привычных экономических классов, чем устойчивыми элементами будущей социальной стратификации. Для описания новой социальной структуры сложившегося языка еще нет, так как новая онтология в окончательных чертах еще не состоялась, демонстрируя скорее промежуточную ситуацию неопределенности и утраты доверия к прежним описаниям. Отсюда проистекает социально-политическая риторика общественных наук с расширенным использованием неологизмов, метафор, разнообразных пост-, нео-, квази- и т. д. В ходе рентной трансформации глобального капитализма общество постепенно обретает альтернативный язык описания, вырабатываемый новыми социальными группами.

2. Либерализм перестает выступать непоколебимым метаоснованием базовых координат политических идеологий и связанных с ними этических и управленческих решений. Все чаще он предстает в своей радикальной неолиберальной версии, которая не может служить идейной основой для широкого социального согласия, связанного с механизмами демократического согласования интересов и коммунистическими ценностями [11]. В этом смысле неолиберализм – это *фактический* возврат к узкому и недемократическому пониманию эгалитарности классического либерализма XIX в., ограниченному всяческими цензами и минимальными процедурами электорального участия неэлит. Нарастающая дисфункциональность привычных ценностных и онтологических координат *либерального консенсуса* великих современных идеологий обостряет проблемы легитимации политического

порядка в западных странах. Этот порядок теряет опору на сокращающийся средний класс, все чаще генерируемый не рынком, а государством (Китай, Россия), и испытывает нарастающие вызовы несистемных движений, образующих альтернативные ценностные координаты политики [12]. Либерализм не раз обнаруживал ограниченность своих ценностных, идеологических представлений, связанных с интересами конкретно-исторических классовых субъектов и способов распределения общественных ресурсов, которые он пытается сделать внеисторичными и всеобщими на основании неубедительных допущений об абстрактных индивидах, окруженных *завесой незнания, позволяющей принимать справедливые решения в интересах каждого* [13]. Все шире распространяются альтернативные либерализму политические, экономические и этические регуляторы, такие, например, как этика добродетели, корпоративные и двойные стандарты, популизм [14]. Наконец, представительные демократические институты в силу падевания военной и трудовой ценности большинства населения перестают быть эффективным основанием политического участия народных масс [15]. Трансформация социальной структуры ведет к институциональному кризису представительной демократии. Последний выражается в усилении разнообразного национал-популизма, реагирующего на новые общественные запросы и симптомы системного кризиса рыночного капитализма, но вряд ли могущего их удовлетворить в долгосрочной перспективе. Нередко звучит критика модели элитарной демократии и политических элит, которые приватизировали публичную сферу, переставшую быть (за исключением стихийных всплесков несистемной активности) областью реального проявления интересов большинства, проявления интересов значимых социальных групп. Экспансия специфической модели *homo oeconomicus* в качестве универсальной во все сферы жизни общества ведет к тому, что “одним из важнейших следствий неолиберализации становится подавление и без того анемичного *homo politicus* либеральной демократии – подавление, имеющее огромные последствия для демократических институтов, культур и воображаемого” [16, с. 119]. Наконец, исчерпало себя само понимание *свободы*, укорененное в социальной онтологии либерализма, а также в целом в либерально-консервативно-социалистическом консенсусе реформированного капитализма второй половины XX столетия. Причем как в позитивном, так и негативном плане. Потому что свобода, хотя и ассоциируется с либерализмом, не исчерпывается ее либеральным пониманием, поскольку у либерализма нет монополии на идею свободы. В античности была своя идея свободы, в эпоху Возрождения и Реформации – неоримская, это уже

не говоря о левых инвариантах либеральной идеи. В широком смысле свобода подразумевает доступ к возможностям. Если доступ сокращается для все большего числа людей или же в силу разных обстоятельств меняется сам спектр доступного и желаемого, то терпит упадок и сама идея свободы. Новая парадигма политологического мейнстрима поэтому подразумевает новую идею свободы.

В подобных условиях процедурная или электоральная демократия становится имитационным институциональным скелетом, в то время как реальное содержание и цели политики даже в *развитых демократиях* все чаще определяются партикулярными интересами влиятельного меньшинства [17]. Базовые принципы функционирования демократии в *образцовых* западных обществах подвергаются многочисленным экспертным, плебисцитарным и популистским манипуляциям со стороны элит [18]. Многие исследователи приходят к выводу о кризисе и упадке представительной модели демократии, завышенной оценке возможностей ее всестороннего положительного влияния на жизнь общества (К. Крауч [19], П. Майр [20]). Сравнительная статистика 135 государств на протяжении последних 30 лет, обобщенная К. Клаасеном, показывает, что расширение демократических процедур и институтов само по себе не является залогом последующей устойчивости демократии. Наоборот, парадоксальным образом последовательная демократизация часто ведет к нарастанию ее внутренних противоречий и деконсолидации, снижает уровень доверия к демократическим институтам в ситуации, когда расширяются требования всевозможных меньшинств, противопоставляющих себя большинству. Элиты в этом случае начинают вести свою игру, подменяя *правление народа*, а демократические завоевания оцениваются обществом как данные навечно и не предполагающие постоянного подтверждения коллективными демократическими практиками [21]. Поэтому в последнее время набирает популярность радикальный дискурс замены выборной демократии *демократией жребия*, где лица, принимающие решения, избираются и назначаются случайным образом. Это позволяет ослабить универсальные естественные тенденции, выраженные в *железном законе олигархии* (М. Острогорский), когда полномочия, возможности и ресурсы со временем концентрируются в закрытых группах и руках немногих [22].

3. Снижение влияния США и Европы выражается в критике тождества Запада и идеала политического устройства в качестве сконструированного политического мифа. Политические интересы Запада и либеральный политический порядок постепенно дифференцируются. Американскую гегемонию, расширяющуюся с 1945 г., все трудней

убедительно описывать как шествие демократии и либерализма, поскольку в действительности она является лишь механизмом выстраивания военно-политических и экономических иерархий и балансов в условиях биполярного мира и продвижения исключительно национальных интересов в пост-биполярный период [23]. Либеральный международный порядок все чаще критически оценивается как ложное *коллективное воображаемое*, поддерживать которое Запад более уже не способен [24]. И. Брафф отмечает усиление авторитарных тенденций неолиберализма в современных западных обществах, когда под предлогом безопасности граждан (политика секьюритизации) усиливается контроль государства со стороны элит и сворачивается неизбежно конфликтное публичное пространство демократии [25].

В XXI в. стремительно набирают военное, экономическое и демографическое влияние западные державы, чьи интересы расходятся с Западом и все убедительнее облакаются в альтернативные модели политологической, культурной, экономической и исторической легитимации. В частности, Китай в 2016 г. уже создал собственную, альтернативную Западу версию мировой истории экономической мысли в 11 томах [26]. Эти модели нередко выходят за пределы иерархии глобальных политических ценностей и институтов, установленной Западом. К тому же в условиях усиления протекционизма, маргиналистской экономической политики, ужесточения миграционной политики, обострения национализма и популизма, кризиса систем социального обеспечения сами западные общества зачастую оказываются не столь свободными, рыночными, демократичными и доступными для всех, как это заявлялось ранее в соответствующей политической риторике. Западные общества, интерпретируемые как образец для развития всех остальных обществ, на практике все заметнее расходятся с тем общественным идеалом, который они себе приписывали. *Испытывая давление тех же негативных фоновых тенденций, что и другие общества, связанных с достижением пределов рыночного насыщения, приостановкой экономического роста, сокращением массового рынка труда, усилением внеэкономической конкуренции и имущественного неравенства, сжатием социального государства и т. д., западные общества обнаруживают нарастающие проблемы с воспроизводством демократии, рынка и капитализма, которые ранее считались их неотъемлемой частью.* Это неизбежно сопровождается умножением практик всевозможных *двойных стандартов*, которые разрушают веру в универсальность и практическую возможность реализации принципов демократии, свободы, равенства, невмешательства, свободы передвижения, честной конкуренции и т. д. В то же

время все очевиднее успехи в развитии обществ, которые в разной степени не соответствуют либеральному, рыночному и демократическому канону. Более того, они и не собираются встраиваться в западную ценностно-институциональную иерархию, поскольку попытки институционального копирования и транзита уже не приносят западным обществам желаемого эффекта. Они лишь дают повод считать, что преимущества Запада обусловлены не только и не столько либерально-демократическими ценностями, институтами и практиками самими по себе, сколько их военной мощью, политическим давлением и центральным положением в актуальной капиталистической миросистеме, обеспечивающей внеэкономические выгоды ее бенефициарам и регуляторам.

Соответственно, теряют объяснительный и легитимирующий потенциал политологические и экономические теории, в которых Запад представляет собой источник ценностных и онтологических констант. В результате можно наблюдать процессы системного распада неолиберального политологического и экономического мейнстрима, претендовавшего на универсальность описаний современных обществ, достигших *конца истории* в виде рыночных либеральных демократий открытого доступа. Ключевой вызов мейнстриму заключается в том, что наблюдаемые трансформации социально-политических реалий современных обществ, рассматриваемые в качестве *исключений и отклонений*, на самом деле таковыми не являются. Все накапливающиеся отклонения в экономике, социальной структуре, изменении геополитического баланса, коллективных идентичностях и т. д. — это признак становления новых социальных закономерностей или устойчивых старых, которые субъекты неолиберального политологического мейнстрима пытаются либо не замечать, либо описывать в качестве временной патологии, *архаичных, маргинальных* или *периферийных* явлений. Однако в настоящее время таких исключений становится слишком много, что обуславливает неизбежность переосмысления самого мейнстрима.

В рамках мейнстрима затаенные кризисные тенденции современных обществ, отклоняющие их от нормативного идеала либеральных демократий, описываются в рамках *дискурсов гражданского ремонта* (Дж. Александер, [27]) или *культурной травмы* (П. Штомпка, [28]), исходящих из того, что рост наблюдаемых отклонений и социокультурные тенденции, плохо поддающиеся описанию привычным категориальным словарем, являются лишь временными кризисами. Эти *дискурсы ремонта* формулируются в виде локальных утопий, связанных с *креативностью* (классов, городов или экономик), цифровизацией, сетевизацией, роботизацией, инновациями, нанотехноло-

гиями, джентрификацией, смарт-технологиями, экономикой знания, капитализацией интеллекта, *плоским миром* (Т. Фридман, [29]), – любимыми концепциями, призванными показать, что рынок/капитализм не утратил способности расширять ресурсное пространство для всех вовлеченных участников. В действительности все эти новые истории рыночного успеха оказываются скорее историями возвышения разных *меньшинств* на фоне устойчивой стагнации доступных ресурсов и жизненных перспектив для *большинства*. Предполагается, что любые кризисы и исключения волшебным образом будут преодолены, а общество вновь войдет в привычную ценностно-институциональную *колею* либерализма, рынка и демократии, из которой оно все чаще и сильнее выпадает. Более того, «когда какие-то эмпирические явления слишком выходят за пределы прежней реальности, которая фиксируется доминирующим экономическим дискурсом, исследователи прибегают к использованию таких концептов, как “японское экономическое чудо”, “азиатские тигры”, “голландская болезнь” и т. д. Чудеса, болезни, тигры и т. д. – метафоры из сферы сверхъестественного. Чтобы включить соответствующие феномены в вербальные модели, экономисты прибегают к магическим артефактам, используя стиль фэнтези не менее мастеровито, чем знаменитый основоположник жанра Дж. Толкиен» [30, сс. 8-9]. Эти представления и приемы приверженцев экономического мейнстрима на практике разделяют популисты, которые сегодня все чаще бросают вызов истеблишменту. Набирающий обороты популизм, как правого, так и левого толка, – политическое воплощение этого *дискурса ремонта*, адресованного массам [31]. Подобная уверенность представителей неолиберального политологического мейнстрима в принципиальной неизменности как сложившегося, так и желательного социального порядка достойна удивления. Она не позволяет ответить на вопросы об истинных причинах социальных изменений, предлагая считать их *болезнью и патологией: недостойным правлением, зависимостью от предшествующего развития, эффектом колеи, социокультурной моделью “советского человека”* и иными досадными аномалиями. Однако социальная норма всегда сконструирована, выражая динамическое общественное согласие (консенсус), которое рано или поздно может быть отозвано, пересмотрено или может распасться в пользу новых коллективных общностей и доминирующих представлений о желаемых принципах и правилах совместного общежития.

В условиях радикальных глобальных перемен неолиберальный мейнстрим, подражающий формализованным и редукционистским математическим методам исследований, начинает радикально расходиться со сложной и противоречивой соци-

альной реальностью, а также новыми закономерностями ее воспроизводства [32]. Эти закономерности в человеческом обществе релятивны и не могут быть установлены навсегда в ситуации постоянно обновляющихся субъектов, целей и культурных и ресурсных контекстов, в которых они действуют. Социальный состав общества, иерархии коллективных интересов и даже целевые ориентиры одних и тех же людей меняются с движением истории. Поэтому любая мейнстримная теория однажды перестает коррелировать с реальными политическими процессами и закономерностями, обнаруживая идеологический контекст, который опровергает гипотезу, что однажды установленные общественные законы являются всеобщими и внеисторичными.

ПОСЛЕ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА: ВАРИАНТЫ АЛЬТЕРНАТИВНОГО МЕЙНСТРИМА

Усиление многополярности ценностно-институциональных иерархий умножает вариативность сценариев и приоритетов дальнейшего развития человечества. Аналогичные процессы происходят и на уровне социально-политических и экономических теорий, схватывающих общественные закономерности. Под влиянием новой социальной онтологии будут выстраиваться и новые иерархии политического знания. Ключевые вопросы о степени и самой возможности будущей унификации новых иерархий и ее ведущих субъектов остаются открытыми. Среди этих субъектов могут оказаться и политические элиты незападных государств (Россия, Китай, Бразилия, Индия и др.), и транснациональные корпорации, и сети глобальных городов, а также новые социальные группы, выходящие за рамки привычной классовой дихотомии рыночного общества, например прекариат, рентные группы, новые сословия, формируемые государством и т. д. Наконец, неясно, будут ли новые субъекты заинтересованы в активных попытках сделать собственные утопии всеобщими либо удастся сохранить политологический мейнстрим в модифицированном виде, расширив круг его бенефициаров.

Представляется, что в социальных науках наиболее убедительное видение причин кризиса неолиберального мейнстрима и его возможных альтернатив предлагают подходы, в рамках которых мировая экономика, право, глобальная политика и легитимирующие их идеологические конструкции рассматриваются как элементы единого целого. Прежде всего, это различные версии миростемного анализа (И. Валлерстайн, Дж. Арриги, С. Амин, Г. Дерлугьян и др.), дающего возможность системным образом описывать определяющее влияние исторических, географических, культурных,

экономических факторов на становление политологического мейнстрима. Достаточно близки к подобным методологическим основаниям и разные версии неомарксизма (Ф. Джеймисон, П. Бурдьё, М. Буравой, Д. Харви, А. Негри, Т. Пикетти, Б. Кагарлицкий и др.). Указанные направления образуют ценностную и теоретико-методологическую альтернативу неолиберальному политологическому мейнстриму. История политических и экономических наук выстраивается как идеологически ангажированная иерархия знания. Релятивность этой иерархии особенно ярко проявляется в случае, когда конкурирующие версии политической науки вытесняются в область преимущественно идеологии, в то время как своя версия считается преимущественно или даже исключительно научной. Так, например, для советской политической науки были характерны тексты, посвященные борьбе с *буржуазной идеологией, неравенством и эксплуатацией людей труда*, а апологеты *свободного рынка* посвятили немало публицистических страниц доказательствам неэффективности командно-административной системы управления экономикой и разоблачениям *тоталитаризма*. П. Ореховский отмечает, что общая ситуация в области мейнстрима характеризуется нарастающим *когнитивным застоем*: «...все большая часть работ посвящается апологетике режима частной собственности, свободы, креативности, а заодно критике дирижизма, изоляционизма, эгалитаризма; в то время как другая часть работ посвящается пропаганде сильного государства, социального альтруизма и справедливости, дополняемой критикой хищничества и эгоизма. В какие-то времена первые работы становятся мейнстримом и официозом, а вторые — “гетеродоксными направлениями” и андеграундом, но время от времени они меняются местами, выполняя необходимую и обществу, и экономической науке роль идеологий» [30, с. 4]. В сущности, обе эти разновидности подходов — все тот же *дискурс ремонта*. Ремонт если не капитализма в его идеализированном виде с соответствующими ценностями и добродетелями, то реформированного капитализма второй половины XX столетия. Поскольку обе эти разновидности капитализма (либертаристского и регулируемого) взаимно *портят* друг друга, то и подобный *дискурс ремонта* оказывается закольцованным и неистребимым.

Стоит отметить, что в рамках либеральной парадигмы нередко появляются работы и подходы, которые объективно способствуют ее демифологизации и критической ревизии. Например, неинституционализм М. Олсона прямо предполагает, что государство выступает в роли *стационарного* (оседлого) бандита, в том числе в условиях демократии [33]. Популярный труд Д. Норты, Б. Вайнгаста и Д. Уоллиса о *естественных государствах*

и обществах *открытого доступа* являет собой противоречивую попытку законсервировать мейнстримную мифологию западных наук об обществе и в то же время невольно разоблачает ее путем указания на основные конструктивные элементы данной мифологии [34]. Наконец, знаменитый тезис “*культура имеет значение*” объективно стал попыткой объяснить сопоставимую с западной экономическую эффективность иных культур путем приписывания им постфактум сходных с западными характеристик [35].

В настоящее время дискуссии о критике и переосмыслении политологического и, шире, обществоведческого мейнстрима разворачиваются на разных уровнях, начиная с пересмотра нормативных принципов неолиберальной политической философии и заканчивая разработкой альтернативных классификаций политических режимов и институтов. Глобальный экономический кризис как составная часть системного кризиса капитализма и падение влияния Запада обострили проблему релевантности теорий и методологий, образующих обществоведческий мейнстрим (И. Шапиро [36], Д. Харви [37], К. Крауч [19], В. Ефимов [38], П. Ореховский [39] и др.). Например, в 2018 г. анализу новейших вызовов мейнстриму экономической теории была посвящена масштабная конференция, организованная *Леонтьевским центром* [40]. Все больше исследователей выступают с критикой методологии политической науки, обусловленной господствующими теориями рационального выбора, естественного равновесия конкурентного рынка, редукционистскими математическими моделями, институциональными теориями и т. д., призванными скорее легитимировать иерархию обществ, основанную на *либерально-демократическом воображаемом*, нежели убедительно объяснить, а тем более предсказывать происходящие в реальном мире общественные трансформации. Как иронически замечает австралийский экономист Дж. Куггин, “если утверждается, что Великая депрессия, бум доткомов и нынешний глобальный финансовый кризис не противоречат гипотезе эффективного рынка, то что вообще она может сообщить нам о мире?” [10, с. 81]. Проблематика кризиса обществоведческого мейнстрима анализируется в новейших исследованиях, посвященных истории возвышения Запада. В них на обширном фактическом материале обосновываются гипотезы о том, что исторический рост как западных, так и незападных экономических субъектов происходил *вопреки* неолиберальным рецептам развития, которые современные мировые гегемоны навязывают странам периферии миросистемы [41].

В институциональных построениях западного экономического мейнстрима *современность* описывается как простой переход от *плохих* к *хорошим*

институтам (*открытое общество, порядок открытого доступа, инклюзивные институты*), впервые инициированный английской Славной революцией 1688 г. и укрепивший права собственности, лежащие в основе последующего экономического роста и промышленной революции. Более детальные исследования показывают идеологическую уязвимость и редуционизм подобной трактовки благотворного влияния рыночно-демократических политических и экономических институтов на экономический рост. Например, после Славной революции в течение последующего века доля английского государства в расходах ВВП резко выросла с 1–2 до 8–10%, “при этом средства шли не на развитие инфраструктуры или образование, а на военные цели и обслуживание государственного долга. Никакого сдвига к более защищенным правам налогоплательщиков не наблюдалось, и экономика Англии развивалась не благодаря, а вопреки резко возросшим налогам и расходам государства. Исторический нарратив, предлагаемый панинституционализмом, держится на предположении, что в доиндустриальных обществах права собственности отсутствовали даже формально или в лучшем случае существовали только на бумаге, подвергаясь непрерывным хищническим атакам со стороны элит. Многочисленные исторические исследования показывают, что этот нарратив – фикция: охраняемые права собственности стары как мир и существовали в десятках самых разных стран в самые разные периоды времени. Но если убрать из-под нортанской схемы эту опору, то рухнет вся конструкция” [42, с. 28].

Моральное, политическое, экономическое ослабление западной гегемонии и релятивизация легитимирующих социальных теорий замедляются сохранением непрочного консенсуса глобальных игроков, заинтересованных в приостановке перемен и экспериментировании в социально-политической области. Окончательный распад консенсуса внутри Запада, связанный с выходом на сцену новых классовых субъектов, а также между Западом и растущими незападными центрами влияния ведет к все более открытым конфликтным и конкурентным сценариям экономического, политического, культурного и, возможно, военного взаимодействия в мире. В процессе этих коммуникаций будет фундаментально пересмотрена иерархия мирового политического порядка и легитимирующих его теорий. В то же время с уменьшением влияния прежних субъектов доминирования, а также утратой эвристичности отвечающих их интересам научных теорий появляются предпосылки для формирования новых парадигм. Точки роста социально-политического знания очевидным образом будут связаны с утратой доверия к ценностным основаниям глобального либерального политико-

экономического порядка, с критикой этих оснований и попытками выработки более убедительных альтернативных парадигм.

В современном многосоставном обществе ситуация усложняется тем, что в нем всегда присутствует конфликт между его понятийными описаниями в различных классовых и геополитических перспективах. Аналогичный конфликт описаний мы можем увидеть и в глобальном разрезе, в центр-периферийной иерархии обществ, включенных в капиталистическую миросистему на разных условиях и ориентированных на разные доступные ресурсы. Актуальная глобальная конкуренция за контроль и передел сфер влияния обретает вид дипломатических, политических и военных конфликтов, обостряя противостояние ведущих центров силы, в том числе на уровне нормативных описаний глобального мира, критериев современности, прогресса и справедливого общества.

В подобном онтологическом и историческом контекстах убедительность ядра политологического мейнстрима зависит от его способности адекватного переосмысления изменений глобальной социальной онтологии и принципов социальной стратификации. В текущий период усиливаются запросы новых социальных групп на альтернативные принципы социальной стратификации и распределения ресурсов, связанные не с классово-рыночными, но с рентно-сословными механизмами, когда ключевая *метафора рынка* все чаще вытесняется альтернативным механизмом *рентного доступа*. Становление *общества без экономического роста и массового труда* обуславливает трансформацию политологического мейнстрима в пользу теорий, описывающих контуры глобального будущего преимущественно в нерыночных и некапиталистических, а, возможно, и в нелиберальных категориях. Альтернативные варианты распределения общественных ресурсов и описывающие их концепции будут связаны с пересмотром подходов, гарантирующих большинству достойный базовый уровень жизни в ситуации вероятной стагнации или слишком медленного роста общей ресурсной базы. Это неизбежная дискуссия о новом общественном порядке, позволяющем интегрировать *опасные классы и лишних людей* и трансформировать политологический мейнстрим, который все чаще обнаруживает границы своей способности к пониманию социально-политических и экономических процессов, формирующих альтернативное ценностно-институциональное ядро нового социального порядка. Все более релевантны понятия, идеологии и концепции, адекватные новому общественному состоянию, описываемому в рентно-сословных категориях. Пандемия *COVID-19* фактически катализировала все намечившиеся социальные изменения, в том числе те, которые представлялись

в рамках неолиберального мейнстрима как маргинальные (прямая государственная поддержка бизнеса; социальная политика, ориентированная на безусловный основной доход; ограничение индивидуальных прав и свобод в пользу безопасности и т. д.) [43].

В силу фоновых онтологических факторов обострения глобальной внеэкономической конкуренции за ресурсы, появления новых мировых субъектов, изменения социальной и экономической структуры обществ неолиберальный мейнстрим вступает в фазу полураспада, расслаиваясь на: 1) различные национальные и цивилизационные версии, соответствующие интересам новых центров экономической и политической силы, а также 2) версии, которые адекватны интересам новых социальных групп, идущих на смену привычным экономическим классам, выражающим интересы либо капитала, либо труда.

РЕФЛЕКСИЯ НЕОЛИБЕРАЛЬНОГО МЕЙНСТРИМА В РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Ценностные и методологические приоритеты российской политологии во многом обусловлены процессами, развертывающимися в мировой и российской политике [44]. Долгое время главный вектор развития отечественной политологии определялся заимствованием (часто некритичным) огромного массива западных мейнстримных теорий, от которых российское общественное сознание было изолировано по идеологическим причинам. В этот период господствовали методологические и мировоззренческие установки транзитологических теорий, постулировавших неизбежность перехода к *идеальным типам* демократии и капитализма, существующим в *развитых странах*. Российские исследователи, разделяющие доминирующий *универсальный* категориальный аппарат описания общества, замечали преимущественно лишь отклонения от должного социального идеала. Например, тоталитаризм (авторитаризм), усиление феноменов социальной *архаики* (А. Ахиезер) и *властесобственности* (Н. Плискевич), *недостойное правление* (В. Гельман), неопатримониализм (Ш. Эйзенштадт, А. Фисун, Н. Розов, М. Ильин), неофеодализм (В. Шляпентох, Я. Старцев), коррупцию, которые необходимо преодолеть в логике транзита, модернизации и движения к обществу *открытого доступа*, находящегося на идеологической вершине ценностно-институциональной иерархии западноцентричного политического знания. Однако более важная проблема состояла в том, что вся подобная *институциональная архаика* постепенно обнаружилась и в обществах центра капиталисти-

ческой миросистемы. Вместе с тем значительно архаичнее оказались механизмы реального воспроизводства и взаимодействия элит западных обществ, образующие *слепое пятно* политических теорий. Западные общества идеализируются в идеологической оптике неолиберального мейнстрима. Но чем дальше, тем сильнее он уступает альтернативным взглядам *на нормальное общество, которые генерируются вне Запада*. Соответственно, все типические интеллектуальные приемы мейнстрима с пространственным выносом феноменов социальной архаики в периферийные общества, схоластические интеллектуальные игры в *либерально-демократическую норму и отклонения от нее* будут вызывать все более глубокие сомнения на фоне пересмотра глобальных иерархий власти и знания. Это значит, что патологию/отсталость/архаику начнут *замечать* и в ядре социально-политических реалий гегемонов мейнстрима при смене интеллектуальной перспективы [45]. Поэтому нелиберальное, недемократическое и нерыночное ядро обществ-гегемонов, которое мейнстрим до некоторых пор замечал только в периферийных/отсталых социумах, начнет фиксировать его в виде эмпирических фактов, признавать и *нормализовать в качестве всеобщего* формата политических коммуникаций и институтов, не преодоленных нигде, кроме *идеологических самоописаний и политической риторики* западных обществ.

Почему вообще появились идеологические самоописания западных обществ, в которых недемократическое ядро было якобы преодолено и заменено другим? Они были инициированы ситуациями, когда поднимающийся класс национальной буржуазии боролся за власть и влияние и *нуждался в поддержке низов* против старых элит, потом — против геополитических конкурентов, еще далее — против советской угрозы. Но это не означало, что буржуазия сама по себе действительно хочет *открытого доступа*. Сама по себе буржуазия, живя *под защитой* абсолютистских или конституционных монархий, на протяжении столетий охотно интегрировалась в *естественные порядки* закрытого доступа, покупая дворянские звания, привилегии и пр. Иными словами, требующиеся ей идеологические самоописания в духе приверженности порядкам *открытого доступа* были ситуативны, инструментальны, что проявлялось всегда, когда она чувствовала себя под защитой крепкой государственной власти — от стремления установить разного рода цензовые режимы до фашистских экспериментов и олигархизации современных демократий. И в условиях глобального кризиса *свободного рынка* эти легитимирующие самоописания обесцениваются и слезают, как кожа, как нечто, по большому счету, факультативное.

В подобном глобальном контексте специфика национальной политической науки в значительной мере определяется положением страны в мировой экономике и ее ролью в глобальной политике. Попытки отстоять или изменить свое положение предполагают если не формирование идеологии, альтернативной доминирующей в глобальном масштабе, то попытки выработать ее версию, отличающуюся от мейнстримной. Специфика полупериферийного положения России в глобальной экономике влечет за собой соответствующие изменения в социальной структуре. Это предопределяет неудачу попыток ее убедительного *нормативного описания* в современных, классовых и рыночных категориях неолиберального мейнстрима. Невозможность релевантного аналитического описания российского общества сама по себе свидетельствует об исчерпанности неолиберальных парадигм политологического знания, в рамках которых не нашлось адекватных и *непатологических описаний* социальным явлениям и взаимодействиям, образующим реальную ткань российского общества, а не того, какими они *должны быть в оценках внешних прогрессоров*. Усиливающейся альтернативой поверхностным классификациям в *категориях должного* становятся описания социальной структуры и политического порядка российского общества в альтернативных понятиях и метафорах квазисловий и квазирынков, ренты и *раздатка* (С. Кордонский, О. Бессонова, Ю. Плюснин, С. Барсукова и др.). Отчасти разочарование в эффективности прямого переноса западных теорий на отечественную почву обернулось всплеском цивилизационных и националистических концепций, подчеркивающих социокультурную специфику СССР и России, постижимую только с помощью *аутентичных* методов, своего рода политологии для мира России (А. Панарин, С. Кара-Мурза, В. Цымбурский и др.).

Неолиберальный язык мейнстрима описывает и легитимирует уходящую онтологию западного общества. Соответственно, российскому обществу нет смысла занимать место на периферии уходящих в историю классификаций политических режимов и иерархий описаний, чье идеологическое измерение не позволяет осуществлять позитивную легитимацию любого российского политического порядка с точки зрения внешних бенефициаров подобного дискурса. Таким образом, для российских обществоведов поиск *натянутых* объяснений по поводу всевозможных *отклонений* от идеальной модели либерально-демократической политической онтологии западного капитализма становится все более бессмысленным. Ибо от этой модели отклоняется не только Россия, но и весь остальной мир, включая Запад. Положение российского общества в оптике неолиберального мейнстрима описывается через *зависимость* или *периферий-*

ность. Однако распад америкоцентричного мира дает шанс для альтернативных концепций, в которых вмененная неолиберальным мейнстримом *отсталость* может стать преимуществом при поисках языков описания и легитимирующих концепций нового политического порядка.

* * *

Кризис мейнстрима политической науки представляет собой следствие глобальной перестройки сложившихся ранее властных, экономических, институциональных, интеллектуальных и моральных иерархий. И как кризис он осмысливается только теряющими привычные позиции лидерами разрушающихся иерархий. В ситуации перехода от одного порядка к другому усиливается гетерархия, появляются различные ценностно-институциональные альтернативы. Трансформируется нормативный язык описания как ключевой элемент *мягкой силы*, создающий целостную картину мира, которая не всегда согласуется с действительностью, а если точнее — предназначена для ее изменения. В случае неолиберального мейнстрима мы имеем дело с языком описания, уже изменившим глобальный мир к выгоде его бенефициаров и потому кажущимся для обществ центра мирозаконономики адекватным его описанием, фиксирующим установленную ценностно-институциональную иерархию власти/знания/ресурсов. Главным генератором глобальных альтернатив выступают общества полупериферии мирозаконономики и новые социальные группы, которые либо были отодвинуты с лидирующих позиций, либо впервые набрали политический и экономический вес для того, чтобы войти в пул бенефициаров иного глобального политического порядка.

Начавшийся пересмотр глобальной иерархии знания и власти может привести к обнаружению того обстоятельства, что либерально-демократические и рыночные ценности и институты, которые представлялись в качестве универсального ядра Современности/Модерна, окажутся лишь довольно тонким *защитным слоем*, с помощью которого глобальная западная гегемония получала свое идеологическое обоснование. *Ослабление военно-политической и экономической гегемонии и углубляющийся кризис неолиберального мейнстрима позволяют увидеть, что западные и незападные общества имеют гораздо больше общего в функционировании своего ценностно-институционального ядра, чем различий*. Общее ядро воспроизводится преимущественно с помощью тщательно маскируемых неолиберальными элитами нерыночных механизмов социальной архаики, которая в публичном дискурсе выносятся во внешнюю для обществ-гегемонов реальность, приписываясь только периферийным и отсталым обществам, нуждающимся в *модерни-*

зации и коррекции. Идеологическое отрицание собственного ценностно-институционального ядра, базирующегося на механизмах властесобственности, наследственном воспроизводстве элит и все более активном распределении общественных ресурсов с помощью государства, чья доля в расходах ВВП крупных западных экономик достигает 40–50%, является ключевым противоречием нелиберального мейнстрима. Сохранять этот парадокс от критики все трудней в условиях, когда множество незападных обществ становятся успешней, влиятельнее и богаче, невзирая на реальные или воображаемые проблемы с рынком, демократией и либерализмом. Основной вопрос заключается в том, кто, как и в отношении чего в обозримом будущем будет пытаться задавать стандарты социально-политического и экономического устройства общества. В каких сферах универсальные стандарты норм, ценностей и институтов окажутся востребованными на национальном и локальном уровнях. В какой степени описание конкурирующих обществ будет осуществляться не столько в идеологических категориях, сколько в категориях, более приземленных и приближенных к повседневности миллиардов людей, — голода и сытости, комфо-

та и возможностей, бытовой свободы, здоровья, удовлетворенности жизнью и т. д., поскольку под убедительными идеологическими и научными категориями всегда лежит обобщенная повседневность. Упадок мейнстрима позволяет вернуться к исследованию укорененных социальных практик и институтов, ценностей и групп, лежащих в основании социальных порядков различных *неправильных* обществ, в которых живет подавляющая часть человечества. Гетерогенные политические порядки тоже позволяют достичь общественного согласия и жить не хуже *правильных обществ (иногда и лучше)*, не прибегая к либерально-демократической *онтологии должного*. В подобной ситуации обнаруживаются вся ненадежность и поверхностность легитимирующих рыночных метафор и коммуникаций, надстраиваемых над толщей реципрокных, дистрибутивных, рентно-сословных и иных обменов, образующих фундамент любого современного политического порядка, включая либеральные демократии.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ и ЭИСИ (“опи”) № 20-011-31025 “Альтернативы политологическому мейнстриму в условиях кризиса глобального политического порядка”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Старцев Я. Ю. 60 тезисов о языке политической науки. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2013, т. 13, № 3, сс. 67–77. [Startsev Ya. Yu. 60 tezisov o yazyke politicheskoi nauki [60 Theses on the Language of the Political Science]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2013, vol. 13, no. 3, pp. 67–77.]
2. Валлерстайн И. *Конец знакомого мира*. Социология XXI века. Москва, Логос, 2004. 368 с. [Wallerstein I. *Konets znakomogo mira*. Sotsiologiya XXI veka [The End of the Familiar World. Sociology of the XXI century]. Moscow, Logos, 2004. 368 p.]
3. Фишман Л. Г. *В ожидании Птолемея*. Трансформация метапарадигмы социально-политических наук. Екатеринбург, УрО РАН, 2004. 168 с. [Fishman L. G. *Vozhidanii Ptolemeya*. Transformatsiya metaparadigmy sotsial'no-politicheskikh nauk [Waiting for Ptolemy. Transformation of the Metaparadigm of Socio-Political Sciences]. Ekaterinburg, UrO RAN, 2004. 168 p.]
4. Кондрашов П. Н., Вахрушева Е. А. Наброски к истолкованию диалектики Фредрика Джеймсона. *Электронный философский журнал Vox*, 19.12.2015. [Kondrashov P. N., Vakhrusheva E. A. Nabroski k istolkovaniyu dialektiki Fredric Jameson [Approaching the Interpretation of Dialectics of Fredric Jameson]. *Elektronnyi filosofskii zhurnal Vox*, 19.12.2015.] Available at: <http://vox-journal.org/content/Vox19/Vox19-KondrashovPN.pdf> (accessed 20.04.2020).
5. Мартьянов В. С. Государство и гетерархия: субъекты и факторы общественных изменений. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2009, т. 9, сс. 230–248. [Mart'yanov V. S. Gosudarstvo i geterarkhiya: sub'ekty i faktory obshchestvennykh izmenenii [State and Hierarchy: Actors and Factors of Social Change]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2009, vol. 9, pp. 230–248.]
6. Вахрушева Е. А. Критика глобализации и антиглобалистские стратегии Фредрика Джеймсона. *Полития*, 2016, № 1, сс. 43–53. [Vakhrusheva E. A. Kritika globalizatsii i antiglobalistskie strategii Fredric Jameson [Criticism of Globalization and the Anti-Globalist Strategies of Fredrick Jameson]. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 43–53.]
7. Фишман Л. Г., Мартьянов В. С., Давыдов Д. А. *Рентное общество: в тени труда, капитала и демократии*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2019. 416 с. [Fishman L. G., Mart'yanov V. S., Davydov D. A. *Rentnoe obshchestvo: v teni truda, kapitala i demokratii* [Rental Society: In the Shadow of Capital, Labor and Democracy]. Moscow, Izd. dom VSE, 2019. 416 p.]
8. Мейсон П. *Посткапитализм: гид по нашему будущему*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2016. 416 с. [Mason P. *Postkapitalizm: gid po nashemu budushchemu* [Post-Capitalism: a Guide to Our Future]. Moscow, Ad Marginem Press, 2016. 416 p.]
9. Пикетти Т. *Капитал в XXI веке*. Москва, Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с. [Piketti T. *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow, Ad Marginem Press, 2015. 592 p.]
10. Куиггин Дж. *Зомби-экономика: Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2016. 272 с. [Quiggin J. *Zombi-ekonomika: Kak mertvyue idei prodolzhayut bluzhdat' sredi nas* [Zombie Economics: How Dead Ideas Keep Wandering Among Us]. Moscow, Izd. dom VSE, 2016. 272 p.]

11. Фишман Л.Г. Либеральный консенсус: дрейф от неолиберализма к коммунитаризму? *Полис. Политические исследования*, 2014, № 4, сс. 152-165. [Fishman L.G. Liberal'nyi konsensus: dreif ot neoliberalizma k kommunitarizmu? [Liberal Consensus: a Drift from Neoliberalism to Communitarianism?]. *Polis. Political Studies*, 2014, no. 4, pp. 152-165.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2014.04.10>
12. Мартъянов В. Прошай, средний класс. *Свободная мысль*, 2016, № 5 (1659), сс. 53-70. [Mart'yanov V. Proshchai, srednii klass [Farewell to the Middle Class]. *Svobodnaya mysl'*, 2016, no. 5, pp. 53-70.]
13. Ролз Дж. *Теория справедливости*. Новосибирск, НГУ, 1995. 532 с. [Rawls J. *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk, NGU, 1995. 532 p.]
14. Мартъянов В.С., Фишман Л.Г. Этика добродетели для новых сословий: трансформация политической морали в современной России. *Вопросы философии*, 2016, № 10, сс. 58-68. [Mart'yanov V.S., Fishman L.G. Etika dobrodeteli dlya novykh soslovii: transformatsiya politicheskoi morali v sovremennoi Rossii [Ethics of Virtue for the New Classes: the Transformation of Political Morality in Modern Russia]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 10, pp. 58-68.]
15. Фишман Л.Г. Упадок демократии и “закат” политологии. *Полития*, 2008, № 3, сс. 79-88. [Fishman L.G. Upadok demokratii i “zakat” politologii [The Decline of Democracy and the “Demise” of Political Science]. *Politiya*, 2008, no. 3, pp. 79-88.]
16. Браун В. Разрушение демократии: как неолиберализм преобразовывает государство и субъекта. *Неприкосновенный запас*, 2018, № 4, сс. 99-129. [Brown V. Razrushenie demokratii: kak neoliberalizm preobrazovuyvaet gosudarstvo i sub'ekta [The Destruction of Democracy: How Neoliberalism Transforms the State and the Subject]. *Neprikosnovenniy zapas*, 2018, no. 4, pp. 99-129.]
17. Лэш К. *Восстание элит и предательство демократии*. Москва, Логос, 2002. 224 с. [Lash K. *Vosstanie elit i predatei'stvo demokratii* [The Rise of the Elites and the Betrayal of Democracy]. Moscow, Logos, 2002. 224 p.]
18. Урбинати Н. *Искаженная демократия. Мнение, истина и народ*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2016. 448 с. [Urbinati N. *Iskazhennaya demokratiya. Mnenie, istina i narod* [Distorted Democracy. Opinion, Truth and People]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2016. 448 p.]
19. Крауч К. *Постдемократия*. Москва, Изд. дом. ВШЭ, 2010. 192 с. [Crouch K. *Postdemokratiya* [Post-Democracy]. Moscow, Izd. dom. VSE, 2010. 192 p.]
20. Майр П. *Управляя пустотой. Размывание западной демократии*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2019. 216 с. [Mayr P. *Upravlyaya pustotoi. Razmyvaniye zapadnoi demokratii* [Managing the Void]. Moscow, Izd-vo Instituta Gaydara, 2019. 216 p.]
21. Claassen C. In the Mood for Democracy? Democratic Support as Thermostatic Opinion. *American Political Science Review*, 2020, vol. 114, iss. 1, pp. 36-53. DOI: <https://doi.org/10.1017/S0003055419000558>
22. Burnheim J. *Is Democracy Possible? The Alternative to Electoral Politics*, London, Polity Press, 1985. 205 p.
23. Allison G. The Myth of the Liberal Order. *Foreign Affairs*, July/August 2018. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2018-06-14/myth-liberal-order> (accessed 20.04.2020).
24. Porter P. A World Imagined: Nostalgia and Liberal Order. *CATO Institute, Policy Analysis*, no. 843, June 5, 2018. Available at: <https://www.cato.org/publications/policy-analysis/world-imagined-nostalgia-liberal-order> (accessed 20.04.2020).
25. Bruff I. The Rise of Authoritarian Neoliberalism, Rethinking Marxism. *Journal of Economics, Culture & Society*, 2014, vol. 26, iss. 1, pp. 113-129. DOI: <https://doi.org/10.1080/08935696.2013.843250>
26. Борох О.Н. Современный китайский взгляд на историю экономической мысли. *Общественные науки и современность*, 2019, № 2, сс. 91-103. [Borokh O.N. Sovremenniy kitaiskii vzglyad na istoriyu ekonomicheskoi mysli [The modern Chinese view of the history of economic thought]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2019, no. 2, pp. 91-103.]
27. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт. *Социологические исследования*, 2002, № 10, сс. 3-11. [Alexander J. Prochnye utopii i grazhdanskii remont [Durable Utopia and Civil Repair]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2002, no. 10, pp. 3-11.]
28. Штомпка П. Социальное изменение как травма. *Социологические исследования*, 2001, № 1, сс. 6-16. [Shtompka P. Sotsial'noe izmenenie kak travma [Social Change as Trauma]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2001, no. 1, pp. 6-16.]
29. Фридман Т. *Плоский мир 3.0. Краткая история XXI века*. Москва, АСТ, 2014. 640 с. [Friedman T. *Ploskii mir 3.0. Kratkaya istoriya XXI veka* [The World is Flat 3.0. A Brief History of the XXI Century]. Moscow, AST, 2014. 640 p.]
30. Ореховский П.А. *Структуры когнитивности и российские реформы: Научный доклад, препринт*. Москва, Институт экономики РАН, 2019. 47 с. [Orekhovskii P.A. *Struktury kognitivnosti i rossiiskie reformy: Nauchnyi doklad, preprint* [Cognitive Structures and Russian Reforms: Scientific Report, Preprint]. Moscow, Institut ekonomiki RAN, 2019. 47 p.]
31. Фишман Л.Г. Популизм – это надолго. *Полис. Политические исследования*, 2017, № 3, сс. 55-70. [Fishman L.G. Populizm – eto nadolgo [Populism Will Be Long Lasting]. *Polis. Political Studies*, 2017, no. 3, pp. 55-70.] DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2017.03.04>
32. Ефимов В.М. Как капитализм, университет и математика сформировали магистральное направление экономической дисциплины. *Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН*, 2014, т. 14, № 2, сс. 5-52. [Efimov V.M. Kak kapitalizm, universitet i matematika sformirovali magistral'noye napravlenie ekonomicheskoi distsipliny [How capitalism, university and mathematics formed the mainstream of economic discipline]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, 2014, vol. 14, no. 2, pp. 5-52.]

33. Olson M. Dictatorship, Democracy, and Development. *The American Political Science Review*, 1993, vol. 87, no. 3, pp. 567-576.
34. Норт Д., Вайнгаст Б., Уоллис Д. *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. Москва, Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с. [North D., Weingast B. and Wallis D. *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Order. Conceptual Framework for the Interpretation of the Written History of Mankind]. Moscow, Izd-vo Instuta Gaydara, 2011. 480 p.]
35. Харрисон Л., Хантингтон С., под ред. *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу*. Москва, МШПИ, 2002. 320 с. [Harrison L., Huntington S., eds. *Kul'tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters. How Values Contribute to Social Progress]. Moscow, MShPI, 2002. 320 p.]
36. Шапиро И. *Бегство от реальности в гуманитарных науках*. Москва, Изд. дом ВШЭ, 2011. 368 с. [Shapiro I. *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [The Escape from Reality in the Humanities]. Moscow, Izd. dom VSE, 2011. 368 p.]
37. Харви Д. *Краткая история неолитерализма*. Москва, Поколение, 2007. 288 с. [Harvey D. *Kratkaya istoriya neoliberalizma* [A Brief History of Neoliberalism]. Moscow, Pokolenie, 2007. 288 p.]
38. Ефимов В.М. *Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики*. Москва, ИНФРА-М, 2016. 352 с. [Efimov V.M. *Ekonomicheskaya nauka pod voprosom: inye metodologiya, istoriya i issledovatel'skie praktiki* [Economic science is in doubt: other methodology, history and research practices]. Moscow, INFRA-M, 2016. 352 p.]
39. Кошовец О.Б., Ореховский П.А. Структуралистская революция и метаморфозы экономической теории: от науки к сказке. *Общественные науки и современность*, 2018, № 5, сс. 143-157. [Koshovets O.B., Orekhovskii P.A. *Strukturalist skaya revolyutsiya i metamorfozy ekonomicheskoi teorii: ot nauki k skazke* [Structuralist revolution and metamorphoses of economic theory: from science to fairy tale]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, 2018, no. 5, pp. 143-157.]
40. Заостровцев А.П., под ред. *Экономическая теория: триумф или кризис?* Санкт-Петербург, Леонтьевский центр, 2018. 292 с. [Zaostrovstsev A.P., ed. *Ekonomicheskaya teoriya: triumf ili krizis?* [Economic Theory: Triumph or Crisis?]. St. Petersburg, Leont'evskii tsentr, 2018. 292 p.]
41. Чхан Х.Д. *Злые самаритяне: миф о свободной торговле и секретная история капитализма*. Москва, Манн, Иванов и Фербер, 2018. 245 с. [Chan H.D. *Zlye samarityane: mif o svobodnoi trgovle i sekretnaya istoriya kapitalizma* [Evil Samaritans: the Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber, 2018. 245 p.]
42. Капелюшников Р.И. *Contra панинституционализм. Институциональная экономическая теория: история, проблемы и перспективы*. Заостровцев А.П., ред. Санкт-Петербург, Леонтьевский центр, 2019. сс. 7-31. [Kapelyushnikov R.I. *Contra paninstitutsionalizm [Contra Pan-Institutionalism]. Institutsional'naya ekonomicheskaya teoriya: istoriya, problemy i perspektivy* [Institutional economic theory: history, problems and prospects]. Zaostrovstsev A.P., ed. St. Petersburg, Leont'evskii tsentr, 2019, pp. 7-31.]
43. Мартьянов В.С., Фишман Л.Г. После пандемии: от оптимизированного старого к новому миру? *Свободная мысль*, 2020, № 3, сс. 9-28. [Mart'yanov V.S., Fishman L.G. *Posle pandemii: ot optimizirovannogo starogo k novomu miru?* [After the Pandemic: From an Optimized Old to a New World?]. *Svobodnaya mysl'*, 2020, no. 3, pp. 9-28.]
44. Мартьянов В.С. Парадигмы российской политологии. *Полития*, 2009, № 1, сс. 167-181. [Mart'yanov V.S. *Paradigmy rossiiskoi politologii* [Paradigms of Russian Political Science]. *Politiya*, 2009, no. 1, pp. 167-181.]
45. Миллс Ч. *Властвующая элита*. Москва, Директмедиа Паблишинг, 2007. 844 с. [Mills Ch. *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite]. Moscow, Direktmedia Publishing, 2007. 844 p.]

SOCIAL SCIENCES AND GLOBAL TURBULENCE: REBOOTING THE MAINSTREAM

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 100-113)

Received 01.08.2020.

Viktor S. MART'YANOV (martianov@instlaw.uran.ru),

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoi Str., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Leonid G. FISHMAN (lfishman@yandex.ru),

Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 16, S. Kovalevskoi Str., Ekaterinburg, 620137, Russian Federation.

Acknowledgements. The article has been supported by a grant of the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute of Social Research ("онн"). Project no. 20-011-31025 "Alternatives to Political Mainstream amidst the Crisis of the Global World Order".

After the collapse of the bipolar world, the neoliberal mainstream emerged in the global hierarchy of social sciences, built on three axiomatic pillars: Western domination, capitalism (free market) and liberalism (the value of individual autonomy). Nowadays, one can more and more often witness criticism and disintegration of the mainstream, which claimed the universality of descriptions and legitimation of modern societies that have reached the end of history in the form of open-access liberal market democracies. The purpose of the article is to find out how transformations of the prevailing political and economic orders, configurations of the subjects of geopolitical dominance and their legitimate

metaphors determine the direction of changes in the social sciences mainstream. The hypothesis of the research is that the prevailing principles of stratification and distribution of public resources will be less and less valuable and institutionally related to capitalism, market and democracy, since an appeal to the latter does not lead to an increase in the available opportunities for the majority of the population in practice. The global change in social ontology, the structure of economic reproduction and legitimate foundations of the political order bring about a drop in the credibility and relevance of mainstream concepts focused on the axiomatics of market values and liberal rhetoric. Intellectual attempts to restore the relevance of the neoliberal mainstream through the construction of local utopias (flat world, creative class, knowledge economy, etc.), the introduction of complementary concepts of civil repair (J. Alexander), sociocultural trauma (P. Shtompka), unworthy government (bad governance), dependence on previous development (path dependence) or gauge (N. Rozov) do not save from growing conceptual stretch. Formation of a society without tangible economic growth and a declining need for mass labor leads to the inevitable transformation of the mainstream. Alternative and peripheral theories that describe the contours of a global future mainly in non-market, non-capitalist and, possibly, non-liberal categories are becoming more influential. These are concepts that fix new formats for the distribution of public resources, less and less connected with the market, democracy and hegemony of the West, but increasingly – with rental mechanisms, distributive political regulation and differentiated value of different social groups for the national state.

Keywords: social sciences, mainstream, metaphor, alternative, crisis of legitimation, center-periphery, rent, rental society, social ontology, social stratification.

About authors:

Viktor S. MART'YANOV, Candidate of Political Science, Director;

Leonid G. FISHMAN, Doctor of Political Science, Professor of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-100-113

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕННОЙ И ДУХОВНОЙ ДИНАМИКЕ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

© 2021 г. К. Рашковская, Е. Рашковский

РАШКОВСКАЯ Ксения Анатольевна, ученый секретарь,
Музей В.А. Тропинина и московских художников его времени, РФ, 119017 Москва, Щетининский пер., 10
(formaleva@bk.ru).

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (eug.rashkov@gmail.com).

Статья поступила в редакцию 31.08.2020.

Статья написана в развитие идей, высказанных в статье И.С. Семененко “Новые ракурсы политической идентичности: трудная память в музеях истории XX века” (“МЭ и МО”, 2020, № 5). Авторы пытаются обосновать категорию институтов культуры и их необходимость, хотя подчас и неоднозначную роль в социокультурной и политической динамике современной эпохи. Уникальный сегодняшний опыт (экономическая, информационная и этнодемографическая глобализация, электронные коммуникации, пандемии и т. д.) приоткрывает новые возможности переосмысления роли институтов культуры и – шире – культурной коммуникации в динамике универсальной истории, включая и историю текущую. Область институтов культуры объективно отвечает за процессы трансляции и развития базовых человеческих смыслов в истории, экономике и политической жизни, за процессы “тонкой настройки” человека и общения между людьми во всем ходе социально-исторической эволюции.

Ключевые слова: институты культуры, интерпретация истории, социогуманитарное знание, музейное дело, государственность, религия, гражданское общество, массовая культура, идентичность, цифровые технологии.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-114-122

Настоящая статья написана во многих отношениях как отклик на недавно вышедшую статью И.С. Семененко “Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях XX века” [1]. На первый взгляд эта статья посвящена политологической интерпретации актуальных проблем современного музейного дела¹. Однако лишь на первый взгляд, ибо содержание статьи перерастает рамки ее заголовка. Подлинная ее тема – неразрывная связка проблем: человек – культура – история – общественно-политические процессы.

Так что ответом на эту статью могут быть не искусно дозированные похвалы и упреки, но попытки теоретического расширения, раздвижения очерченного упомянутым автором круга проблем. А проблемы этого круга, по существу, неразрывны.

Еще Дж. Вико (1668–1744) мечтал о неких обобщающих трудах, о некоем “словаре мысли”, или “интеллектуальном словаре” (*vocabolario*

mentale), который охватывал бы собой сквозные понятия, идеи и всегда недосказанные смыслы, прямо или косвенно свидетельствующие не просто о единстве человеческого мышления, но о единстве самой человеческой природы [2]². Разумеется, ни статья И.С. Семененко, ни наши последующие рассуждения не претендуют на решение столь грандиозной задачи. Дело не в попытках очередной разработки больших теоретических систем (чем больше познаем, тем шире приоткрываются горизонты нашего незнания [3, сс. 290–309]), но в поисках возможности обосновать, каждый раз на свой лад, одну из возможных рубрик социогуманитарных исследований. Иными словами: обосновать одну из необходимых и насущных универсалий гипотетического “словаря мысли”. Имя этой универсалии – *институты культуры* [4, 5]. Причем обосновать, исходя из данных нашего сегодняшнего опыта: глобализация, электроника, пандемии и т. д.

¹ Речь в статье И.С. Семененко идет прежде всего о музеях исторического профиля. Однако каждый музей так или иначе несет в себе немалую историческую нагрузку. Каждый музей – в своем роде – музей исторический. Тем паче что история – в современном ее понимании – есть не просто наука о прошлом, но наука о единстве человеческого времени в трех его измерениях: прошлом, настоящем и лишь угадываемом, но неотступном будущем.

² Если же вспомнить мысль Антонио Грамши, настойчиво проводимую на страницах его “Тюремных тетрадей”, то эта мысль, восходящая именно к “Новой науке” Вико, такова: человеческая природа вбирает в себя не только собственно природные, но и социально-исторические аспекты нашего непрерывного становления, причем не только коллективного, но и индивидуального. Однако такое видение отчасти перерастает понятие о “природном”. Но об этом – ниже.

К ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ КУЛЬТУРЫ

Прежде всего — о самом понятии. Оно восходит к латинскому глаголу *colo* (инфинитив — *colere*, сущин — *cultum*) — возделывать, чтить. Эти почти что разошедшиеся в истории понятия возделывания и почитания возводят нас к временам отношения к работе на земле как к некоему символически осмысленному священнодействию, как к единству труда и святости.

В мировой литературе существуют сотни и сотни определений этого понятия. Однако при пристальном рассмотрении все их можно условно разделить на три большие группы:

— *отраслевые*, которые пытаются объять весь диапазон конкретной культурной деятельности (скажем, от книжного комплектования государственных библиотек до самодельных музыкальных коллективов). То есть все то, что подпадает под компетенцию казенных “министерств и ведомств” или же частных меценатов;

— *структурные*, с их особым упором на специфику этнических, национальных, религиозных или “цивилизационных” кодов (такого рода определения становятся особо популярными в периоды обострений межнациональных, межгосударственных или конфессиональных конфликтов);

— *ценностные* (с их упором на специфику и особо высокую норму человеческого существования и достоинства).

В обычные времена эта классификация служит своего рода внутренним паролем среди довольно узких кругов интеллектуалов. Однако в дни суровых национальных или глобальных испытаний с особой и непреложной силой проявляется насущность именно этого третьего, *ценностного* подхода. Короче, речь здесь идет о тех критических полосах истории, когда с особой остротой встает вопрос об определении, сохранении и развитии человеком своей личной и групповой идентичности — вплоть до идентичности общечеловеческой, “онтологической” [6].

Первый из упомянутых подходов к толкованию “культуры” более всего сопряжен с традициями классического механицизма Нового времени. Второй — с традициями мышления более позднего — органицистского. Третий одновременно сопрягается и с архаическими, сугубо ценностными способами осмысления мира, при этом — и с навыками современной герменевтики, акцентирующими сверхорганические, сверхприродные, если угодно, — “сверхъестественные” характеристики феномена человека. Характеристики, связанные с уникальным стремлением осмысливать самого себя и свою Вселенную [7, с. 198].

На наш взгляд, каждый из этих трех подходов по-своему насущен, но и всегда неполон; сила каждого из них проявляется не столько сама по себе, сколько в их взаимной (не побоимся сказать, “квантовой”) дополнительности.

К вопросу о человеческой идентичности мы вслед за И.С. Семененко обращаемся не случайно. Ибо вопрос этот находится в самой прямой связи с многомерной проблематикой культуры как конституирующего момента самого уникального феномена человека. Ибо, как показал выдающийся русский популяционный генетик Ф.Г. Добжанский, культура — именно в ее человеческой специфике — знаменует собой многосторонний процесс воспроизводства человека через непрерывное и осознанное самообучение, индивидуальное и коллективное. Процесс, связанный с памятью и адаптивностью культуры как раздвигающегося самосознания (по терминологии Добжанского, *ultimate concern*). Такова одна из важнейших эволюционных характеристик совокупного человечества, перерастающая его “биологическое прошлое” [8, pp. 9-10]³.

Во всяком случае высокая и исторически подвижная норма культуры, раздвигая рамки нашего социального, профессионального, этнического, гендерного, возрастного существования, предполагая запрос на объемный и гибкий взгляд на мир, в критических ситуациях жизни может выходить на первый план нашего бытия, становясь воистину нашим вторым хлебом [5].

Характерный тому пример — опыт коронавирусной пандемии 2019–2020 гг.: привычная для “тучных” лет массовая тяга к меркантильной и скороспелой “культур-мультиуре” отчасти вытесняется возрастающим интересом к культуре подлинной [9, 10].

И в этом плане неплохо было бы вспомнить одну из важных мыслей, варьируемую в трудах И.С. Семененко: идентичность без коррекции высокой культурной нормы оказывается предпосылкой ксенофобии и агрессии, предпосылкой ненависти к другому, не похожему на тебя человеку.

В этой связи неплохо было бы вспомнить и печальную эпопею сложившейся на исходе прошлого века идеологии мультикультурализма. Суть последней — в отстаивании сожительства параллельных одна другой, однако внутренне не соотносимых, не видящих, не вникающих друг в друга культур. Не удосужившись поставить вопрос не только о взаимной зависимости несхожих культур, но и об

³ *Nota bene*. Эта концепция Добжанского, позднее подхваченная Эрихом Фроммом в его многократно переиздававшемся и переведившемся труде “*The Anatomy of Human Destructiveness*”, не исключает полос индивидуальных и коллективных срывов, безумий и деградаций.

их сквозном человеческом контексте, идеология мультикультурализма, вопреки всем ее прекраснотолерантным и толерантным послылкам, вольно или невольно предстала санкцией этнорелигиозного отчуждения и нетерпимости.

Разумеется, человеку или человеческой группе дана в первую очередь именно *своя*, собственная жизнь. Но как раз именно эта *своя* жизнь и не существует без приобщенности к жизни *других*. И вот почему столь необходим людям некоторый опыт соприкосновения с высокой нормой культуры. Эта норма не содержит в себе прописные, раз навсегда данные ответы на все вопросы социальности, истории и самого Бытия. У нее иное назначение: она заставляет человека быть всегда в искании, всегда в пути. И тем самым она несет в себе огромный познавательный потенциал, насыщенный для наших ориентаций и решений в сферах познания, технологии, социальности, экономики, политических решений [11, 12, 13].

ИНСТИТУТЫ КУЛЬТУРЫ

В дни коронавирусной пандемии как бы внезапно открылось, что важнейшей духовной и попросту психологической поддержкой для миллионов и миллионов людей, поневоле заточенных в своих жилищах, оказались открывшиеся при помощи современной электроники виртуальные “двери” музеев, лекционных и концертных залов, театров, библиотек, архивов, издательских центров, университетских аудиторий, не говоря уже о храмах. То есть всех тех несводимых в их специфике, но незримо взаимосвязанных институтов, которые мы могли бы условно обозначить суммарным понятием *институтов культуры*. Последние же, как мы писали выше, стали, по существу, вторым хлебом для миллионов людей.

Действительно, то, что некогда трактовалось уничижительными диаматовскими понятиями “надстройка” и “прослойка”, оказалось для множества не подозревавших о том людей духовным питанием и повседневно необходимым лекарством. Культура как непрерывное *возделывание* и — одновременно — *почитание* выявилась как одна из важнейших составляющих человеческого существования. И не только в индивидуальных, но и в коллективных его измерениях.

Институты культуры опираются на глубокие пласты человеческой памяти: личной, семейной, групповой, локальной, национальной, общечеловеческой. Той самой, без которой, как настаивает в своих трудах И.С. Семененко, все разговоры об идентичности могут обернуться лишь предпосылкой необузданных личных и групповых притязаний. Такое, к сожалению, имеет место и у нас в Рос-

сии, и за ее пределами. Но так или иначе институты культуры помогают людям переживать свою беду и одиночество в нынешний трудный период глобальной и отечественной истории. Оно и не мудрено. Ибо институты культуры — это те пространства, где человек, закрепляя и развивая свой внутренний потенциал, прирастает социальными, эстетическими и нравственными смыслами. Пространства, где люди общаются не только с важнейшими текстами, памятниками и смыслами мировой культуры, но и друг с другом. Поднимая в этих пространствах свой внутренний потенциал, человек развивает и свое умение осмысливать себя-в-мире и мир-в-себе. Иными словами, свой *дар соотношения вещей*. И в карантинном заточении электронные технологии приходят ему на помощь. Разумеется, развитие электронных коммуникаций несет в себе немалые угрозы бюрократического порабощения. Об этом уже написаны тысячи страниц, и к этой теме нам самим придется еще неоднократно возвращаться⁴. Но сейчас речь у нас о другом...

Богослужения по Интернету, виртуальные экскурсии по музейным пространствам, концерты и спектакли из пустых залов, виртуальные лекции и семинары — нечто новое в нынешней культурной и общественной жизни. Разумеется, нелегко священнику, артисту, лектору или экскурсоводу выступать перед пустыми залами, не чувствуя перед собой живой и теплой человеческой среды. Но, возможно, в этих условиях порождаются и новые формы интеллектуально-духовного и художественного опыта, когда оживает память о конкретных людях — живых и отошедших: родных, друзьях, соседях, коллегах...

Цифровые записи и воспроизведения, их корректная обработка и интерпретация, в частности, исторических источников, художественных произведений, книжных и рукописных сокровищ — все это, не нарушая своеобразия конкретных институтов культуры, все же существенно сближает эти институты с широкой публикой и между собой [5, с. 141].

Во всяком случае, и в условиях прежней относительной свободы, и в последующих карантинных заточениях институты культуры оказываются непреложными узлами воспроизводства и развития всего комплекса общественной и духовной жизни.

И.С. Семененко права, настаивая в своих трудах на *многоканальности* движений и достижений культуры к обществу: школа, университеты, музеи, библиотеки, популяризация, сети общественных и религиозных организаций, СМИ... Хотелось бы усилить и подкрепить этот тезис тем соображе-

⁴ Некоторую теоретическую попытку осмысления этой проблемы в общем контексте социоэкономической теории см. [14].

нием, что подспудные запросы общества и внутренняя динамика его интересов также во многом определяют политику и приоритеты институтов культуры⁵. Тем более что само общество во всей его динамике *неоднородно*, ибо включает в себя многие взаимодействующие между собой социальные, этнические, культурные и возрастные массивы.

Таким образом, получается, что объективное призвание институтов культуры есть непрерывный *труд соотнесения*: соотнесения человека с самим собой, со своей средой, с другими людьми, со своей личной, групповой и родовой историей.

А в заключение этого раздела хотелось бы высказать одно соображение, касающееся политэкономической стороны жизнедеятельности институтов культуры.

С точки зрения уже устаревших социально-философских и политэкономических понятий (“базис—надстройка”) институты культуры могут выглядеть сферой лишь чисто затратной, “надстроечной” или же в лучшем случае “рекреационной”. Более того, с точки зрения многих ученых, которые и сумели обогатиться некоторыми идеями современных социогуманитарных знаний (техническая эстетика, лингвистика, семиотика, информатика и т. д.), подход к области институтов культуры не идет дальше представлений о конкретных технологиях и практиках. И уж в самом лучшем случае — о “человеческом факторе” или “человеческом капитале”.

Между тем эти институты необходимо связаны с закреплением и развитием основы основ любых социально-исторических процессов — *жизненного мира* человека. Именно они оказываются лабораторией преемственности и обновления самой сердцевины человеческой реальности — *мира смыслов*, так или иначе объемлющих собой базовый круг наших представлений, образов, идей и понятий. И это особенно заметно именно в нашу эпоху, когда исчерпал себя прежний, сугубо сырьевой подход к природе, к обществу и к самому человеку и когда необычно наглядна неопенимая роль институтов культуры как коммуникативных и воспроизводящих узлов нашей общественной и духовной жизни.

⁵ Приведем характерный пример на сей счет. Генеральный директор Московской городской библиотеки им. Н.А. Некрасова сообщает, что в период эпидемии коронавируса увеличились требования на онлайн-книговыдачи произведений мировой классической литературы. Здесь лидируют Пушкин, Достоевский, Оруэлл. Причем этот сдвиг интереса от скороспелых коммерческих изданий к классике, знаменующий собой интерес к глубинным социально-историческим и человеческим проблемам, характерен не только для москвичей, но и для работающих в нашей столице мигрантов [10].

В МИРЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Если вспомнить характерные для прошлого столетия концепты “массового общества”, то в памяти всплывают имена и тексты многих мыслителей, так или иначе разрабатывавших эти концепты, — экзистенциалистов, культурфилософов, неомарксистов [15]. Действительно, и сегодня налицо зависимость огромных людских масс от стандартизированных форм производства, от повальной бюрократизации и милитаризации, от средств массовой коммуникации и массового внушения, от того духовного люмпен-пролеткульта, что насаждается шоу-бизнесом.

Черты “массового общества” отчасти сохранились и поныне, но само общество как таковое круто изменилось. Оно стало, как еще предугадывал Тойнби в середине прошлого века, во многих отношениях “диаспорным”. Точнее, этнически, конфессионально, социально и культурно дисперсным. И притом весьма динамичным именно в своей дисперсности. А развитие глобальных экономических, технологических и транспортных связей, цифровизация экономики, производственных цепочек и самой культуры играют в этом процессе развития современных экстерриториальных и внутристрановых связей весьма существенную роль.

Дистанционная работа с помощью современной электроники (на нашем нынешнем российском сленге — “удаленка”) стала уделом многих миллионов тружеников в самых разнообразных областях. Однако подобного рода занятость требует от современного компьютерного работника некоторых особых качеств личной осведомленности и креативности, особых навыков общения со знакомыми и незнакомыми людьми. И, кстати сказать, требует для такого рода сотрудников и надлежащим образом обустроенных условий высококвалифицированного “надомного” труда. Все это отчасти напоминает традиционную “рассеянную мануфактуру” былых времен. Однако с той только разницей, что “мануфактура” эта основана на мгновенных и по сути экстерриториальных связях и операциях.

Стало быть, речь идет о современных и уникальных *культурных контекстах* человеческой жизнедеятельности. В частности, и о пересмотре многих представлений современной культуры, в том числе и представлений о сегодняшнем массовом, технологизированном учебном процессе. Он решительно отстает не только от новых, на каждом шагу перестраивающихся технологий, но и от текущих жизненных процессов как таковых. Так, известный индийский экономист и педагог Тапас К. Мишра пишет, что нынешние “роботизированные” учебные методики рассчитаны на воспитание прежде всего сосредоточенного спеца,

пользователя, умельца по части *employment*. Однако задачи формирования современного “человеческого капитала” существенно иные. От нынешнего интеллектуального труженика требуются высокая адаптивность и подвижность мышления, умение перестраивать самого себя и направление своих трудов в непрерывно меняющихся обстоятельствах истории, социальности и техноэкономических связей [13].

Важные наблюдения на сей счет мы находим в публицистике российско-американского ученого-энергетика А.Ш. Лейзеровича. По его мысли, современной энергетике и — шире — энергетической политике требуется решать сложнейшие головоломки со многими неизвестными. Действительно, нарастание потребностей в возобновляемых источниках электроэнергии и развитие соответствующих технологий, в частности экозащитных (паровые турбины, гелио- и ветроэнергетика, силы морского прилива и т. д.), не только открывают перед мировой экономикой новые перспективы развития, но и ставят новые проблемы. Ибо существенное удешевление электроэнергии чревато немалыми экономическими рисками для всей энергетической отрасли, занимающей миллионы и миллионы работников в разных областях мировой экономики. Здесь возможны и риски политического порядка, такие как возрастание зависимости мировой энергетике от тех южных стран, что имеют особо протяженные океанские береговые линии. И этот же круг обстоятельств подсказывает необходимость разработок более рациональных и экологически чистых методов эксплуатации энергосистем более привычного порядка: угольных, нефтяных, парогазовых... [16].

Это рассуждение известного ученого-энергетика (а заодно и филолога и поэта) недвусмысленно наводит на мысль, сколь важен глубокий и разветвленный культурный опыт в определении векторов и приоритетов техноэкономической и политической стратегии, когда мгновенные тактические преимущества могут оборачиваться долговременными провалами. И в этом плане самоочевидна важность именно институтов культуры, включая не только их высокоспециализированную деятельность, но и моменты порождаемых ими широких человеческих контактов — как сугубо личных, так и виртуальных. Таким образом, институты культуры оперируют не просто взаимным сближением, сопоставлением, соположением текстов, документов, исторических артефактов и прочее, но и порождают их непрерывное взаимодействие в сознании людей и тем самым — новые ассоциации, темы, идеи, смыслы. Не говоря уже о новых, интеллектуально и духовно продуманных формах человеческого взаимопонимания и общения [5, сс. 145-148]. Не говоря уже и о том обстоятельстве, что че-

рез деятельность институтов культуры во многом определяется и осмысливается (то есть насыщается базовыми человеческими смыслами) процесс взаимодействия трех составляющих *Большой социальной триады*: государственности, гражданского общества и религиозных институций [3, с. 111 и след.; 14]. Проблема бизнеса в этом плане особо сложна и многозначна: так или иначе он пронизывает все три сферы триады [17]. Но это область особых и специализированных исследований...

Важно иметь в виду, что великие идеи, образы и смыслы не застывают, но *живут и постоянно преобразуются в истории*. Временами они могут “засыпать”, отвергаться, “сбрасываться с пароходов современности”, даже засекречиваться и запрещаться. Но на новых витках истории они могут почти внезапно оживать, как оживают, насыщаясь новыми, актуальными содержаниями, скажем, Нагорная проповедь, иконопись Джотто и Рублева, музыка Баха и Моцарта, философия Канта и Соловьева, живопись французского и русского авангарда конца позапрошлого — начала прошлого века...

И самые процессы взаимодействия институтов культуры с обществом и между собой могут перерастать свои непосредственные задачи просветительства и рекреации и порождать новые формы мышления, понятия и ценности во всей системе человеческого общежития. А нынешним системам электронных связей свойственны не только процессы отъединения и разъединения людей, но и поиски путей их внутренней сообщенности и солидарности. Сообщенности и солидарности — если вспомнить Пастернака — “поверх барьеров” всевозможных наших различий.

Страшная эпидемия коронавируса подтвердила это последнее обстоятельство. Те электронные связи, в которые оказались активно вовлечены и институты культуры, сыграли немалую роль в процессах поддержания и общения всей жизнедеятельности несметного множества людей — включая и психологические и духовные ее основы. Мир электронных коммуникаций дал новые стимулы для развития солидарности и взаимопомощи среди людей.

ПОЛИТИКА И СКВОЗНЫЕ СМЫСЛЫ В ИСТОРИИ

Взаимоотношения государственности и культуры издавна были одной из важнейших и сквозных тем российской жизни и мысли⁶. Действительно, роль государственности в судьбах национальных культур чрезвычайно важна. Однако именно с этим

⁶ Такова одна из самых настойчивых тем в трудах Р.В. Иванова-Разумника, Н.А. Бердяева, Г.П. Федотова, Ю.Н. Тынянова, Н.Я. Эйдельмана, Д.Л. Быкова и др.

обстоятельством связана одна из самых привычных и настойчивых аббераций нашего российского сознания. А связана она с надеждами, что государство может взять на себя всю полноту материальной и организационной ответственности за ход и содержание не только культурной политики, но и культурной жизни как таковой⁷. Но надежды эти несбыточны как в плане материальном и организационном, так и в плане содержательном.

Ибо основная сфера жизнедеятельности и компетенций государства — это регламентация властных, юридических и отчасти социальных отношений, тогда как важнейшая сфера жизнедеятельности и компетенций институтов культуры есть несводимая сфера отношений социальных и духовных — отношений, во многом носящих непроизвольный, спонтанный характер⁸. Обе эти сферы могут тесно соприкоснуться или даже пересекаться в повседневной действительности, но в конечном счете они неразменны. Попытки же “разменять” интеллектуально-духовную сферу на отношения власти, собственности и управления (с чьей бы стороны они ни исходили) всегда приводили к плачевным результатам: к подрыву легитимности властей, к отчуждению гражданского общества, к тенденциям внутреннего оскудения культуры и ее институтов [18]. В современных же условиях, когда люди культуры, госслужащие и гражданское общество вынуждены постоянно переучиваться и осмысливать новые реальности технологии и социальных и духовных отношений, императив непринудительного сотрудничества неразменных и несхожих форм человеческой жизнедеятельности встал с особой остротой⁹. Тем более что проблема постоянного переучивания, постоянной работы над собой в условиях не только личных контактов, но и цифровых коммуникаций, словно бетховенская “Судьба”, постоянно стучится в любые “двери”¹⁰: будь то казенных или обще-

ственных учреждений, институтов культуры или частных жилищ.

И коль скоро речь идет, в частности, и о современном состоянии музейного дела — этой неотъемлемой стороны культурной институционализации, — то можно сослаться на попытки освоения актуальной культурной проблематики в современном мировом музейном деле. Таковы, например:

— усилия по виртуальному восстановлению утраченных ландшафтов, полузабытых чувств, идей и личных связей давно умерших или загубленных людей¹¹;

— обоснование ценности несхожих культурных наследий внутри одного и того же народа¹²;

— осмысление острейшей во все времена, но отчетливо всплывшей именно в последние десятилетия проблемы гендерных отношений и, в частности, гендерного насилия...¹³

И уж если подробнее — вслед за И.С. Семененко — останавливаться на судьбах нынешнего музейного дела, то следует отметить, что посещение музея (как одного из важнейших институтов культуры) — не только познавательный акт, но отчасти и праздник. Взаимодействие нелегкого опыта постижения музейной экспозиции и самого праздничного характера вхождения в музейные пространства предполагает некоторое состояние *катарсиса*: внутреннего очищения, несущего в себе и трагические обертоны. Последние связаны с осмыслением судеб ушедших из жизни людей (с тем, что на языке российской православной традиции называется “памятью смертной”), с состраданием жертвам исторической несправедливости, былых притеснений и насилий.

Нельзя не согласиться с мнением И.С. Семененко, что современные информационные и когнитивные технологии создают не только новые возможности раздвижения человеческого сознания, но и беспрецедентные возможности манипуляциями “местами памяти (*lieux de memoire*)” и структурами идентичности [1, сс. 22–24].

Действительно, институты культуры — вопреки идеальному их предназначению — могут оказываться объектами стремлений насытить мир культуры “бэконовскими идолами” национализма, военных конфронтаций, этатизма... [23].

¹¹ Таков, например, многолетний опыт варшавского Литературного музея им. Адама Мицкевича с его постоянными и временными экспозициями [20].

¹² Пример: история обосновавшейся в Израиле бухарской семьи Бабаевых на материалах сохранившихся фотографий и остатков ее гардероба с конца XIX в. [21]. Эта выставка действовала в Музейон Израэли на протяжении 2018–2019 гг.

¹³ Такова развернутая в Национальном историческом музее Сантьяго де Чили выставка “Женщины, религия и насилие” (2020 г.) [22].

⁷ Во многом эти иллюзии оказались подкреплены и огосударствлением чуть ли не всех областей жизни в советский период нашей истории.

⁸ Это обстоятельство касается даже таких, казалось бы, регулируемых культурных систем, как церковные организации.

⁹ Исторической справедливости ради следовало бы отметить, что идея тонкой и непринудительной связи государственных институтов со школьными учебными процессами и институтами культуры была понята социал-демократической мыслью первой трети прошлого столетия. Особенно глубокими оказались соответствующие наработки в период “австромарксистской” гегемонии в австрийской столице (1920–1934): “Муниципалитет содержал на свои средства Исторический музей, Музей Древнего Рима, музеи Шуберта и Гайдна, Музей часов, приобрел для них выдающиеся произведения изобразительного искусства. Посещение Исторического музея входило в программу средней школы: здесь проходили занятия по краеведению” [19, сс. 139–140].

¹⁰ Первые такты Пятой симфонии (по словам самого композитора, 1808 г.).

Весь этот комплекс обстоятельств и противоречий относится и к музейной проблематике нынешней России. Но это уже особая тема, тема не теоретического, но конкретного музееведческого или историко-культурного исследования¹⁴.

Во всяком случае, “цифровое” открытие музейных залов и экспозиций, театральных и концертных залов, книжных презентаций и т. д. — все это вовлекает в орбиты нынешних институтов культуры многие миллионы людей. То же самое можно сказать и о богослужениях, без духовной символики которых не мыслит свою жизнь множество наших современников. Во времена таких массовых бедствий, как коронавирусная пандемия, институты культуры приходят к людям в дома, подкрепляя их в отчаянии и вынужденном отъединении.

Вообще, повторяем, в литературе много и справедливо сказано об отчуждающем характере электронных коммуникаций; немало сказано и о тенденции разрушения российских институтов культуры под видом “оптимизации” и “цифровизации”. Однако бедственная ситуация в период пандемии 2020 г. дала и свидетельства обратного порядка: жив человек, жива солидарность между людьми, живы спонтанные силы культуры и гражданского общества [24].

И ВНОВЬ ОБ “ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОМ СЛОВАРЕ”

Мы начали свои рассуждения, вспомнив об одной из идей Дж. Вико: нашей жизни, мысли и культуре необходим тематически широкий, живой и развивающийся во времени “интеллектуальный словарь (*vocabolario mentale*)”. И задача, которую мы поставили перед собой, была такова: ввести в современные пространства этого “словаря” понятие *институтов культуры*.

Институты же культуры непреложным образом связаны с опытом гуманитарного мышления, которое, по словам российского культуролога, ознаменовано прежде всего “искусством тонких суждений” [12]. Вырастающее из опыта и повседневной практики институтов культуры это искусство перерастает чисто гуманитарную сферу. На поверку оно оказывается также скрытым движителем мно-

жества областей человеческой жизнедеятельности: технологии, экономики, медицины, педагогики, политики... Область “тонких суждений” не может избегать трагических проблем смерти, ожесточения, непонимания между людьми; но, подобно хору в греческой трагедии, эта же область ненавязчиво подсказывает нам мысль о катарсисе сострадания и надежды в тяжких обстоятельствах жизни и истории [25]. В этом смысле культура во всеоружии ее исторически подвижных и адаптивных институтов противостоит энтропийным тенденциям социально-исторического развития.

Разумеется, практика институтов культуры может подвергаться в истории разнообразным извращениям и злоупотреблениям, и притом самого низменного свойства [26, с. 39 и след.]. Тем не менее все лучшее в истории человеческого духа транслируется и развивается во многом благодаря именно институтам культуры. Готические соборы, древнерусская иконопись, монохромные пейзажи народов Дальнего Востока, соль-минорные симфонии Моцарта, лучшие стихи Пушкина или Пастернака — все это оказывается существенной частью *тонкой настройки* и собственно культуры, и самого человека, и человеческого общества, и даже истории (при всех ее заблуждениях и срывах).

Действительно, никто из живых существ (пусть даже с самой высокоорганизованной психикой), за исключением человека, не наделен даром репрезентации, то есть способностью задумываться о себе-во-Вселенной и о Вселенной-в-самом-себе...

Случаен же или закономерен этот дар? А если он и не случаен, то каков смысл этой неслучайности? Сегодня этот вечно открытый вопрос волнует не только философов, теологов и поэтов (как это было прежде), но — вследствие успехов науки — он стал предметом постоянных волнений ученых-естествоведов и гуманитариев [27], оставляя огромную и подчас рискованную свободу для познания, понимания и символических истолкований: научных, философских, художественных, религиозных. А сколь случайна или неслучайна сама свобода в нашей законосообразной Вселенной?

Во всяком случае, сама культура и конкретные ее институты образуют ту среду, где *воздвигается и почитается* течение нашей жизни и мысли¹⁵, а вместе с ними — наша многозначная и, казалось бы, наша хрупкая и усеченная, но неотъемлемая от нашего существования и нашей человеческой идентичности свобода.

¹⁵ Вспомним латинскую этимологию понятия культуры, с которой мы начали наше исследование.

¹⁴ В качестве положительных примеров попыток преодоления такого рода “бэконовских идиом” можно было бы сослаться на опыт Музея Русского зарубежья им. А.И. Солженицына, музейного комплекса Великого Новгорода, Монастырского музея Нило-Столбенской пустыни в Тверской области...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Семененко И. Новые ракурсы политики идентичности: трудная память в музеях истории XX века. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 5, сс. 16-32. [Semenenko I. *Novye rakursy politiki identichnosti: trudnaya pamyat' v muzeeyakh istorii XX veka* [New Perspectives on Identity Politics: Contested Memories in History Museums of the 20th Century]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 5, pp. 16-32.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-5-16-32
2. Vico G. *Opere. A cura di P. Rossi*. Milano, Rizzoli, 1959. 529 p.
3. Рашковский Е.Б. *Философия поэзии, поэзия философии*. С.-Петербург, Алетейя, 2016. 312 с. [Rashkovskii E.B. *Filosofiya poezii, poeziya filosofii* [Philosophy of Poetry, Poetry of Philosophy]. St. Petersburg, Aleteiya, 2016. 312 p.]
4. Рашковский Е.Б. *Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры*. Москва, Прогресс-Традиция, 2008. 378 с. [Rashkovskii E.B. *Smysly v istorii. Issledovaniya po istorii very, poznaniya, kul'tury* [Meanings in History. Studies in the History of Faith, Knowledge and Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2008. 378 p.]
5. Рашковская К.А. Когда документ становится экспонатом: анализ экспозиции выставки «Тоска по мировой культуре...»: Библиотека О.Э. Мандельштама». *ВЕСТНИК РГГУ. Серия "Литературоведение. Языкознание. Культурология"*, 2019, № 6, сс. 136-149. [Rashkovskaya K.A. *Kogda dokument stanovitsya eksponatom: analiz ekspozitsii vystavki «Toska po mirovoi kul'ture ...» Biblioteka O.E. Mandel'shtama* [When a Document Becomes an Exhibit: an Analysis of the Exhibition «Nostalgia for World Culture...»: The Osip Mandelstam library]. *RSUH/RGGU Bulletin: "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies"*, Series, 2019, no. 6, pp. 136-149.]
6. Семененко И.С., отв. ред. *Идентичность: личность, общество, политика. Энциклопедическое издание*. Москва, Весь мир, 2017. 992 с. [Semenenko I.S., ed. *Identichnost': lichnost', obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie*. [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow, Ves' mir, 2017. 992 p.]
7. Рашковский Е.Б. *Философская планета Арбат. Книга воспоминаний*. Москва, Новый хронограф, 2019. 198 с. [Rashkovskii E.B. *Filosofskaya planeta Arbat. Kniga vospominanii* [Arbat: the Philosophical Planet. The Book of Reminiscences]. Moscow, Novyi khronograf, 2019. 198 p.]
8. Dobzhansky Th.G. *The Biology of Ultimate Concern*. New York, New American Library, 1967. 152 p.
9. Вахромцева К.В. Как музыканты, театры и галереи справляются с кризисом. *Ведомости*, 31.03.2020. [Vakhromtseva K.V. *Kak muzykanty, teatry i galerei spravlyayutsya s krizisom* [Musicians, Theatres and Galleries Dealing with the Crisis]. *Vedomosti*, 31.03.2020.]
10. Привалова М.А. Библиотеки помогают бороться с цифровым неравенством. *Ведомости*, 10.04.2020. [Privalova M.A. *Biblioteki pomagayut borot'sya s tsifrovym neravenstvom* [Libraries vs. Digital Inequality]. *Vedomosti*, 10.04.2020.]
11. Барбур И. *Религия и наука. История и современность*. Изд. 2. Москва, ББИ св. ап. Андрея, 2001. 430 с. [Barbour I. *Religiya i nauka. Istoriya i sovremennost'*. Izd. 2. Moscow, BBI sv. ap. Andrey, 2001. 430 p.]
12. Генис А.А. Кому нужны гуманитарии. *Ведомости*, 23.09.2015. [Genis A.A. *Komu nuzhny gumanitarii* [Who Needs Specialists in Humanities]. *Vedomosti*, 23.09.2015.]
13. Mishra T.K. *We Can Create a Better World*. Available at: https://timesofindia.speakingtree.in/article/we-can-create-a-better-world?utm_source=TOInewsHP (accessed 23.01.2020).
14. Рашковский Е. Бюрократия и интеллигенция: к пониманию внутренних противоречий современного общества. *Мировая экономика и международные отношения*, 2020, т. 64, № 1, сс. 129-135. [Rashkovskii E. *Burokratiya i intelligentsiya: k ponimaniyu vnutrennikh protivorechii sovremennoogo obshchestva* [Bureaucracy and Intelligentsia: toward Understanding of the Present Day Society's Basic Contradictions]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2020, vol. 64, no. 1, pp. 129-135.] DOI: 10.20542/0131-2227-2020-64-1-129-135
15. *"Массовая культура" – иллюзии и реальность*. Москва, Искусство, 1975. 255 с. ["Mass culture": Illusions and Reality. Moscow, Iskusstvo, 1975. 255 p. (In Russ.)]
16. Лейзерович А.Ш. Некоторые ориентиры развития энергетики на ближайшую перспективу. *Электрические станции*, 2020, № 3, сс. 2-15. [Leizerovich A.Sh. *Nekotorye orientiry razvitiya energetiki na blizhaishuyu perspektivu* [Some Vectors of the Electric Power Development for Nearest Future]. *Elektricheskie stantsii*, 2020, no. 3, pp. 2-15.]
17. Перегудов С.П., Лапина Н.Ю., Семененко И.С. *Группы интересов в Российском государстве*. Москва, УРСС, 1999. 352 с. [Peregudov S.P., Lapina N.Yu., Semenenko I.S. *Gruppy interesov v Rossiiskom gosudarstve* [Interest Groups in the Russian State]. Moscow, URSS, 1999. 352 p.]
18. Быков Д.Л. *Булат Окуджавы*. Москва, Молодая гвардия, 2009. 777 с. [Bykov D.L. *Bulat Okudzhava*. Moscow, Molodaya gvardiya, 2009. 777 p.]
19. Кукушкина И.А. Гуго Брайтнер и "красная Вена". *Карло Росселли и левые в Европе. К столетию со дня рождения*. Москва, ИВИ РАН, 1999, сс. 135-149. [Kukushkina I.A. *Gugo Braitner i "krasnaya Vena"* [Hugo Breitner and the "Red Vienna"]. *Karlo Rosselli i levye v Evrope. K stoletiyu so dnya rozhdeniya* [Carlo Rosselli and the European Left. Toward Centennial anniversary]. Moscow, Inst. of the Universal history, 1999, pp. 135-149.]
20. *Muzeum Literatury im. Adama Mickiewicza w Warszawie*. Available at: <https://culture.pl/pl/miejsce/muzeum-literatury-im-adama-mickiewicza-w-warszawie> (accessed 25.03.2020).

21. *Two Women, a Dress, and a Notebook. The Story of Bukhara Family. Special Exhibit.* Available at: <https://www.imj.org.il/en/exhibitions/two-women-dress-and-notebook> (accessed 25.03.2020).
22. *Santiago de Chile. Museo historico nacional. Mujeres, religión y violencia.* Available at: https://www.mhn.gob.cl/618/w3-article-94677.html?_noredirect=1 (accessed 19.03.2020).
23. Миллер А.И. *Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности.* [Miller A.I. *Vrag u vorot istorii. Kak istoricheskaya pamyat' stala voprosom bezopasnosti* [An Enemy at the Gates of History. Historical Memory as an Issue for Security]. Available at: https://Carnegie.ru/commentary/81207?mkt_tok (accessed 24.04.2020).
24. Семенов И.С. *Гражданская солидарность и самоорганизация против коронавируса.* [Semenenko I.S. *Grazhdanskaya solidarnost' i samoorganizatsiya protiv koronavirusa* [Civil Solidarity and Self-organization against the COVID-19]] Available at: <https://www.imemo.ru/news/events/text/grazhdanskaya-solidarnosty-i-samoorganizatsiya-protiv-koronavirusa> (accessed 23.01.2020).
25. Scott A.W. *What Happens When We Lose the Art of Bringing Us Together?* Available at: <https://nytimes.com/2020/03/20/arts/arts-loss-coronavirus.html> (accessed 27.03.2020).
26. Симкин Л.С. *Его повесили на площади Победы. Архивная драма.* Москва, АСТ-Corpus, 2018. 352 с. [Simkin L.S. *Ego povesili na ploshchadi Pobedy. Arkhivnaya drama* [He was Hanged in the Victory Square. A Drama in Documents]. Moscow, AST-Corpus, 2018. 352 p.]
27. Кристиан Д. *Большая история. С чего начиналось и что будет дальше.* Москва, КоЛибри, 2019. 432 с. [Kristian D. *Bol'shaya istoriya. S chego nachinalos' i chto budet dal'she* [Origin Story. A Big History of Everything]. Moscow, CoLibri, 2019. 432 p.]

INSTITUTIONS OF CULTURE IN CONTEMPORARY SOCIAL AND CULTURAL DYNAMICS

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 114-122)

Received 31.08.2020.

Kseniya A. RASHKOVSKAYA (fornaleva@bk.ru),

Vasily Tropinin Museum, 10, Shchetininsky Per., Moscow, 119017, Russian Federation.

Evgenii B. RASHKOVSKII (eug.rashkov@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

This paper is a kind of response to Prof. Irina S. Semenenko's article "New Dimensions of Identity Politics: Contested Memories in History Museums of the 20th Century" (Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya (World Economy and International Relations), 2020, vol. 64, no. 5). The paper attempts to ground the notion of institutions of culture and their necessary, though sometimes ambiguous role in social, cultural as well as political dynamics of the current history. Studies of the present experience in economic, information and demographic globalization, digital technologies, pandemics, etc. offer new opportunities for rethinking the role of cultural institutions in the whole socio-historical process, including the current history. The complex of these problems is displayed not only on macro-historical or global level, but also on the levels of micro-histories and everyday history in different social and cross-cultural contexts. The field of cultural institutions seems to be responsible for the whole shifting of basic human values in history as well as for the "subtle customization" of interpersonal communications and "le phénomène humaine" itself.

Keywords: institutions of culture, historical interpretation, socio-humanitarian knowledge, museum, statehood, religion, civil society, mass culture, identity, digital technologies.

About authors:

Kseniya A. RASHKOVSKAYA, Scholarly Secretary.

Evgenii B. RASHKOVSKII, Doctor of History, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-1-114-122

АРКТИЧЕСКИЙ ЛУЗЕР: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

© 2021 г. Е. Лабецкая

MARKKU HEIKKILÄ. *If We Lose the Arctic: Finland's Arctic Thinking from the 1980s to Present Day*. Pöytäkirjat, Rovaniemi: The Arctic Centre, University of Lapland, 2019. 149 p.

ЛАБЕЦКАЯ Екатерина Олеговна, кандидат экономических наук,
ИМЭМО им. Е. М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (lbtskaya@imemo.ru).

Рецензия поступила в редакцию 01.08.2020.

Ключевые слова: Арктика, Арктический совет, Евросоюз, геополитика, национальные интересы, Россия, “Северное измерение”, СССР, США, Финляндия.

Представляемая читателю книга написана Маркку Хейккиля, известным финским экспертом по проблемам Арктики. Будучи профессиональным журналистом, он на протяжении почти 30 лет непосредственно освещал все виражи международного арктического и северного сотрудничества, опираясь на эксклюзивную информацию из бесед с ключевыми политическими лицами не только Финляндии, но и других стран и международных организаций. В настоящее время М. Хейккиля руководит отделом научных коммуникаций Арктического центра Лапландского университета в финском г. Рованиеми. Этот известный образовательный центр Финляндии, став в 2001 г. членом Арктического университета (*UArctic*), разместил у себя офис его Международного секретариата. Отметим, что в целях налаживания глобальных партнерских отношений и обеспечения устойчивого развития Арктического региона основная деятельность *UArctic* сосредоточилась на сотрудничестве в области образования, научных исследований и в информационно-пропагандистской сфере. Личный опыт автора также обогатил книгу информацией “из первых рук”.

Читателю представлен глубокий анализ арктической политики Финляндии за последние 30 лет (с конца 1980-х годов по декабрь 2018 г.), обнаживший скрытые противоречия между ведущими международными игроками на “арктическом политическом льду”.

В основу названия своей книги М. Хейккиля положил часть известного тезиса президента Финляндии Саули Ниинистё “Если мы потеряем Арктику, мы потеряем весь мир” (“*If we lose the Arctic, we lose the whole world*”¹), которым глава государства

мотивировал скорейшее проведение Арктического саммита.

Выход книги в свет был приурочен к Министерской встрече Арктического совета (АС), завершившей финское Председательство. И то не случайно. До последнего момента у финнов теплилась надежда, что саммит состоится в период Председательства Финляндии в Арктическом совете (2017–2019 гг.), и окончание финского лидерства пройдет триумфально. Надежды не сбылись. Более того, завершающий этап Председательства, Министерская встреча государств – членов АС в г. Рованиеми (май 2019 г.), оказался провальным. Госсекретарь США Майк Помпео, отвергнув концепцию “изменения климата”, сорвал консенсус по этой ключевой проблеме региона, чем лишил финское Председательство возможности принять традиционную для Министерской встречи АС Итоговую декларацию. Председательствовавший на встрече главе финской дипломатии Тимо Соини пришлось спасать положение выпуском 10-страничного Заявления финского Председательства. В нем акцентировалась приверженность “большинства участников встречи” решимости бороться с последствиями изменения климата ради сохранения хрупкой экосистемы и устойчивого развития Арктики.

В такой ситуации книга, распространяемая в фойе Министерской встречи АС в Рованиеми, воспринималась с нового ракурса. Вспомним, английский глагол “*to lose*” переводится на русский язык двояко: “потерять” и “проиграть”. Министерскую встречу АС финны проиграли. Но главное – не проиграть Арктику.

В условиях глобальной игры арктических держав XXI в., думается, слово “*to lose*” следует воспринимать в следующем пассаже М. Хейккиля в значении “проиграть”: “Арктика может быть проиграна в силу разных причин. Обычно мы говорим о гло-

¹ Speech by the President of Finland Sauli Väinämö Niinistö in Arkhangelsk 04.04.2017. Available at: <https://www.presidentti.fi/en/news/president-niinisto-in-arkhangelsk-if-we-lose-the-arctic-we-lose-the-whole-world/> (accessed 07.08.2020).

бальном потеплении. Но нагретый политический климат может иметь тот же эффект. И то и другое происходит поступательно, небольшими шагами, пока все необратимо не изменится. Это не означает Арктический конфликт. Структуры могут выглядеть так же, как и раньше, но все же что-то может полностью измениться. Важно думать, к чему прислушаться. Мы еще не столь далеко зашли. Поскольку эта книга посвящена Финляндии, надо сказать: в интересах всех жителей Финляндии, чтобы мы никогда и не зашли столь далеко” (р. 140).

Мог ли предвидеть фиаско в Рованиemi автор книги, давший ей такое название? Наверное, мог. Во всяком случае, М. Хейккиля со знанием дела упоминал арктические взгляды администраций президентов США Билла Клинтона, Джорджа Буша мл., Барака Обамы, затронул кардинальные различия позиций экс-вице-президента США, Нобелевского лауреата Альберта Гора и нынешнего президента США Дональда Трампа, который в 2017 г. вывел страну из Парижского соглашения по климату 2015 г.

Однако в книге это отражено контурно: “Смена президента и правительства Соединенных Штатов вызвала полный разворот в климатической политике. Принятие общих позиций на встрече министров иностранных дел в Фэрбанксе в мае 2017 г., когда США завершали свое Председательство в АС, было труднее, чем когда-либо. Тем не менее консенсус был достигнут во всех текстовых форматах, которые были для финского Председательства в АС центральными (тогда США передавали Председательство в АС Финляндии. — Е.Л.)” (р. 127). Но это было лишь зарождение проблемы, по окончании финского Председательства с Вашингтоном еще предстояло договариваться.

На “арктическом политическом льду”, в отличие от природных реалий Арктики, весьма “тонком”, Финляндия оказалась в эпицентре условной смены в АС двух “троек” Председательств: США—Финляндия—Исландия и Финляндия—Исландия—Россия². Найти повторно консенсус с Вашингтоном в Рованиemi финнам оказалось не под силу.

² Русское понятие “тройка” давно вошло в международный политический лексикон, отражая преемственность и последовательность смены руководства процессами на поле политической игры. Обычно под “тройкой” понимают ротирующиеся в организации Председательства: предшествующее, действующее и последующее. В АС каждый цикл ротации между постоянными членами, арктическими государствами Совета, начинается с Канады (второй цикл ротации стартовал в 2013 г.). Далее каждые два года по очереди: США, Финляндия, Исландия, Россия, Норвегия, Дания и Швеция. Соответственно, Финляндия как действующее Председательство оказалась в “тройке” США—Финляндия—Исландия. Как предшествующее Председательство — в “тройке” Финляндия—Исландия—Россия.

То, что успех второго Председательства Финляндии в АС станет заложником политики администрации Трампа в отношении противодействия изменению климата, охраны окружающей среды и проблем экологии в целом, было ясно априори. Видимо, политкорректность заставила М. Хейккиля воздержаться от негативного прогноза влияния делегации США на результаты грядущей Министерской встречи АС в Рованиemi. Но в “Twitter” по ее завершении М. Хейккиля уже не без иронии предложил “обновить” название выставки в фойе форума в соответствии с итогами дня: переименовать “Начало Арктической Эры” в ее “Конец”³.

И все же неудача финского Председательства не принижает достоинств книги М. Хейккиля, содержащей богатый материал по различным проблемам международного арктического сотрудничества и арктической политики Финляндии. Интересно и композиционное построение книги. Первая часть “Арктическое видение 1998. Истоки и предпосылки арктического сотрудничества” (“*Arctic Visions 1998. The Origins and Background of Arctic Cooperation*”) представляет собой сокращенный вариант ныне уже раритетной брошюры автора, изданной малым тиражом в 1998 г.

Поначалу у читателя может возникнуть вполне объяснимое предубеждение к этой части, которая кажется устаревшей. Но оно рассеивается, когда начинаешь вчитываться в материал. Он наполнен богатейшей информационной фактурой, которую современному исследователю трудно где-либо еще найти. Обогащают первую часть книги и личные впечатления опытного журналиста. Используя свой журналистский багаж, накопленные за 20-летие интервью, статьи, заметки, М. Хейккиля раскрывает историю формирования международного сотрудничества в циркумполярном мире, наполненную соперничеством северных стран Европы за субрегиональное лидерство, показывает предпринимаемые Финляндией шаги на пути к ее превращению в ведущего игрока в международном арктическом сотрудничестве.

Автор четко связывает зарождение арктического международного сотрудничества с “Мурманскими инициативами” М.С. Горбачева (1 октября 1987 г.): “Редко бывает так, что вы способны точно определить, когда и где что-то началось. Но не на этот раз. Нам нужна была одна речь, произнесенная одним человеком в нужном месте” (р. 31). Тем не менее первую часть книги М. Хейккиля начинает, видимо по дипломатическим соображениям, с истории создания Совета Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Этот форум регионально-го сотрудничества — детище норвежской диплома-

³ Markku Heikkilä in Twitter. Available at: <https://twitter.com/heikkilamark/status/1125710478527930370> (accessed 07.08.2020).

тии, явно не слишком почитаемой автором. Он был учрежден на встрече министров иностранных дел России и стран Северной Европы в норвежском городе Киркенес 11 января 1993 г. Постоянными членами СБЕР стали Дания, Исландия, Норвегия, РФ, Финляндия, Швеция и Комиссия Европейских сообществ. Примечательно, что автор спешит акцентировать отличие интересов Норвегии, лежавших в сфере “безопасности и стремления не оказаться на обочине мировой политики”, от интересов Швеции и Финляндии, для которых СБЕР стал “жизненной”, во многом экологической необходимостью (р. 16).

В контексте анализа становления СБЕР прослеживается авторская трактовка норвежско-финского соперничества в Северной политике. Для непосвященных в скандинавские реалии читателей книга интересна финской интерпретацией имеющейся в субрегионе конкуренции. Финским ответом на норвежские планы стало провозглашение в 1997 г. политики “Северного измерения”: «Ситуация изменилась осенью, когда Финляндия выступила в ЕС со своей официальной инициативой “Северного измерения”. Финляндия предложила Баренцев регион как связующее звено для ЕС не только с Россией, но и с Норвегией» (р. 16).

Еще одним интересным моментом для читателя станет авторский взгляд на характерные для циркумполярного сотрудничества противоречия региональных властей с Центром, проиллюстрированные на примере СБЕР. “Конфликты и пробелы в сотрудничестве рождаются еще и потому, что не привлекаются политически избранные органы или парламентарии регионов. В частности, это касается Баренцева сотрудничества... Двухпалатная структура с Советом стран и Региональным советом создала новый вид конкуренции внутри сотрудничества. Как заявила Покка (*Hannele Pokka* – губернатор Лапландии. – Е.Л.), Региональный совет стал внутренним клубом, работающим за закрытыми дверями, не общающимся с центральной властью” (р. 19).

Автор не скрывает свои симпатии к первому Президенту СССР Михаилу Горбачеву и первому министру иностранных дел России Андрею Козыреву при освещении их деятельности на циркумполярном направлении. И хотя упомянутые инициативы так и не были реализованы, М. Хейккиля убежден, что кроме СССР никто и не смог бы их воплотить: “Арктические районы земного шара были ареной холодной войны. Изменение, при желании, мог начать только Советский Союз. Аутсайдерам сделать это было невозможно, ибо Мурманск и Кольский полуостров в целом находились в центре военного района” (р. 32).

Мурманской речи генсека КПСС М. Горбачева, не только давшей, по мнению автора, толчок

сотрудничеству в Арктике, но и оказавшей влияние на финскую арктическую политику, посвящен отдельный параграф. “Мурманские инициативы” были направлены на создание в Северной Европе безъядерной зоны и ограничение военно-морской активности в прилегающей к ней акватории, а также на сотрудничество в сфере науки и рационального освоения ресурсов Севера и Арктики, на охрану окружающей среды, открытие Севморпути.

Их развитие автор видит в опубликованной спустя полтора месяца статье главы МИДа Финляндии Калеви Сорса, позитивно упоминавшего Горбачевым. В ней роль Финляндии предложена в качестве моста между Востоком и Западом в арктическом научно-исследовательском сотрудничестве. М. Хейккиля считает, что МИД Финляндии, не особо активный в сфере экологии до этого момента, заинтересовался предложением М. Горбачева о защите окружающей среды и “усовершенствовал идею”, поскольку счел ее “наиболее безопасной темой с политической точки зрения”. “Речь Горбачева не исчезла в вакууме”, она дала толчок “далеко идущим политическим умозрениям” (р. 33). В качестве примера автор приводит официально запущенную Финляндией в начале 1989 г. первую государственную инициативу в отношении Арктического региона, ставшую позднее известной как “дух Рованиеми” (р. 34). Реально Рованиемский процесс вылился в министерскую конференцию по охране арктической окружающей среды, состоявшуюся в финском городе Рованиеми в 1991 г. Процесс затянулся из-за “трудностей взаимодействия с США” (р. 34). Итогом форума стала “Арктическая стратегия защиты окружающей среды” (*AEPS*), впоследствии взятая на вооружение встречей министров окружающей среды в Арктическом совете. Но, как отметил М. Хейккиля, “финский министр в тот раз на АС не присутствовал и не увидел конца старой финской Арктической инициативы” (р. 35).

Еще одним следствием мурманских инициатив стало, по мнению М. Хейккиля, предложенное Канадой международное сотрудничество арктических регионов. “Для Канады, постоянно искавшей свою идентичность, Север должен был бы дать что-то по-настоящему свое”, – поясняет автор (р. 36). Итогом стал рожденный в долгих согласованиях Арктический совет (1996 г.). Журналистский багаж позволил автору представить читателям все нюансы этого процесса, которые неизвестны большинству современных экспертов. Опять же изначально процесс тормозили США. В 1996 г. в Оттаве “казалось, США не знают, чего они хотят, и поэтому ничего не хотят”, вспоминает М. Хейккиля (р. 40). Оценивая политику США в отношении Арктического совета, автор вспоминает, что “в содержательных переговорах американцы обычно следо-

вали своей собственной политике, что приводило в бешенство других”. “Даже несмотря на то, что Вашингтон явно повысил свой интерес в Балтийском море и Баренцевом регионе, похоже, он стремился сохранить роль Арктического совета незначительной”. Такой подход, убежден автор, отражал “внутренние политические споры в Госдепе США по поводу неопределенности роли единственного арктического штата, Аляски, в международном сотрудничестве, ибо в США не принято подключать штаты к внешнеполитической сфере” (р. 41).

В книге рефреном проходит мысль о значимости сотрудничества с Россией для энергетического будущего Европы. “...России и Западу надо продолжать сотрудничать. Альтернативой Баренцеву региону и Северной России как поставщику энергоресурсов Европе являются страны Ближнего Востока, Казахстан и Азербайджан, Алжир и Нигерия. Нетрудно понять, какой вариант наиболее привлекателен политически. Стабильность России возможно и неопределенная, но нестабильность других мест несомненна” (р. 8).

Автор еще в 1990-е годы предрекал серьезные вызовы, приносимые в Арктический регион глобализацией: “...Этот почти забытый регион в силу энергетического потенциала и открытия новых проходов может стать частью тяжеловесной геополитики. Конечно, таковым он был и во время холодной войны, но иначе. Его будущее неразрывно связано с отношениями России и Запада. Они должны быть соединены, иначе все пропадет. Новая конфронтация все испортит” (р. 12). При этом эксперт предупреждает о “наисложнейшей задаче”, обусловленной проблемой соединения воедино конкретных экономических проектов с правительственными обязательствами уважать права коренных и малочисленных народов Арктики, обеспечивать охрану окружающей среды и устойчивое развитие.

Подводя итоги международного арктического сотрудничества, автор не скрывает растущую обеспокоенность проявляющейся “болезненностью балансировки различных интересов...”. В этой связи М. Хейккиля предупреждает, что “альтернативой должному продвижению сотрудничества в северных регионах неминуемо станет конкурентная борьба за природные ресурсы, власть, военные позиции и торговые пути. Борьба за землю и ресурсы между Западной Европой, Россией, Канадой и США” (pp. 83-84).

Название второй части говорит само за себя: “Ведущий Арктический Актор. 1998–2018 годы в финской арктической политике” (*The Leading Arctic Actor. Years 1998–2018 in Finnish Arctic Politics*). Читатель имеет возможность воспользоваться предложенной “машиной времени” и, заглянув в минувшие десятилетия, оценить эволюцию фин-

ской арктической политики. М. Хейккиля стремится отразить ее целостно, в контексте внутриполитических изменений в стране.

Хотя наиболее значимые международные инициативы Финляндии, “Рованиемский процесс” и “Северное измерение”, зародились задолго до рассматриваемого в этой части книги периода и к нашему времени изрядно “подували”, автор вновь возвращает к ним читателя для лучшего осознания “арктического мышления Финляндии”.

Реалиям “Северного измерения” М. Хейккиля посвящает даже отдельный параграф «Долгое сползание “Северного измерения”» (*The Long Slide of the Northern Dimension*). Соглашаясь, что “в свое время этот политически нейтральный форум сыграл важную роль в качестве площадки для дискуссий”, автор констатирует снижение его значимости. «Как в ЕС, так и в других странах слово “Арктика” стало лоббистски более эффективным. Для “Северного измерения” арктическое окно давно закрылось. К тому же “Северному измерению” изначально была присуща очевидная проблема: оно позиционировалось как финская инициатива и у него не было достаточно видимых сторонников в других странах или в ЕС. Оно упоминалось либо из чистой формальности, либо официально...» (р. 96).

Автор напоминает, что “на протяжении всех лет в дискурсе и предпринимаемых шагах Финляндии сбалансировано доминировали два мотива — экономика и окружающая среда” (р. 87).

“Долгосрочным элементом финской арктической политики” остается стремление добиться для Евросоюза значимой роли в арктическом сотрудничестве (р. 109). Программа-максимум Финляндии на сегодня, безусловно, абсолютно недосягаемая — обеспечить ЕС статус постоянного наблюдателя в Арктическом совете.

История свидетельствует, что финская арктическая политика переживала и периоды высокой активности, и падение интереса, при этом она всегда стремилась к балансу между ожиданиями и реалиями устойчивого развития. “Практически все значимые арктические инициативы Финляндии были обусловлены желанием конкретных политиков продвинуть тот или иной вопрос”, — отмечает М. Хейккиля (р. 125). Вот и президент Финляндии С. Ниинистё был уверен в реализации своей инициативы по созыву Арктического саммита. Автор приводит его слова, что “ответная реакция арктических стран на конкретные предложения была позитивна, даже там, где Парижское соглашение вызывало подозрения. Изменение климата может быть не лучшим началом разговора в любой столице в наши дни, но сделать это все еще возможно, найдя конструктивные пути решения стоящих за этим конкретных проблем” (р. 131).

Авторское исследование генезиса финского предложения по Арктическому саммиту является одним из наиболее интересных пассажей второй части книги. В нем прослеживается “обкатка” этой идеи на разных международных и внутрифинских площадках. Особое внимание уделено позиции президентов РФ и США как ключевых потенциальных участников встречи в верхах. М. Хейккиля реалистично оценивает перспективы этого мероприятия, констатируя: “Когда готовился этот материал, окончательная судьба проведения саммита весной 2019 г. не была известна, но события на международной арене не были обещающими” (р. 131).

Подытоживая, можно с уверенностью сказать, что автор дал полные, компетентные ответы на поставленные в начале книги вопросы (р. 4):

– как возник “Рованиемский процесс”, положивший начало международному сотрудничеству в Арктике;

– что произошло с “Северным измерением” и какие размышления привели к предложению Финляндией Арктического саммита;

– почему правительство утверждает, что Финляндия – ведущий актер Арктики, и почему президент Финляндии повторяет лозунг “Если мы потеряем/проиграем Арктику, мы потеряем/проиграем весь мир”;

– продиктованы ли действия Финляндии в Арктике национальными экономическими интересами, альтруистической заботой об окружающей среде или комбинацией того и другого;

– кто проводил арктическую политику Финляндии и к чему она стремилась в международных кругах.

Книга легко читается, автор не грешит теоретизированием, популярно раскрывая читателю геополитические процессы на мировой арене и роль Финляндии на ней. Представленный финским политологом материал, несомненно, будет интересен как экспертам по странам Северной Европы и проблемам Арктического региона, так и широкому кругу читателей, включая студентов и аспирантов, изучающих современные международные отношения.

ARCTIC LOSER: TO BE OR NOT TO BE?

[Review of the book: MARKKU HEIKKILÄ. “If We Lose the Arctic: Finland’s Arctic thinking from the 1980s to present day”, Popa, Rovaniemi: The Arctic Centre, University of Lapland, 2019. 142 p.]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 123-127)

Received 01.08.2020.

Ekaterina O. LABETSKAYA (lbtskaya@imemo.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: the Arctic, Arctic Council, Northern Dimension, European Union, Russia, Finland, USA, USSR, geopolitics, globalization, national interests.

About author:

Ekaterina O. LABETSKAYA, Cand. of Sci. (Economics), Leading Researcher.

ЛИЧНОСТЬ И ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ (По следам исследований А. Инкелеса)

© 2021 г. М. Ядова

INKELES A. *One World Emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies*. London, Routledge, 2019. 448 p.

ЯДОВА Майя Андреевна, кандидат социологических наук,
Институт научной информации по общественным наукам РАН, РФ, 117218 Москва, ул. Кржижановского, 15, к. 2
(m.yadova@mail.ru).

Рецензия поступила в редакцию 01.07.2020

Ключевые слова: современность и постсовременность, модель “современной личности” А. Инкелеса, социальная конвергенция и дивергенция, глобализация.

Усиление в современном мире социальной турбулентности предъявляет к личности XXI века особые требования. Если вслед за некоторыми исследователями рассматривать эпоху постмодерна как продолжение, а не преодоление модерна (например, Э. Гидденс говорит о “поздней современности”¹, З. Бауман использует метафору “текущая современность”²), то можно предположить, что потенциал идеи модернизации далеко не исчерпан и идеалы общества раннего модерна представляют ценность и в сегодняшнем мире.

Одним из первых, кто попытался сформулировать требования модернизирующегося социума к личности, стал известный американский социолог Алекс Инкелес, создатель аналитической модели “современной личности” (“*modern personality*”). Он обнаружил, что во всех обществах, испытывающих на себе влияние процессов модернизации, формируется особый тип личности. “Современный человек”, по Инкелесу, внутренне независим, открыт экспериментам, инновациям и изменениям, обладает развитым чувством социальной ответственности, высокой степенью правосознания и толерантности, уважает права и мнение других, а также верит, что способен самостоятельно или в кооперации с кем-то влиять на окружающую реальность. У него широкий кругозор, он высоко ценит хорошее образование и стремится к достижению профессионального мастерства. Его отличает устремленность в будущее (в противовес традиционалистской заикленности на прошлом), что выражается в готовности планировать свою жизнь на несколько лет вперед. Он активен и решите-

лен, особенно в вопросах собственной жизни и ее конструирования. Стоит отметить, что концепция “современной личности” впервые была предложена А. Инкелесом и Д. Смитом в 1974 г.³ и активно использовалась в дальнейших работах Инкелеса.

Одна из последних книг А. Инкелеса “Зарождение единого мира? Конвергенция и дивергенция в индустриальных обществах” (“*One World Emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies*”) была переиздана крупнейшим британским научным издательством *Routledge* в 2019 г. О ней и пойдет речь ниже. Книга объединяет серию опубликованных автором ранее работ за почти 40-летний период (с начала 1960-х до 1997 г.) и включает результаты сравнительных исследований, посвященных особенностям процессов модернизации в США, СССР, Индии и Китае. А. Инкелес прослеживает изменения, происходящие под воздействием модернизационных тенденций в социальной, экономической, политической и иных сферах общества, показывает, как эволюционируют и становятся схожими в разных странах институциональные структуры, ценности, культурные представления и социальные практики.

С момента выхода в свет первого издания книги в 1998 г. прошло более 20 лет. За это время многие из зафиксированных А. Инкелесом системных социальных изменений настолько нормализовались, что стали восприниматься как обыденные явления; вместе с тем некоторые тренды, вероятно, уже утратили свою злободневность. Сегодня переживают сложные времена казавшиеся ранее незыблемыми ценности и идеалы модерна, подорвана вера в прогресс, разум, демократические завоева-

¹ Giddens A. *The consequences of Modernity*. Cambridge, Polity press, 1990. 186 p.

² Bauman Z. *Liquid modernity*. Cambridge, UK, Polity Press; Malden, MA, Blackwell, 2000. 228 p.

³ Inkeles A., Smith D. *Becoming Modern: Individual Change in Six Developing Countries*. Cambridge, Harvard University Press, 1974, pp. 289-302.

ния, способность человека эффективно управлять собственной жизнью и окружающей средой, рационально просчитывая возможные риски. На фоне роста нетерпимости, радикализма, ксенофобии усиливаются тенденции неорархаизации, под которой понимают не просто возврат к традиционному обществу, а, по выражению А. Неклесса, “прыжок в новое, еще не известное истории состояние”⁴. И наконец, на смену прежнему формату глобализации пришла “глобализация 3.0”. Невольно напрашивается вопрос, есть ли в этих условиях место “*modern personality*” и чем объяснить сегодняшний интерес издателей к книге А. Инкелеса? Или, может быть, дело в скрытом запросе постсовременного общества на ценности модерна? Поразмышляем над этим.

Опираясь на внушительный по масштабам эмпирический материал, А. Инкелес показывает: как бы ни отличались друг от друга современные и модернизирующиеся социумы, схожего в них значительно больше. Книга А. Инкелеса буквально пронизана привычным для его времени оптимизмом относительно будущего человечества: его убежденность подкрепляется рядом тенденций, характерных для современных обществ, и значительным массивом статистических данных, фиксирующих эти тренды. На экономическом и социально-политическом уровнях это индустриализация и интенсификация экономического роста, технологизация и цифровизация основных сфер жизни, свободный рынок труда, урбанизация, деперсонализация и бюрократизация системы управления, усиление важности формальных правил и законов, а также связанные с этими процессами социоструктурные и демографические изменения (гл. 10–13). Говоря о сферах культуры и повседневной жизни, он прежде всего отмечает произошедшие принципиальные изменения в системе коммуникаций, увеличение объема и скорости передачи информации, укрепление роли знаний, науки и профессионального мастерства в обществе, демократизацию образования, конвергенцию национальных образовательных систем, распространение массовой культуры и единых, практически общечеловеческих культурных кодов, “перестройку” паттернов воспитания и семейных взаимоотношений (гл. 6–9). Процессы конвергенции, по мнению Инкелеса, широкомасштабны, всесторонни и имеют глобальные социальные последствия. Причем простое сходство не является доказательством конвергенции. Требуется глубокий анализ различных элементов конвергенции: институциональных структур и процессов, систем политического и экономического контроля, подходов к использованию

ресурсов, паттернов социального взаимодействия, ценностей и поведенческих установок населения (р. 20). Не кажется удивительным, что подобные изменения влекут за собой трансформации и на индивидуальном уровне: обществу нового формата необходим новый тип личности.

Помимо этого, размышления автора книги сфокусированы вокруг процессов конвергенции и дивергенции, связанных с национальными и социокультурными особенностями тех или иных государств (гл. 3–5)⁵. В какой-то мере именно об этой части книги можно сказать как об устаревшей: ушли в небытие большинство реалий и социальных практик, касающихся СССР, существенно трансформировались общественные системы США, Индии и Китая. Однако некоторые оценки исследователя оказались точными, например в том, что касается Китая: несмотря на уникальность китайской цивилизации и закрытость социально-политической системы и идеологии, Китай демонстрирует признаки открытости и сближения с глобальным миром (гл. 5). Впрочем, последнее не опровергает саму идею социальной дивергенции как усиления разнообразия/расхождения изначально однородных социальных, экономических и политических процессов, явлений и систем. На протяжении всей книги А. Инкелес неоднократно повторяет, что, несмотря на явные интенции к сближению, не существует “единого стандарта, разделяемого всеми” (р. 260) участниками глобального мира, о какой бы сфере общества ни шла речь. Подобная ориентация на диверсификацию, замечает автор книги, будет сопровождать нас еще по крайней мере столетие (р. 24).

Примечательно, что на рубеже веков некоторые исследователи воспринимали работы А. Инкелеса как декларацию “единственно правильного” – ставшего глобальным – американского образа жизни⁶. Однако спустя годы эти опасения можно считать напрасными: после того как гипотеза о ключевой роли факторов конвергенции и дивергенции в эволюционном развитии общества и социальной жизни подтвердилась, говорить о тренде всеобщей американизации не приходится. Глобализационные процессы подстегиваются глокализационными: ожидаемого стирания национальных и региональных отличий не произошло, напротив, наметилась тенденция к их сохранению и усилению.

Что касается индивидуально-личностного измерения модернизации, в условиях неорархаизации

⁴ Неклесса А. Праведное дело. *Интелпрос*, 15.04.2011. Available at: http://www.intelpros.ru/subject/karta_bud/7996-pravednoe-delo.html (accessed 15.07.2020).

⁵ Первые две главы книги задают теоретическую рамку исследования данных процессов.

⁶ Perkin H. Book Review: One World Emerging? Convergence and Divergence in Industrial Societies. By Alex Inkeles (Boulder: Westview Press, A Division of Harper Collins Inc., 1998. xix plus 423 p.). *Journal of Social History*, 1999, vol. 23, no. 1, pp. 461–462.

и ренессанса традиционализма свободная, активная, способная к солидарным действиям “современная личность” на первый взгляд проигрывает “новым варварам”, поглощенным жаждой потребления и ищущим простые ответы на сложные вопросы. Но так ли это на самом деле?

Легко заметить, что выделенные А. Инкелесом ценности модерна не так уж и новы. Такие качества, как терпимость, соблюдение законов, уважение прав других людей, представляют собой вечные ценности. Например, на стенах древнеегипетских гробниц были обнаружены надписи, содержащие представления о схожих с нынешними социальных и моральных нормах: “Я давал хлеб голодному, воду жаждущему, одежду обнаженному. Я не причинил зло ни одному человеку. Я спас увечного человека от того, кто был его сильнее... Я был почтительным к своему отцу, предупредительным к моей матери... Я исполнял правосудие”⁷.

Важно подчеркнуть, что современные ценности приобретают особую значимость в обществе риска⁸. Отечественный социолог О.Н. Яницкий называет неотъемлемым признаком современной эпохи глобальный риск⁹. Антропогенные риски и перманентная социальная нестабильность угрожают социальному порядку. Современный мир, считает исследователь, представляет собой сверхсложную социобиотехническую (СБТ) систему обмена информацией, энергией, человеческими ресурсами и пр. Превращение мира в СБТ-систему означает, что все социальные акторы должны стремиться к поддержанию различных сфер: земли, воды, воздуха, космического пространства и социотехнических систем. В качестве ключевых угроз нынешней эпохи О.Н. Яницкий прежде всего выделяет риски, связанные с тотальной цифровизацией общества и усилением социальной неопределенности¹⁰. Рукотворно созданный, казавшийся прежде удобным искусственный мир уже не помогает человеку, а несет ему опасность. В подобных условиях особенно важна способность каждого из нас чувствовать ответственность за

судьбу общества, в котором мы живем. Образно об этом пишет А. Моруа в своем известном “Открытом письме молодому человеку...”: “Мы не боги. Просто в нашем масштабе, на нашем комочке грязи мы обрели дьявольскую силу. Нам остается стать достойными этой силы”¹¹. Поразившая в настоящий момент мир пандемия *COVID-19* только подтверждает слова писателя. Наверное, не будет преувеличением сказать, что наличие у человека черт “современной личности” можно считать необходимым условием выживания в сегодняшних реалиях.

Также стоит сказать, что книга А. Инкелеса основана на огромном количестве эмпирических данных, поэтому автор с особой тщательностью описывает методологию, методы и методику исследований, результаты которых он приводит. Это делает книгу замечательным (и неустаревающим) учебным пособием для тех, кто стремится досконально освоить стратегию проведения социальных эмпирических исследований.

Подводя итоги, отметим актуальность научных изысканий А. Инкелеса и сегодня. Многие ныне четко оформившиеся процессы и явления он сумел разглядеть десятки лет назад. Исследователь был убежден, что алармистские прогнозы некоторых экспертов о новом Армагеддоне в XXI в. не сбываются: мир станет более открытым, прозрачным, а его части — взаимозависимыми. Мир, по мнению А. Инкелеса, идет к сближению, но до абсолютно “выровненного” состояния ему далеко, что, кстати, признает и автор концепции “плоского мира” Т. Фридман¹². Сложные социальные процессы конвергенции и дивергенции диктуют специфические, зачастую трудновыполнимые требования к личности эпохи постмодерна, следование которым становится своеобразной “инструкцией по выживанию” в обществе риска. *Postmodernity* не отказывается от идеалов модерна, а скорее проверяет их на прочность. Пандемия *COVID-19* и спровоцированный ею глобальный кризис — сложнейший экзамен для всего мира. Человечеству не следует отвергать модернистские ценности свободы, терпимости, социальной активности, солидарности, ответственности и пр. не только по моральным, но и по прагматическим соображениям. Книга А. Инкелеса напоминает нам об этом.

⁷ Мертц Б. *Красная земля, Черная земля. Древний Египет: Легенды и факты*. Пер. с англ. А.И. Коршунова. Москва, ЗАО Центрполиграф, 2004, с. 450.

⁸ Подробнее см.: Beck U. *Risk society: Towards a New Modernity*. London, Sage, 2010. 260 p.; Luhmann N. *Risk: A sociological theory*. Milton, Taylor and Francis, 2017. 271 p.

⁹ Яницкий О.Н. Вызовы и риски глобализации: Семь тезисов. *Социологические исследования*, 2019, № 1, сс. 29-39. DOI: 10.31857/S013216250003745-2

¹⁰ Там же.

¹¹ Моруа А. *Письма незнакомке*: Сб.: пер. с фр. Москва, АСТ, ВЗОИ, 2004, с. 399.

¹² Фридман Т. *Плоский мир: Краткая история XXI века*. Пер. с англ. Москва, АСТ, 2014. 318 с.

PERSONALITY AND SOCIETY IN THE POST-MODERN AGE (BASING ON A. INKELES'S RESEARCH)

[Review of the book: Inkeles A. One world emerging? Convergence and divergence in industrial societies.

London, Routledge, 2019. 448 p.]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 128-131)

Received 01.07.2020.

Maiya A. YADOVA (m.yadova@mail.ru),

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences (INION), 15/2, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 117218, Russian Federation.

Keywords: modernity and postmodernity, the model of the "modern personality" by A. Inkeles, social convergence and divergence, globalization.

About author:

Maiya A. YADOVA, Cand. of Sci. (Sociology), Head of the Department.

СОВРЕМЕННОСТЬ ИСТОРИИ: ИСТОКИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ИНДИИ

© 2021 г. А. Володин

Zorawar Daulet SINGH. Power & Diplomacy. India's Foreign Policies during the Cold War. New Delhi, Oxford University Press, 2019. 398 p.

ВОЛОДИН Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук,
ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (andreivolodine@gmail.com).

Рецензия поступила в редакцию 03.06.2020.

Ключевые слова: Индия, Советский Союз, холодная война, США, Дж. Неру, И. Ганди, Великобритания, Индокитай, Китай, Пакистан, поиски парадигмы безопасности, Южная Азия.

Современная внешняя политика Индии вызывает много споров и различных интерпретаций среди политических деятелей, дипломатов, исследователей и журналистов. Рецензируемая книга в этом контексте важна и полезна потому, что позволяет глубже понять это многоаспектное явление, обращаясь к его корням – к недавней истории. Есть и другие обстоятельства, которые вызовут интерес к работе З.Д. Сингха у российских читателей.

Современные политологи-международники обычно концентрируют внимание на одном-двух аспектах деятельности государства во внешней среде. На этом фоне рецензируемая работа, написанная с позиций многофакторного анализа, на основе стереоскопического взгляда на исследуемый объект, привлекает к себе внимание.

Второе немаловажное обстоятельство – объект исследования. В последние годы в отношениях России с Индией возникли некоторые “шероховатости”, и появляется естественный вопрос: эти трудности связаны с взаимным недопониманием или имеют под собой причины более глубокого порядка? Думается, что автор, специально не погружаясь в проблематику текущих индийско-российских отношений, в ходе исследования пытается непрямо ответить на этот важный, по крайней мере для нашей страны, вопрос.

Выстраивая “здание” своего исследования, З.Д. Сингх в качестве “строительного материала” использует фактор разнокачественности внешнеполитических представлений у первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру (1947–1964) и его дочери, главы правительства Индиры Ганди (1966–1977, 1980–1984). При этом он подчеркивает, что оба государственных деятеля реализовывали одну и ту же *стратегию*, имевшую целью повышение статуса Индии в мировой геополитической иерархии. Однако если Дж. Неру уповал на

действенность *системы коллективной безопасности* в Азии, то И. Ганди оказывала категорическое предпочтение идее *баланса сил* и в конечном счете добилась абсолютного преобладания Индии в регионе Южной Азии, а равно и в акватории Индийского океана.

Композиция исследования соответствует поставленным задачам. В гл. 1 исследуются сопряжение и взаимовлияние *трех* несущих идейных конструкций индийской внешней политики: *интернационализма* (в Азии и для Азии), отказа от традиционной для Запада парадигмы “баланса сил” и доктрины “неделимости безопасности”, реализуемой в процессе государственного “миротворчества”. В гл. 2–4 в качестве иллюстрации заявленных тезисов рассматриваются три внешнеполитических кризиса в новейшей истории Индии с точки зрения оценки эффективности линии “миротворчества” и “неделимости безопасности”: восточнобенгальский (1959), индокитайский (1954) и тайваньский (1955). В гл. 5 реконструированы центральные внешнеполитические установки администрации И. Ганди: концепция “узких национальных интересов”, идея *разделимости* безопасности во имя геополитических выгод, возможность использования методов принуждения при отстаивании интересов национальной безопасности. В гл. 6–8 продемонстрированы новые основообразующие принципы внешней политики на примерах второго кризиса в Индокитае (1965–1966), отделения от Пакистана Восточной Бенгалии (1971) и образования нового государства Бангладеш, интеграции бывшего княжества Сикким в состав Индии (1970–1975).

Свое мировоззрение Дж. Неру считал “странным симбиозом буддизма, марксизма и гандизма”. Воплощением индийского начала его жизненных установок выступали мысли Р. Тагора и М. Ганди:

махатма персонифицировал первичность этического обоснования политических действий, тогда как поэт воплощал синкретическое единство различных идей и представлений, его образ мыслился своеобразным олицетворением “реформированного мирового порядка”. Марксизм у Дж. Неру в свою очередь сопрягался с противостоянием советской России британскому империализму, который в Индии именовался “раджем”. Дж. Неру рассматривал этический подход к дипломатии и мировой политике как единственно способный разрядить напряжение, нараставшее в международных отношениях после окончания Второй мировой войны.

З.Д. Сингх не исключает, что *глобальный* взгляд Дж. Неру на международные отношения исторически вытекал из центральной роли Индии в составе Британской империи. Однако Дж. Неру полагал изжившей себя “большую игру” за преобладание в Евразии, не раз напоминая о неудачной попытке Германии А. Гитлера решить эту непосильную задачу (pp. 51-52). Автор напоминает, что центральная роль Индии определялась созданием “раджем” нескольких кругов безопасности, которые не только охраняли “жемчужину Империи”, но и закрывали доступ в Южную Азию и на прилегающие к ней территории другим великим державам. Иначе говоря, для Дж. Неру Южная Азия словно растворялась в обширном пространстве, которое эвфемистически описывалось как “соседние территории” (*neighbourhood*). Особенности географического восприятия Индии стали для Дж. Неру руководящими принципами внешней политики. Наступление ядерного века укрепило Дж. Неру в действительности принципов логики и разума в международных отношениях: “концепция неделимой безопасности Неру исключала возможность управляемых двусторонних военных конфликтов, тогда как Мао Цзэдун подобные конфликты допускал” (p. 57). Различие между индийской доктриной внешней политики, с одной стороны, и подходами к дипломатии у “великих держав”, с другой, состояло в том, что “сверхдержавы” применяли принцип *мир посредством безопасности*, тогда как Индия уповала на идею *безопасность посредством мира*.

Столь же последовательным было и отношение независимой Индии к послевоенным альянсам, которые рассматривались как наследие колониализма. “Стратегическая независимость” расценивалась как политическая культура неучастия в холодной войне. Одновременно индийский внешнеполитический истеблишмент сознавал, что сама идея существования “третьей силы” в мировой политике обязана своим существованием противостоянию сверхдержав.

З.Д. Сингх уверен: для понимания логики внешнеполитических инициатив Дж. Неру необ-

ходимо ясное ощущение *исторического контекста* постколониального развития Индии, прежде всего “травматического” для массового сознания раздела Индостана. В это объемное понятие автор включает и индо-пакистанскую войну из-за Кашмира (1947–1948), и исход в Индию из Восточной Бенгалии (провинции Пакистана) 1.6 млн беженцев (большой частью индусов), и массовые столкновения на религиозной почве в обоих новообразованных государствах, и критику “уступчивости” Дж. Неру со стороны влиятельных сил политической элиты во главе с В. Пателем, и готовность военного руководства Индии к “хирургической акции” на восточнобенгальской территории. Давление сторонников “жесткой линии” в Дели на правительство имело следствием подписание индийско-пакистанского соглашения о взаимном уважении прав религиозных меньшинств в обоих государствах.

В чем причина политики “умиротворения” Дж. Неру по отношению к Пакистану? Автор предлагает следующее объяснение. “Стратегия принуждения” (*coercive strategy*) предполагала даже ограниченное применение силы с целью повлиять на поведение противника (в данном случае Пакистана). С одной стороны, принуждение и дипломатия – антитезы, согласно Дж. Неру. Тем более, война с Пакистаном представляла бы как противостояние ислама и индуизма, что несло в себе угрозу светским основам индийской государственности и мирному сосуществованию двух главных конфессий страны. С другой стороны, военный бюджет Индии поглощал до 70% расходов центрального правительства. Дж. Неру опасался отвлечения ресурсов от давно вынашивавшейся им программы массивной индустриализации Индии, предполагавшей, в частности, создание условия для появления *национального* военно-промышленного комплекса, способного обеспечить осуществление активной и суверенной внешней политики (pp. 92-96).

Вторым серьезным испытанием стратегии “миротворчества” стал кризис в Индокитае (1954). Положение в Южной Азии серьезно осложнил американо-пакистанский пакт (ноябрь 1953), который серьезно пошатнул основания системы коллективной безопасности в Азии. Стремление Франции при поддержке США сохранить свое “стратегическое присутствие” в Индокитае реально угрожало планам Индии выстроить *постколониальную систему безопасности* в восточной части бассейна Индийского океана. Ответом на новые вызовы стали дипломатия нормализации отношений с “новым”, социалистическим Китаем и активное миротворчество в Юго-Восточной Азии.

В этот ответственный период политика Индии не была пассивной. Дж. Неру заручился поддерж-

кой лидеров, разделявших ценности неприсоединения, от Египта до Бирмы/Мьянмы, разъясняя коллегам, что политика США управляется фактором военной силы, а Франция не сделает и шага к примирению во Вьетнаме без согласия США, которые “не позволят материализоваться мирному урегулированию” (р. 102). Позиция Дж. Неру не всегда оказывалась понятной партнерам в Москве и Пекине: с одной стороны, премьер стремился донести до партнеров обеспокоенность Индии проектировавшимся пакистано-американским альянсом. С другой стороны, Индия не планировала отказываться от тесных связей с Западом и принимать “военную поддержку из Москвы” (р. 107).

От себя добавим: советским дипломатам было трудно логически совместить идею “геополитической стабильности в Азии”, основания которой были подорваны пакистано-американским пактом, с отказом от традиционной политики “баланса сил”, частью которой могла бы стать уравнивающая советская помощь, а также с отказом от поддержки Москвы. Заметно, что З.Д. Сингх испытывает трудности при попытке непротиворечиво объяснить “философское” обоснование внешней политики Индии в тот период. Возможно, в геополитических расчетах Дж. Неру в середине 1950-х годов более значительная роль отводилась бывшей метрополии – Великобритании, а также Франции и Швеции. Между тем влияние двух крупнейших колониальных держав в Азии в тот период неуклонно падало, ресурсов Швеции было явно недостаточно для того, чтобы играть значительную роль.

В итоге Дж. Неру попытался выстроить систему безопасности в Азии за счет добрососедских отношений с Индонезией и Бирмой, а также в процессе улучшения связей с социалистическим Китаем. Квинтэссенцию внешнеполитического видения Дж. Неру автор передает следующим образом: “Индия должна всячески препятствовать расширению пространства (военных) альянсов на соседних территориях, но не за счет союзов с той или иной великой державой или посредством создания некоей независимой (от сверхдержав. – А.В.) третьей силы, а в процессе расширения пространства мира” (р. 123). Видимо, роль Индии в международных отношениях ее первый премьер-министр видел в функции своеобразного “моста”, соединяющего страны с различными интересами и тем самым охраняющего “пространство мира”.

Однако ввиду недостаточного геополитического потенциала “мостом” между противостоящими сторонами в Индокитае Индия так и не стала. Не секрет, что движению Хо Ши Мина активно помогали СССР и КНР, тогда как Индия, значительно зависящая от американской продовольственной помощи, не смогла реализовать свою парадигму

“миротворчества” и стать самостоятельной силой в урегулировании индокитайского конфликта. Та же причина лежала в основе “пробуксовывания” процесса повышения статуса индийско-советских отношений хотя бы до уровня отношений Дели и Лондона (pp. 138-139).

Для Дж. Неру архитектура безопасности в Азии выглядела следующим образом: сосуществование неприсоединившихся стран во главе с Индией, социалистического Китая и Америки, пытавшейся контролировать основные водные пути этого макрорегиона. Последнее обстоятельство особенно тревожило лидера Индии, и тайваньский кризис 1955 г. рассматривался в Дели как благодатный повод для понижения интенсивности американо-китайского конфликта при активном посредничестве Индии (Дж. Неру находился с визитом в КНР с 18 по 30 октября 1954 г.). Конфликт между КНР и Гоминьданом вспыхнул в самом начале 1955 г., тогда как американо-тайваньский договор о “взаимной обороне” вступил в силу 3 декабря 1954 г. Премьер Индии не предлагал Китаю конкретных действий по урегулированию кризиса, однако Дж. Неру тревожила активизация “сторонников твердой линии” в отношении КНР, которые могли бы ограничить “свободу действий” президента Д. Эйзенхауэра (pp. 147-148). В то же время нежелание канадцев, британцев и австралийцев противопоставить себя американцам оставляло мало надежд на успех многостороннего процесса урегулирования “тайваньской проблемы”. Москва также не считала целесообразным воздействие на Пекин с целью добиться “большей гибкости” позиции Китая в конфликте с США.

В тайваньском кризисе, замечает З.Д. Сингх, произошло столкновение двух внешнеполитических парадигм: индийского “миротворчества” и американской “стратегии сдерживания”. Попутно отметим, что дальновидный премьер Госсовета КНР Чжоу Эньлай опасался “стабилизации кризисной ситуации”, которая неизбежно усилит позиции США на Дальнем Востоке в ущерб Китаю (р. 167). В конечном счете и Пекин, и Вашингтон согласились признать соположение сил в Северо-Восточной Азии, и “тайваньский конфликт” был таким образом “заморожен”. Индия в свою очередь получила свободу маневра в Южной Азии, что проявилось в произошедшей спустя несколько лет интеграции португальских колониальных владений на Индостане (Гоа, Диу, Даман) в состав Индии.

Положительным элементом внешнеполитической “парадигмы Неру” З.Д. Сингх полагает ее *историзм*, то есть стремление удержать Запад от повторения ошибок прошлого (блокады СССР после Октябрьской революции) в отношении Китая. В более широкой перспективе Дж. Неру вы-

ступал за создание “полицентрического мирового порядка”, в котором “великие державы” были бы проникнуты духом *единства в многообразии* и готовы подавлять свои желания по “переформатированию” международной системы согласно своим узко понимаемым интересам (р. 190).

Политологи 1970-х – первой половины 1980-х годов одним из центральных принципов деятельности Индиры Ганди (1917–1984) считали *этический релятивизм*, что означает, если использовать язык Ф.М. Достоевского, “все дозволено”. Разумеется, подобная характеристика даже для оценки деятельности политика на “домашнем фронте” страдает известной поверхностностью. Что же говорить о дипломатии, на пространстве которой нет друзей, а императивы задают исключительно интересы безопасности? И. Ганди как-то сказала, что принципы, положенные в основание внешней политики ее отца (Дж. Неру), не выдержали проверку обстоятельствами. Тезис этот присутствует и в рецензируемой работе, где З.Д. Сингх скрупулезно исследует эволюцию политики Индии в сторону реализма и практичности. Задача не из легких, поскольку, в отличие от отца, И. Ганди не пыталась переложить на бумагу свои взгляды на быстро меняющийся мир и на место Индии в подвижной геополитической иерархии. Можно с определенностью утверждать, что *водоразделом*, предопределившим смену внешнеполитической парадигмы, стал крайне неудачный для Индии пограничный конфликт 1962 г. с Китаем, до основания пошатнувший “философские” основания всей доктрины поведения этой страны во внешнем мире.

Автор обращает внимание на творческую интеллектуальную поддержку внешней политики Индии в лице первоклассных мыслителей, таких как П.Н. Хаксар, Т.Н. Кауль, Р. Као, Д.П. Дхар, Г. Партхасаратхи, П.Н. Дхар. Сама И. Ганди оказалась способной не только обобщать предлагавшиеся премьер-министру идеи, но и действовать решительно – на основе уже не только полученного в коридорах власти опыта, но и самостоятельного повседневного анализа событий и процессов в мировой и региональной политике. Состав советников при И. Ганди стал заметно шире, тогда как решения принимались синклитом, то есть внутренним кругом премьер-министра после тщательных обсуждений. Такая форма принятия стратегических решений не приветствовалась оппозицией, и уже в середине 1970-х годов появились критические статьи о формировании в стране “внеконституционного центра власти” в лице ближайших советников И. Ганди. Однако ретроспективный взгляд на события тех лет подтверждает: создать принципиально новую внешнеполитическую парадигму было возможно лишь в результате “ин-

теллектуального штурма”, но никак не в процессе межпартийной дискуссии.

“Первым среди равных” в аппарате советников считался П.Н. Хаксар, человек незаурядного интеллекта и острого политического видения; при его непосредственном участии концепция “миротворчества” трансформировалась в парадигму “поисков безопасности”. Несущими конструкциями нового внешнеполитического видения стали *три* взаимозависимых тезиса. *Первый*: более узкое, чем прежде, определение национальных интересов, центрированное Индией вокруг региона Южной Азии и отводящее вспомогательное значение расширенному трактуемому континентальному пространству (как это имело место при Дж. Неру). *Второй*: конкретизация концепции безопасности и выбор в пользу идеи “баланса сил” вместо умозрительно понимаемой “культуры взаимодействия” на пространстве Большой Азии. *Третий*: допустимость использования фактора принуждения при разрешении конфликтов или при решении геополитических задач Индии в Южной Азии, пришедшая на смену принципам “согласования интересов” и “стратегической сдержанности”, продемонстрировавшим свою недееспособность (р. 198).

Окончательное решение о смене внешнеполитической парадигмы созрело у И. Ганди (тогда еще не премьер-министра) после индийско-пакистанской войны 1965 г., продемонстрировавшей неготовность США и Запада в целом учитывать интересы безопасности Индии, уже обремененной противостоянием с Китаем. Одновременно вновь возник вопрос о геополитическом сближении с Советским Союзом. Автор напоминает: еще в 1955 г. министр обороны СССР Г.К. Жуков выразил готовность поставить в Индию партию “легких бомбардировщиков, немедленно и в любом количестве” (р. 210).

Между тем подвижная международная ситуация торопила Индию с принятием долгосрочных внешнеполитических решений. Намечившееся сближение США и Китая всерьез обеспокоило официальные круги в Дели. Еще одним настораживающим фактором стала возможность Пакистана выполнить посредническую роль в установлении американо-китайского диалога. В условиях идеологического диспута Советского Союза и Китая естественным союзником Дели стала Москва. После разговора И. Ганди и председателя Совета министров СССР А.Н. Косыгина (май 1969 г.) начали возникать контуры будущего Договора о мире, дружбе и сотрудничестве 1971 г. Иными словами, конкретизирует свою мысль З.Д. Сингх, “в представлении Индиры Ганди выглядело разумным использовать фактор (общемирового. – А.В.)

баланса сил для расширения свободы действий на (индостанском) субконтиненте” (р. 212). Автор признает, что Индия получила от СССР больше, чем Советский Союз предполагал, поскольку Дели уклонился от прямой поддержки идеи Москвы о коллективной безопасности в Азии. Помимо очевидных внешнеполитических выгод, новые отношения с Советским Союзом позволили И. Ганди с позиции силы вести диалог со своими внутренними оппонентами.

Совсем скоро И. Ганди и ее советникам представилась возможность протестировать новую внешнеполитическую парадигму. Полем испытания вновь стал Вьетнам, где численность американцев с октября 1961 г. по январь 1968 г. увеличилась с нескольких сот советников до 579 тыс. военнослужащих (р. 223). И. Ганди использовала вовлеченность США во вьетнамскую войну (“имперское перенапряжение сил”, как называет действия одновременно в нескольких конфликтах историк-глобалист П. Кеннеди), чтобы упрочить свои позиции в Южной Азии, которая требовала пристрастного внимания после индо-пакистанской войны 1965 г. После июля 1966 г. линия Индии в отношении Индокитая стала более инициативной, поскольку И. Ганди и ее советники полагали: 1) война во Вьетнаме связывает силы и Америки, и Китая и 2) США выступают “активным баланси́ром” проекции влияния Поднебесной на регионы Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (ЮВА), тем самым расширяя Индии поле для маневра в отношениях с Пакистаном. Наконец, индийский внешнеполитический истеблишмент не покидала тревога относительно возможного образования “вакуума влияния” в ЮВА после вывода американских войск из Вьетнама, рассматривавшегося как предзнаменование “окружения” Индии, на сей раз с восточного фланга.

В Дели с неослабевающим вниманием следили за развитием советско-вьетнамских отношений, опасаясь растущего влияния Пекина в Ханое. Логика рассуждений в кругу советников И. Ганди выглядела примерно так. Вьетнам — “естественный и исторический враг Китая”, однако эскалация военных действий неизбежно усилит влияние Пекина на Ханой и затруднит политическое маневрирование “независимых северо-вьетнамских лидеров Хо Ши Мина и Фам Ван Донга”. Наиболее желательный для Дели сценарий развития событий увязывался с началом советско-американских переговоров в Женеве, имевших целью урегулирование во Вьетнаме: “расширение пространства согласия между США и Советским Союзом во Вьетнаме позволит свернуть китайское влияние в этой стране и улучшить региональный баланс сил и альянсов в пользу Индии” (р. 231). Внешнеполитический истеблишмент в Дели вполне устраивали стано-

вившиеся принципиальными разногласия Москвы и Пекина вокруг Вьетнама: если СССР недвусмысленно поддерживал объединение Вьетнама под эгидой Хо Ши Мина и его единомышленников, то Китай, скорее всего по геополитическим соображениям, идею единого Вьетнама не принимал (хотя официальных заявлений по данной теме не было) и не доверял “слишком самостоятельному” Хо Ши Мину. Задача Индии сводилась к убеждению Америки начать диалог с Советским Союзом, тем более что возможности США управлять внутренней ситуацией в Южном Вьетнаме неуклонно сокращались (pp. 232-233).

Сложность задачи индийской внешней политики на индокитайском направлении определялась и тем обстоятельством, что уже в 1966 г. дипломаты стали отсылать в Дели депеши, предупреждающие о начавшейся интеллектуальной подготовке к американо-китайскому сближению. Неофициально к воздействию на КНР американцы пытались подключить Пакистан, что несло прямую угрозу позициям Дели на “подворье”, в Южной Азии. Сознательная опасность американо-китайского сближения, Т.Н. Кауль убеждал И. Ганди начать более акцентированный дрейф в сторону СССР, который усилил бы позиции Дели в диалоге с Вашингтоном и Пекином (pp. 253-255). Геополитический поворот И. Ганди, полагает З.Д. Сингх, дал возможность Дели “остаться в игре сверхдержав и позволил Индии сохранить за собой стратегическое значение для каждой из них”, то есть США, СССР и КНР (р. 265).

Своеобразной кульминацией творческого метода З.Д. Сингха стало аналитическое описание “пакистанского Дьенбьенфу”, то есть индо-пакистанской войны 1971 г. и образования Народной Республики Бангладеш (гл. 7). Образ “Дьенбьенфу” выбран автором с целью продемонстрировать тотальное поражение Пакистана в войне с Индией 1971 г., которая зафиксировала статус Индии как ведущей силы в Южной Азии и бассейне Индийского океана. Кризис в Восточной провинции Пакистана, результатом которого стало образование нового государства Бангладеш, повлиял на поведение правящих кругов Индии. В тех условиях формирование внешнеполитической стратегии Дели прошло в своем развитии *три* фазы. *Первая* (с декабря 1970 г. по март 1971 г.) впитала в себя дискуссии в индийских “верхах” относительно уместности в сложившейся ситуации “стратегии принуждения” и завершилась признанием стратегической выгоды для Индии восточно-бенгальского кризиса. *Вторая* ознаменовалась принятием решения об использовании обостряющейся ситуации в Восточной Бенгалии как повода для вовлечения Индии в конфликт на стороне “народа” провинции, для чего были использованы “стратегические переговоры” с Советским Союзом с целью создания

обстановки, благоприятствующей “изменению статус-кво на восточной границе Индии”. Третья фаза, охватывавшая лето 1971 г., имела результатом подписание советско-индийского Договора о мире, дружбе и сотрудничестве, который создал организационные предпосылки разрешения Индией “восточно-бенгальского кризиса” (р. 269).

Советники И. Ганди строили свои прогнозы на будущее Пакистана, опираясь на два предположения. Во-первых, национальное движение Восточной Бенгалии, выразителем интересов которого стала партия Авами Лиг во главе с М. Рахманом, станет главной политической силой Пакистана, и перегруппировка сил в стране изменит отношения двух соседних государств с враждебных на добрососедские. Во-вторых, пенджабская элита Западного Пакистана не согласится с подобным перераспределением власти в стране, что может иметь следствием гражданскую войну. В данной, пока гипотетической ситуации от Индии потребуются решительные и оперативные действия.

Как и предполагалось, события в Восточном Пакистане развивались стремительно. В декабре 1970 г. на выборах в Восточном Пакистане победила Авами Лиг. Однако правительство Пакистана отказалось от передачи власти и 25 марта 1971 г. ввело в провинции военное положение. 2 апреля 1971 г. правительство СССР осудило использование силы “против населения Восточного Пакистана” (р. 279). Реакция США сводилась к утверждению о “внутреннем характере” разворачивавшихся событий. Премьер-министр приняла решение в пользу поэтапной стратегии действий и отказа от “реактивной прямой интервенции”. Политика Индии состояла в том, чтобы отделить движение восточно-бенгальского населения за суверенитет от отношений Индии и Пакистана. Одновременно Индия и СССР тесно координировали свои действия, тем самым удерживая Пакистан и его союзников от необдуманных действий (pp. 288–289). Действенным стабилизатором обстановки в Южной Азии и вокруг нее стал советско-индийский Договор о мире, дружбе и сотрудничестве (август 1971 г.).

Развивая отношения с Индией, Советский Союз преследовал свои геополитические цели: 1) ограничение влияния Китая и США в Азии и 2) нейтрализацию “треугольника” США–Пакистан–Китай (р. 304).

Стратегия “абсорбции” горного княжества Сикким в состав Индии (1970–1975) была, по сути дела, отработана в ходе действий по образованию государства Бангладеш. Применяя апробированную еще в ходе национально-освободительного движения тактику *давление–компромисс–давление*, правительство И. Ганди добилось интеграции

Сиккима в состав Индии на правах ее 22-го штата (pp. 310–342).

Таковы основные мысли, идеи и гипотезы рецензируемой монографии. Особенность работы З.Д. Сингха – в живой связи истории индийской политики и ее современного состояния, которое не первый год вызывает дискуссии среди отечественных индологов. На мой взгляд, такого рода вопросы выглядят следующим образом.

Автор, по-моему, сознательно употребляет английское слово “*policy*” во множественном числе, акцентируя наличие *двух* внешнеполитических парадигм Индии в период холодной войны. Если Дж. Неру ставил ударение на *системе коллективной безопасности* в Азии с постоянной “оглядкой” на позиции США и Англии (сопровожаемой попытками умиротворения Поднебесной и интеграции КНР в международные институты), то И. Ганди с самого начала своей премьер-министерской легислатуры выбрала традиционную установку дипломатов – использования фактора *баланса сил*, искусно сочетая глобальный и региональный подходы. У рецензента в этой связи возникает вопрос: современная внешняя политика Индии есть возвращение к “парадигме Неру”, которая уже в середине 1960-х годов подвергалась критике за *нереалистичность* и недоучет фактора “физической силы” в международных отношениях?

“Парадигма И. Ганди” претворялась в жизнь самостоятельно и творчески мыслящими личностями (в этом рецензент раз за разом убеждался, общаясь с П.Н. Хаксаром, Т.Н. Каулем, Г. Партхасаратхи, М.Л. Фотедаром и другими незаурядными аналитиками). В современной Индии остались специалисты-международники такого уровня, способные мыслить перспективно и масштабно, встать в один ряд с выдающимися предшественниками? Вопрос далеко не праздный, поскольку статьи З.Д. Сингха, написанные на “злобу дня” о современной внешнеполитической мысли этой страны, не дают утвердительного ответа на этот сакраментальный вопрос. Личный опыт общения и наблюдения за динамикой формирования внешнеполитических установок, увы, вызывает пессимистические чувства.

Поскольку в монографии значительное внимание уделено политике СССР и советско-индийским отношениям, которые качественно повысили геополитический статус этой страны, у рецензента неизбежно возникает вопрос: каково представление официального Дели о роли Москвы в современной иерархии внешнеполитических приоритетов Индии? Слыша от близких к правящим кругам страны экспертов критику в адрес российской внешней политики, рецензент вправе спросить: а разве у наших дипломатов нет вопросов к моти-

вам поведения Индии в современном, быстро меняющемся мире?

Монография З.Д. Сингха, написанная на тему, казалось бы, “давно минувших дней”, в содержательном отношении на удивление *современна*,

поскольку она затрагивает проблемы, имеющие отношение не только к российско-индийским связям, к нынешней международной политике Индии, но и к перспективам построения нового, более устойчивого полицентричного мира.

MODERNITY OF HISTORY: ORIGINS OF INDIA'S FOREIGN POLICY

[Review of the book: Zorawar Daulet Singh. Power & Diplomacy. India's Foreign Policies during the Cold War. New Delhi: Oxford University Press, 2019. 398 p.]

(World Economy and International Relations, 2021, vol. 65, no. 1, pp. 132-138)

Received 03.06.2020.

Andrey G. VOLODIN (andreivolodine@gmail.com),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, 23 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Keywords: India, Soviet Union, cold war, USA, J. Nehru, Indira Gandhi, Great Britain, Indochina, China, Pakistan, “security seeker” paradigm, South Asia.

About author:

Andrey G. VOLODIN, Dr. of Sci. (History), Principal Researcher.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

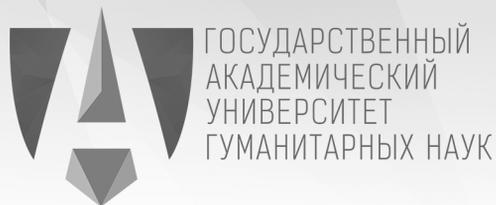
НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% - кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки
и образования

Бюджетные
места

Насыщенная
студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История

• Философия

• Политология

• Социология

• Международные отношения

• Зарубежное регионоведение

• Востоковедение и африканистика

• Психология

• Культурология

• Археология

• Менеджмент

• Юриспруденция

• Экономика

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaun

instagram.com/gaun_/_

gaun.ru

E-mail: info@gaun.ru

vk.com/gaun

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.